

Кубанский государственный университет

Научный журнал

ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Scientific Journal

SOUTH-RUSSIAN JOURNAL OF SOCIAL SCIENCES

Том 20 · 2019 · №1

Южно-российский журнал социальных наук

Издаётся с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. 20 марта 2018 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, территории распространения, переименованием учредителя, уточнением тематики — регистрационный номер ПИ № ФС77-72496 от 20 марта 2018 г.

Распространяется по подписке. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483. ISSN 2619-0567

Согласно ФЗ от 29.12.2010 №436 ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149, к. 406-н.
Тел.: (861) 219-96-27

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149. Кубанский
государственный университет

Главный редактор

Морозова Елена Васильевна, д-р филос. наук, проф. (КубГУ, Россия)

Редакционная коллегия

Жаде З.А., д-р полит. наук, проф., Адыгейский ГУ, Россия; **Кольба А.И.**, д-р полит. наук, доц., КубГУ, Россия (*зам. гл. редактора*); **Мкртчян А.Е.**, д-р филос. наук, проф., Ереванский государственный университет, Армения; **Нарыков Н.В.**, д-р филос. наук, проф., Краснодарский университет МВД, Россия; **Насимова Г.О.**, д-р полит. наук, проф., Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан; **Оберемко О.А.**, канд. социол. наук, доц., НИУ ВШЭ, Россия; **Ожигова Л.Н.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия (*зам. гл. редактора*); **Подшивалкина В.И.**, д-р социол. наук, проф., Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина; **Поцелуев С.П.**, д-р полит. наук, доц., ЮФУ, Россия; **Рябикина З.И.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия; **Рябченко Н.А.**, канд. полит. наук, КубГУ, Россия (*тех. директор*); **Фадеева Л.А.**, д-р ист. наук, проф., Пермский ГНИУ, Россия; **Хагуров Т.А.**, д-р социол. наук, КубГУ, Россия; **Янчук В.А.**, д-р психол. наук, проф., Белорусский государственный университет, Беларусь.

Редакционный совет

Алексеева Т.А., д-р филос. наук, проф., МГИМО(У) МИД РФ, Россия; **Дёмин А.Н.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия; **Дженкинс Р.**, д-р социологии, проф., Университет Шеффилда, Великобритания; **Дэшауэр К.**, проф., Свободный университет, Брюссель, Бельгия; **Журавлев А.Л.**, д-р психол. наук, проф., академик РАН, Институт психологии РАН, Россия; **Зинченко Ю.П.**, д-р психол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия; **Знаков В.В.**, д-р психол. наук, проф., Институт психологии РАН, Россия; **Никовская Л.И.**, д-р социол. наук, проф., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия; **Оркени А.**, д-р социол. наук, проф., Университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия; **Романова А.П.**, д-р филос. наук, проф., Астраханский ГУ, Россия; **Рот С.**, PhD, проф., Бизнес-школа Ла Рошель, Франция; **Семененко И.С.**, д-р полит. наук, член-корр. РАН, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Россия; **Сморгунов Л.В.**, д-р филос. наук, проф., СПбГУ, Россия; **Шабров О.Ф.**, д-р полит. наук, проф., РАНХиГС, Россия.

Верстка: Хрипков Д.А., **Технический редактор:** Руссия Н.Т.

Журнал включен в утвержденный ВАК Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени по следующим отраслям науки: политические науки – 23.00.02, 23.00.04, 23.00.05; социологические науки – 22.00.04; психологические науки – 19.00.01, 19.00.05, 19.00.13.

Эл. адрес:

journalsr@kubsu.ru

Сайт журнала:

<http://journalsr.kubsu.ru>

Формат 70x100 1/16. Печать цифровая. Гарнитура PT Serif. Макет подготовлен и сверстан в компьютерном центре редакции. Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра Кубанского государственного университета, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Цена свободная. Подписано в печать 23.03.2019.

Уч.-изд. л. ??? Усл. печ. л. ??? Тираж 1000 экз. Заказ №

ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Том 20 · 2019 · №1

Содержание

Политические институты и процессы

Наднациональный формат и национальные особенности миграционной политики стран ЕС

О.Е. Трофимова, А.С. Четверикова 6

Non-state actors and illegal migration: a new European approach to security policies

P. Bargiacchi 24

Интеграция иммигрантов в Швеции (социально-политический аспект)

И.В. Гришин 40

Публичная политика

Технологии демобилизации граждан в протесте: на примере протестов против повышения пенсионного возраста в РФ

А.В. Палагичева, А.А. Фролов 57

Социологические интерпретации

Применение метода контент-анализа в изучении отношения пользователей социальных сетей к современной российской медицине

А.В. Никольская, А.А. Костригин 72

Проблемы безопасности

Организационные основы единства государственной политики Российской Федерации по обеспечению национальной безопасности

Я.А. Пономаренко 91

Юг России: люди, общество, политика

Динамика идентичностей в культурном ландшафте Астраханского региона: от этноконфессиональной формы к транскультурной

Е.В. Хлыщева 105

«Страсти по перестройке» в памяти и судьбах выпускников исторического факультета Кубанского госуниверситета 1992 и 1993 гг. (на материалах интервью)

И.Г. Тажидинова 123

Психология личности

Маскулинность / фемининность и мотивация личности подростков

Л.Н. Ожигова, Т.О. Богомолова 137

Профессионально важные качества курсантов третьего года обучения: структура личностных качеств

М.Г. Лукинова, Е.А. Щербакова 152

К сведению авторов 165

Порядок приёма и рецензирования рукописей 172

South-Russian Journal of Social Sciences

Published quarterly since March 1999. Registered under certificate ПИ № ФЦ77-72496 of March 20, 2018 issued by the Federal Service for Supervision of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) of the Ministry of Communications and Mass Media of the Russian Federation.

Distributed by subscription. Free price. Subscription index in Rospechat catalogue 46483. ISSN 2619-0567

The Editorial Board's opinion may differ from the authors' opinion.

Founding institution:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room 406N,
Krasnodar 350040, Russian Federation,
tel. +7 861 2199627

Founding institution's address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University

Editor-in-chief

Prof. Elena V. Morozova, Dr. Sci. (Philosophy), Kuban State University; Krasnodar, Russia

Editorial Board

Prof. **Zuriet A. Zhade**, Dr. Sci. (Political Science), Adyghe State University, Maikop, Russia; Assist. Prof. **Aleksey I. Kolba**, Dr. Sci. (Political Science), Kuban State University, Krasnodar, Russia (*Deputy editor-in-chief*); Prof. **Artur E. Mkrtichyan**, Dr. Sci. (Sociology), Yerevan State University, Yerevan, Armenia; Prof. **Nikolaj V. Narykov**, Dr. Sci. (Philosophy), Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russia; Prof. **Gulnar O. Nassimova**, Dr. Sci. (Political Sciences), Al-Farabi Kazakh National University, Astana, Kazakhstan; **Oleg A. Oberemko**, Cand. Sci. (Sociology), National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; Prof. **Liudmila N. Ozhigova**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia (*Deputy editor-in-chief*); Prof. **Valentina I. Podshivalkina**, Dr. Sci. (Sociology), Odessa National University, Odessa, Ukraine; Assist. Prof. **Sergey P. Potseluyev**, Dr. Sci. (Political Sciences), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Prof. **Zinaida I. Ryabikina**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; **Natalya A. Ryabchenko**, Cand. Sci. (Political Science), Kuban State University, Krasnodar, Russia (*Technical Director*); Prof. **Liubov A. Fadeeva**, Dr. Sci. (History), Perm State Research University, Perm, Russia; **Temyr A. Khagurov**, Dr. Sci. (Sociology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. **Vladimir A. Yanchuk**, Dr. Sci. (Psychology), Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Editorial Council

Prof. **Tatyana A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy), MGIMO University, Moscow, Russia; Prof. **Andrey N. Diomin**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. **Kris Deschouwer**, Vrije Universiteit Brussel, Brussel, Belgium; Prof. **Richard Jenkins**, Dr. Sci. (Sociology), University of Sheffield, Sheffield, Great Britain; Prof. **Anatoly L. Zhuravlev**, Dr. Sci. (Psychology), Academician Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Yuri P. Zinchenko**, Dr. Sci. (Psychology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Prof. **Viktor V. Znakov**, Dr. Sci. (Psychology), Institute of Psychology, Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Larisa I. Nikovskaya**, Dr. Sci. (Sociology), Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Antal Orkeny**, DsC, Rolando Eötvös University of Budapest, Hungary; Prof. **Steffen Roth**, PhD, La Rochelle Business School, La Rochelle, France; **Irina S. Semenenko**, Dr. Sci. (Political Sciences), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Leonid V. Smorgunov**, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Prof. **Oleg F. Shabrov**, Dr. Sci. (Political Sciences), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

Computer Layout: Khripkov D.A., **Editorial Assistant:** Russiya N.T.

The Journal is on the list of leading peer-reviewed scientific journals and periodicals recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. The Journal publishes articles on the following fields of science: political sciences - 23.00.02, 23.00.04, 23.00.05; sociological sciences-22.00.04; psychological sciences -19.00.01, 19.00.05, 19.00.13.

E-mail:

journalsr@kubsu.ru

Web-site:

<http://journalsr.kubsu.ru>

SOUTH-RUSSIAN JOURNAL OF SOCIAL SCIENCES

Vol. 20 · 2019 · Iss. 1

Contents

Political Institutes and Processes

- Supranational Format and National Specifics of the Migration Policy of the EU Countries
by O.E. Trofimova, A.S. Chetverikova. 21
- Non-state actors and illegal migration: a new European approach to security policies
by P. Bargiacchi. 39
- Integration of immigrants in Sweden (socio-political aspect)
by I. V. Grishin 54

Public Policy

- Technology the Demobilization of Citizens in Protest: the Case of Protests Against
Raising the Retirement Age in Russia
by A. V. Palagicheva, A. A. Frolov 69

Sociological Interpretation

- Content Analysis as a Method to Research the Attitude to Medicine in Modern Russia
on the Basis of the Data Collected from the Users' Posts in Social Networks "Vkontakte"
and "Instagram"
by A. V. Nikolskaya, A. A. Kostrigin 88

Security Problems

- The Organizational Basis for the Unity of the Russian Federation State Policy
in Ensuring National Security
by Y. A. Ponomarenko 102

South Russia: People, Society, Politics

- Dynamics of Ethno-Confessional Identities in the Cultural Landscape of the Astrakhan
Region
by E. V. Khlysheva 119
- "The Perestroika Passion" in the Memories and Fates of the Department of History
Graduates (the Classes of 1992 and 1993) at Kuban State University, Based on Their
Interviews
by I. G. Tazhidinova 135

Personality Psychology

- Masculinity / Femininity and Motivation of the Personality of Teenagers
by L. N. Ozhigova, T. O. Bogomolova. 150
- Professionally Important Qualities of Cadets of the Third Year Training: Structure
of Personal Qualities
by M. G. Lukinova, E. A. Shcherbakova 161
- Information for Contributors. 171
- Procedure for Receiving and Reviewing Manuscripts 172

НАДНАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОРМАТ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН ЕС¹

О. Е. Трофимова, А. С. Четверикова

Трофимова Ольга Ефимовна. Эл. почта: olgatrofimova53@mail.ru.
ORCID 0000-0001-8788-5064

Четверикова Анна Сергеевна. Эл. почта: chetverikova@imemo.ru.
ORCID 0000-0003-4793-4145

Центр европейских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, ул. Профсоюзная, 23, Москва, 117997, Россия.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования общеевропейской миграционной политики, которая выступает слабым звеном в процессе европейской интеграции из-за разности подходов, ценностей, ориентиров и исторических траекторий развития старых и новых стран – членов ЕС. Цель исследования – выявление специфики компетенций в сфере миграции как самого Евросоюза, так и отдельных его стран, баланса между наднациональными инициативами и национальными миграционными политиками. Переориентация с долгосрочных стратегических решений на достижение ближайших целей, сохранение солидарности и сплоченности в условиях нарастания противоречий между странами ЕС стали основными приоритетами общеевропейской миграционной политики. Новым моментом является исследование влияния миграционных вызовов на трансформацию процессов интеграции в Европе и наметившийся кризис его важнейшего принципа солидарности. Авторы анализируют особенности разных подходов к проблемам миграции и делают вывод, что согласование основных направлений европейской миграционной политики позволит сгладить ситуацию с вынужденными мигрантами и снизит риск дезинтеграции ЕС. Миграция из экономического фактора превратилась в политический и стала главным вызовом для Евросоюза из-за вовлеченности большого числа стран и специфики нынешнего потока вынужденных мигрантов, почти полностью состоящего из мусульман, что угрожает национальной идентичности европейских государств. Анализ наднационального и национального форматов отношений с мигрантами показал, что для нынешней политики характерен общий переход от ограничительной к избирательной политике и контролю над нелегальной миграцией, при этом региональный подход стал приоритетным, а основным инструментом регулирования миграции остается национальное государство.

Ключевые слова: наднациональный формат, миграционная политика, принцип солидарности, миграционный кризис, интеграция мигрантов, идентичность.

Особенностью миграционной политики ЕС является сочетание двух форматов регулирования миграционных потоков — национального и наднационального. Формирование наднациональной нормативно-правовой базы началось после саммитов ЕС в Тампере (1999 г.) и в Брюсселе (2004 г.), затем последовал ряд директив и актов ЕС, которые в основном касались привлечения квалифицированных кадров, помощи беженцам, борьбы с нелегальной миграцией. В отличие от национальных законодательств стран ЕС общеевропейская миграционная политика еще окончательно не сформирована и носит рекомендательный характер. Существующие различия, связанные с особенностями интеграции мигрантов

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-07-00040 «Структурная трансформация интеграционного процесса в ЕС под влиянием глобализирующихся миграционных потоков».

в отдельных странах, сохранением национальной идентичности в старых и новых странах – членах ЕС, отсутствием единства особенно после массового притока вынужденных мигрантов и нелегалов с 2015 г., негативно сказываются на общеевропейском сотрудничестве и принципе солидарности.

Общеевропейская миграционная политика: основные принципы

Общая миграционная политика ЕС охватывает такие направления, как миграция, беженцы и внутренняя безопасность. Первое включает проблемы легальной и нелегальной миграции и беженцев, интеграцию, прием и возвращение мигрантов. Второе — это борьба с организованной преступностью и терроризмом, сотрудничество полицейских ведомств стран – членов ЕС и обустройство внешних границ ЕС. Эта политика реализуется через межгосударственное взаимодействие и передачу ряда полномочий наднациональным институтам, что ведет к ослаблению государственного суверенитета и в последнее время к разногласиям внутри ЕС.

Миграционная политика ЕС представляет собой совокупность законодательных актов и директив, базирующихся на принципах партнерства стран – членов и институтов Евросоюза, и учитывает экономическую и миграционную ситуацию каждой страны ЕС. При ее разработке Евросоюз исходил из существующих международных принципов и норм в сфере миграции, таких как право на свободное передвижение и выбор места жительства, содействие воссоединению семей, недопущение дискриминации и др. (Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г. и др.).

Важнейшим принципом общеевропейской политики является принцип солидарности, предполагающий «коллективную ответственность» ЕС. Основной региональный документ — Европейская конвенция 1977 г. о правовом статусе трудящихся мигрантов, который носит рекомендательный характер и затрагивает наиболее важные аспекты правового статуса. Рост нелегальной миграции и проблемы трудоустройства мигрантов поставили ЕС перед необходимостью выработать общую политику и унифицировать нормы по противодействию нелегальной миграции.

Первоначально основу правового механизма общей миграционной политики составили Шенгенские соглашения от 1985 г. (Шенген I) о постепенной отмене проверок на общей границе и Конвенция о применении Шенгенского соглашения 1990 г. (Шенген II) о постепенной отмене проверок на общих границах (24 государства ЕС, а также Швейцария, Лихтенштейн, Норвегия и Исландия). Также в июне 1990 г. в Дублине все страны — члены ЕС подписали конвенцию о предоставлении убежища в ЕС, которая содержала систему критериев и ответственности той страны, чью границу изначально пересек мигрант при въезде в ЕС, за рассмотрение ходатайства об убежище. Она стала инструментом более тесного сотрудничества с помощью совместных действий и была принята в тот период, когда Европейский союз еще находился в стадии формирования, и вступила в силу лишь в сентябре 1997 г. Дублинская система состоит из Дублинского регламента (правил предоставления политического убежища) и Правил дактилоскопирования.

В Маастрихтском договоре 1992 г. также речь шла о переходе от межгосударственного сотрудничества в сфере миграции и приема беженцев к более тесному взаимодействию с учетом свободы передвижения лиц. Но поворотным моментом для общей миграционной политики стал Амстердамский договор 1997 г.

(вступил в силу в мае 1999 г.): он фактически закрепил так называемые общие принципы европейского права, включил нормативно-правовую базу Шенгенского соглашения в единое законодательство, передал некоторые правовые вопросы миграции (визовая политика, предоставление убежища, иммиграция) в ведение ЕС, т.е. фактически расширил полномочия Союза. К началу 2000-х гг. произошло разграничение полномочий в сфере миграции между странами – членами ЕС и Евросоюзом: европейские институты получили право регулировать миграционные потоки, а национальные правительства – решать проблемы натурализации и интеграции мигрантов.

Гагская программа 2004 г. поставила цель выработать общую миграционную политику к 2010 г., а Еврокомиссия в своих документах закрепила ее 10 принципов по трем разделам – «Процветание и иммиграция», «Солидарность и иммиграция», «Безопасность и иммиграция». Три основных Директивы, ограничивающих нелегальную миграцию (Директивы 2002 г., 2008 г., 2009 г.) легли в основу Стокгольмской программы 2010–2014 гг., приоритетами которой стали: увязывание визовой политики с безопасностью государства, солидарность и ответственность как основа миграционной политики, учет потребностей рынка труда, разработка общей стратегии предоставления убежища. Директива 2008/115 в целях гармонизации национальных правовых систем закрепила единообразие принципов и норм, которые практически все страны – члены ЕС и участники Шенгенского соглашения включили в свое законодательство.

Лиссабонский договор 2010 г. внес институциональные и структурные изменения в ЕС, определил основные принципы общей политики, разделил общеевропейские и национальные полномочия в этой области: меры, принимаемые на уровне ЕС в отношении мигрантов, не должны затрагивать право стран – членов определять число принимаемых ими трудовых мигрантов (Faure, Gavas, Knoll, 2015, 11). ЕС объявил о формировании «всеобъемлющей миграционной политики», базирующейся на общих принципах допуска иностранных граждан, обеспечивающей охрану европейских границ. В 2005 г. было создано Агентство по безопасности внешних границ (Фронтекс), оно отвечало за проведение операции «Тритон» по обеспечению пограничного контроля и спасению нелегальных мигрантов в Средиземном море.

Принятый в ноябре 2011 г. «Новый Глобальный подход к миграции и мобильности» основывался на 4 принципах использования преимуществ миграции – способствовать легальной миграции, предупреждать нелегальную, максимально использовать позитивное влияние миграции на развитие, содействовать международной защите от ее негативных последствий. Этот подход был неэффективен: он не учитывал новые вызовы и в нем отсутствовала согласованность по горизонтали между странами в сфере миграции. «Координация приоритетов и методов большого числа стран – членов ЕС ведет к различным накладкам и финансовой фрагментации. Тот факт, что миграция и предоставление убежища относятся к сфере общей компетенции, усиливает сложности в согласовании подходов по вертикали между странами – членами ЕС» (Koenig, 2017, 4).

Миграционный кризис, затронувший в первую очередь Италию, Грецию и восточноевропейские страны, показал, что ряд проблем в сфере миграции сложно решить на национальном уровне, они требуют объединения усилий всех членов ЕС, использования всех механизмов для преодоления последствий кризиса

и разработки всеобъемлющей миграционной политики. Совпадение нескольких рисков привело к деструктивным событиям в 2015 г., когда к традиционной миграции добавилась миграция из зон вооруженных конфликтов, в результате выросли политические риски в странах ЕС и обострились проблемы безопасности и национальной идентичности.

«Новым подходом» и «новой стратегией», по утверждению Еврокомиссии, стала «Европейская повестка дня по миграции» 2015 г., которая в принципе является скорректированными «старыми мерами» регулирования миграции, не рассчитанными на чрезвычайные ситуации. «Кризис продемонстрировал, что институты ЕС не обладают достаточными рычагами и ресурсами, чтобы оперативно решить вопросы, требующие всестороннего и комплексного подхода» (Потемкина, 2015, 28). Первоочередные действия «Европейской повестки» финансируются за счет средств Фонда убежища, миграции и интеграции, Регионального фонда ЕС для сирийского кризиса, Фонда для сирийских беженцев в Турции, Фонда решения проблем нелегальной миграции и перемещенных лиц в Африке. На борьбу с миграционным кризисом ЕС выделил из бюджета 3,7 млрд. евро. Для содействия разрешению сирийского кризиса ЕС в общей сложности (из бюджета ЕС и средства стран – членов ЕС) мобилизовал с 2011 г. свыше 9,4 млрд. евро, что делает ЕС крупнейшим донором (Европейская...2017).

Основной поток мигрантов, идущий через Грецию и Италию, — это вынужденные мигранты, стремящиеся получить убежище в Германии, Швеции, Франции. Поэтому назрела необходимость пересмотра европейской системы предоставления убежища в целом и Дублинского соглашения в частности, предусматривающего предоставление убежища в стране, куда изначально прибывают вынужденные мигранты. В апреле 2016 г. Еврокомиссия выступила с предложением реформировать эту систему и выделила «два блока мер — меры, касающиеся реформирования этой системы, и меры, касающиеся реформирования иммиграционной политики ЕС» (Войников, 2017, 47). Были подготовлены семь законопроектов по основным вопросам общей системы предоставления убежища для усиления наднациональной составляющей.

Механизм перемещения 160 тыс. мигрантов в странах ЕС закончил свое действие в сентябре 2017 г. и показал неэффективность обязательного квотирования: 20 стран выполнили свои обязательства не более чем на 50%, Венгрия и Польша не приняли ни одного мигранта из Греции и Италии. На конец сентября 2017 г. удалось распределить около 29 тыс. просителей убежища, т.е. 18% от запланированного числа (Биссон, 2017). А Вишеградская группа предложила свою концепцию «гибкой» или «эффективной» солидарности, предполагающей добровольный характер использования квот или ответственность в форме финансовой и материальной помощи (Потемкина, 2016).

Неравномерность миграционной нагрузки в странах ЕС и система обязательного распределения мигрантов, с одной стороны, подтолкнула к усилению наднационального формата решения миграционных проблем, а с другой — ведет к разногласиям между членами ЕС по поводу квот для мигрантов, особенно из мусульманских стран и к фактическому отказу стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и Прибалтики от их приема. Это показали саммит ЕС на Мальте в феврале 2017 г. (Мальтийская декларация касалась лишь центрально-средиземноморского сегмента миграционного потока) и саммит в Брюсселе

в июне 2017 г., продемонстрировавший противостояние Западной и Восточной Европы по миграционному вопросу.

Сложившуюся общеевропейскую миграционную систему можно охарактеризовать как иерархичный, дифференцированный режим, в котором сосуществуют разные правила, стандарты и условия для различных групп и стран происхождения мигрантов. Отсутствие критериев коллективной идентичности и солидарности привели к нарушению баланса между коренным населением и мигрантами, росту числа мусульман и созданию ими крупных диаспор, способствующих усилению влияния радикального ислама. Миграционный кризис, рост притока нелегалов подтолкнули европейскую бюрократию к более активной централизации Евросоюза, но противоречия и раскол между его членами могут запустить процесс дезинтеграции и возможный выход отдельных государств из зоны евро или ЕС, как в случае с Великобританией. Все кризисы европейского интеграционного процесса используются евробюрократией для «ужесточения, централизации и унификации в ходе европейской интеграции» (Клаус, Вейгл, 2017, 97).

Национальный подход к решению миграционных проблем

Миграционный кризис показал, что единая европейская политика в сфере миграции существует, но фактически не работает. Миграционные проблемы в основном остаются прерогативой национальных правительств, а позиции и подходы стран ЕС к приему мигрантов и беженцев значительно различаются. Миграционная политика в странах ЕС постоянно модифицируется и адаптируется к новым условиям. В целом все европейские государства исходят из принципов селективной интеграции и ассимиляционной стратегии, а их миграционная политика характеризуется двумя тенденциями: 1) переход от ограничительной к избирательной политике отбора мигрантов, в частности используется система баллов и привлечение квалифицированных мигрантов; 2) переход от регулирования миграционных потоков к активной политике, включая заключение двусторонних соглашений европейских и африканских стран о сотрудничестве в борьбе с нелегальной миграцией.

На формирование национальных миграционных политик стран ЕС повлияли такие факторы, как демографическая ситуация, этнический состав населения, традиционные связи со странами происхождения мигрантов, сохранение этнической общности, языка, культуры, возможности страны интегрировать мигрантов, структура потока и основные мотивы миграции, внутренние социально-экономические проблемы, связанные с мигрантами и др. Можно выделить несколько групп стран по степени вовлеченности в миграционные процессы, разработки законодательства и имеющегося опыта интеграции мигрантов, в том числе мусульман-мигрантов, в европейский социум: это страны «старого ядра», страны Северной Европы, Южной Европы, Центральная и Восточная Европа, прибалтийские государства. Две последние группы не имеют опыта общения с мигрантами-мусульманами. А среди стран «старого ядра» есть значительные различия в миграционной политике. Северная Европа в основном принимала беженцев. Южная Европа недавно сама поставляла трудовых мигрантов в страны «старого ядра» и лишь в 1970-е гг. стала принимать иностранных мигрантов.

Наибольший опыт общения с мигрантами из развивающих стран имеют Великобритания, Франция и Германия. Германия привлекала мигрантов для подъема

Таблица 1. Доля населения иностранного происхождения в странах ЕС, %

Table 1. International migrant population coverage as a percent of the total population of the EU countries

Годы / Страны	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.
Страны Северной Европы	7,2	8,4	9,9	11,8	12,8	13,4
Дания	4,6	6,9	8,1	9,2	10,5	11,5
Финляндия	1,3	2,6	3,7	4,6	5,7	6,2
Швеция	9,2	11,3	12,5	14,2	16,4	17,6
Страны Южной Европы	3,0	5,2	8,0	10,5	10,4	10,5
Греция	6,0	10,0	10,5	11,5	11,1	10,9
Италия	2,5	3,7	6,7	9,7	9,8	10,6
Португалия	4,4	6,3	7,3	7,2	8,3	8,5
Испания	2,1	4,1	9,3	13,4	12,7	12,8
Страны Западной Европы	9,2	11,2	11,8	12,5	13,3	14,4
Австрия	10,3	12,3	13,8	15,2	17,2	19,0
Бельгия	9,0	8,7	8,4	10,2	11,1	11,1
Франция	10,4	10,5	11,0	11,4	12,3	12,2
Германия	7,5	11,0	11,5	12,1	12,5	14,8
Нидерланды	7,9	9,8	10,6	11,0	11,8	12,1
Великобритания	6,4	8,0	9,8	12,0	12,9	13,4
Ирландия	6,4	9,1	14,0	15,8	16,0	16,9
Страны Центральной и Восточной Европы	1,5	1,7	2,1	2,4	2,8	3,1
Чехия	1,1	2,1	3,1	3,8	3,9	4,1
Венгрия	3,3	2,9	3,6	4,4	4,9	5,2
Польша	3,0	2,1	1,9	1,7	1,6	1,7

Источник: Trends in International Migrant Stock. UN Population Division. Department of Economic and Social Affairs. December 2017. UNdatabse POP/DB/MIG/Stock/Rev2017

своей экономики после Второй мировой войны с помощью соглашений о найме иностранных рабочих сначала с Италией и Испанией в 1955–1960 гг., а затем в 1961 г. с Турцией. Первоначально речь шла об их временном пребывании в Германии без семей, но после обновления договора в 1964 г. им было разрешено привозить свои семьи. Сейчас в стране проживает 2,5 млн. турок и лишь 700 тыс. из них имеют немецкие паспорта.

В отдельном параграфе Конституции ФРГ 1949 г. прописаны условия получения статуса беженца и свобода передвижения. Закон 1953 г. о репатриантах определил общие правила их приема для всех федеральных земель, законы 1982 г. касались предоставления политического убежища и прав иностранцев. С 1988 г. после распада соцлагеря программы интеграции переселенцев содействовали репа-

триации этнических мигрантов. Но масштабы миграции заставили ужесточить законодательство для фильтрации миграционного потока и сокращения нагрузки на бюджет (новые Законы 1999–2005 гг. о гражданстве ФРГ, о правах иностранцев и др.).

На примере Германии можно наблюдать общий тренд в европейской миграционной политике: переход от моноэтнической модели государственного устройства к принятию элементов иммигрантской модели государства. Ее миграционную политику можно отнести к интеграционной, она строилась по принципу, что Германия не является страной миграции и не должна стать ею в будущем, и четко разделяла население на коренных и иностранных граждан. Либеральный подход и толерантное отношение к мигрантам, сочетание интеграции мигрантов и ограничительных мер, попытки перенести часть ответственности на другие страны стали отличительными чертами ее политики во время кризиса 2015 г. Несмотря на рост числа безработных мигрантов и получателей социальной помощи, Германия предпочитает относительно мягкие меры вплоть до финансовой поддержки добровольного возвращения мигрантов на родину (Сейткалиев, 2017, 134–135).

Миграционная политика *Великобритании* с 1970-х гг. отличается либерально-плюралистическим подходом, использующим многонациональность и мультикультурализм английского общества, сохранение культуры и религии мигрантов независимо от их происхождения. Она развивалась не так, как в странах континентальной Европы, и охватывала страны Содружества, с которыми существовал безвизовый режим. Но после распада Британской империи в 1960-е гг. Великобритания перешла к рестриктивной политике из-за притока неквалифицированных мигрантов. Наиболее жесткие меры были приняты правительством М. Тэтчер, стремившимся достичь «нулевой миграции» (Гутник, 2017, 138).

Законодательство Великобритании состоит из нескольких законов и миграционных правил (Иммиграционный закон 1971 г., закон о гражданстве 1981 г., Иммиграционный законодательный акт 1987 г. против нелегальной миграции). А единственным инструментом регулирования притока трудовых мигрантов является система разрешений на работу для иностранцев, ориентированная с начала 1970-х гг. на привлечение квалифицированной рабочей силы (разрешения выдавались сроком от 1 года до 5 лет). В 2002 г. были приняты программы привлечения квалифицированных и трудовых мигрантов в те отрасли, где ощущался дефицит кадров. В стране существуют серьезные ограничения по этническому принципу — ни одна национальность не должна превышать 20% от общего числа мигрантов.

Великобритании как член Евросоюза вынуждена разрешить въезд рабочей силы из других стран ЕС. Но ее островное положение и особое отношение к общей миграционной политике позволило ей сохранить пограничный контроль и свою политику предоставления убежища. Четвертый протокол Амстердамского договора оставил за Великобританией право выбора принимать участие в миграционной политике ЕС или нет.

Великобритания уже пережила массовую миграцию — 327 тысяч в год до марта 2016 г., при этом 180 тыс. мигрантов были гражданами ЕС. Беженцы составляли лишь 7% от общего числа мигрантов, так как около двух третей прошений были отклонены (Миграционная политика, 2016). Правительство Т. Мэй пока не выработало новую политику в области миграции, так как не смогло найти баланс

между системой баллов, используемой для мигрантов из третьих стран и ограничительными мерами.

Миграционная политика Франции основывалась на республиканских традициях, а один из ее основных принципов — принцип равенства создал предпосылки для интеграции мигрантов в коренной социум, сохраняя национальную идентичность. «Республиканская модель интеграции» означала ассимиляцию, но без учета культурных и этнических особенностей ряда групп населения. Эти принципы нашли отражение в «законе почвы», который дает гражданство Франции любому родившемуся на ее территории, а для натурализации необходимо было пребывание в стране не менее 5 лет и почти 80% заявлений утверждалось (Guibernau, 2001, 82).

Миграционная политика Франции до 1990-х гг. была одной из самых либеральных в ЕС. Ее особенностью является привязка к политике партий, находящихся у власти, это выражается в принятии противоположных по содержанию решений и постоянно меняющихся подходах «правых» и «левых», что вносит элемент противоречивости и нерациональности. «Левые» придерживаются либеральных взглядов в сфере миграции, а «правые» стремятся к более жестким мерам, но в последние годы их подходы стали сближаться. Меры по прекращению трудовой миграции в 1974 г. сменились в 1976 г. принятием закона «О воссоединении семей», что привело к притоку мигрантов. Ужесточение политики вплоть до временного запрета найма иностранных рабочих и принудительной репатриации (Закон 1986 г.) не принесло результатов. Коалиция «левых», пришедшая к власти, внесла поправки в этот закон, что упростило получение вида на жительство.

С 1990-х гг. Франция ввела строгие правила получения французского гражданства и убежища, ограничила въезд в страну (закон Паскуа 1993 г.), ориентировалась на интеграционные процессы в ЕС, активно участвовала в общей миграционной политике и принимала новые законы, упрощавшие пребывание иностранцев в стране. В начале 2000-х гг. она придерживалась основных рекомендаций ЕС, ориентировалась на «избирательную» миграцию, борьбу с нелегалами и сокращение семейной миграции. Законы 2003–2007 гг. ограничили приток мигрантов из-за спада в экономике и ситуации на рынке труда (законы Н. Саркози «Об иммиграции и интеграции» 2006–2007 гг.). Законы 2008–2009 гг. учитывали положения директив ЕС о «голубой карте» для квалифицированных мигрантов, «директив-санкций», «директив о возвращении».

Нынешняя миграционная политика продолжает балансировать между принципом солидарности и национальными интересами, призывами помочь мигрантам и беженцам и ограничительными мерами по сдерживанию их притока. Э. Макрон пока сосредоточен на проблемах беженцев и нелегалов и реформе права на убежище, которая должна ускорить процедуру его получения и выдворения нелегалов. Он выступает за усиление контроля на границах ЕС и совершенствование интеграции мигрантов во французское общество.

Скандинавские страны Швеция, Дания и Финляндия этнически гомогенны, имеют единую историю, религию и схожие языки. В Швеции иммиграция началась раньше, чем в других скандинавских странах, и она всегда была лояльной в рамках предоставления мигрантам прав и свобод. Ее толерантная политика привела к росту их количества, особенно после миграционного кризиса. Главная цель правового регулирования в Швеции в области миграции — это интеграция мигрантов на равных условиях. Сторонники ограничения миграции приписыва-

ют ей увеличение безработицы, падение заработков коренного населения, повышение социальных расходов, замедление экономического роста и пр.

Миграционный опыт стран Южной Европы имел ряд сходств: они позже столкнулись с притоком мигрантов и сами поставляли их в страны «старого ядра» ЕС. В основном из-за высокой доли теневой экономики туда идет поток нелегалов, а наряду с неквалифицированной рабочей силой у них востребован приток образованных мигрантов из-за низкого уровня образования местной рабочей силы. Италия и Греция больше других стран пострадали от притока нелегалов и вынужденных мигрантов. Греция в силу своего географического положения интересуется мигрантов «исключительно как транзитный маршрут для переезда в более благополучные государства Евросоюза» (Квашнин, Кузнецов, Трофимова, Четверикова, 2017, 100). Это связано с экономическим кризисом в стране, проблемами с занятостью, а также жестким миграционным законодательством. Для решения проблем с мигрантами Греция получает деньги из фондов ЕС, который взял на себя большую часть расходов на их возвращение в Турцию.

В Италии миграция носила замещающий характер, и до 1980-х гг. она регулировалась единственным нормативным актом — Правилами общей безопасности для пребывания иностранных граждан. После присоединения страны к Шенгенскому соглашению был принят «закон Мартелли» для регулирования миграционных потоков, но он не дал результатов. «Закон Турко-Неаполитано» 1998 г. стал первой попыткой комплексного решения этих проблем (планирование миграции с помощью квот, интеграция мигрантов и др.). «Пакет мер по обеспечению безопасности» С. Берлускони включал подписание «Договора об интеграции» при получении вида на жительство для сбалансирования миграции после расширения ЕС в 2004 г. Миграционный кризис заставил Италию ужесточить свою политику.

С конца 2017 г. после победы в Австрии правоцентристской Народной партии, занимающей жесткую позицию по вопросу о миграции и приема беженцев, усилился раскол в ЕС, ухудшились отношения страны с Берлином. Совместно с Балканскими странами Австрия разрабатывает стратегию по снижению притока мигрантов, наметились шаги по сближению со странами Вишеградской группы. Такой альянс способен сделать Вену одним из ведущих политических центров Европы. Победившие в Италии асистемные партии также выступают за ужесточение борьбы с нелегальной миграцией, а М. Сальвини, вице-премьер Италии, высказался о возможности развала ЕС в течение года не только из-за проблем с мигрантами и беженцами, а из-за противоречий между отдельными группами стран.

Особенности миграционной политики в новых странах – членах ЕС

Страны, вступившие в ЕС в рамках последних трех расширений, за исключением островных государств, отличаются жесткой позицией в отношении приема мигрантов, далеких по культурному, религиозному и цивилизационному параметрам и угрожающим их идентичности. Такой подход привел к росту разногласий внутри ЕС по проблемам миграции. Традиционная позиция этих стран, особенно Вишеградской четверки, разнообразие сложившихся ситуаций в новых членах ЕС, по-разному затронутых миграционным кризисом, определили и различие в их реакции на этот кризис. Ряд из них испытали сильный миграционный приток, оказавшись местом хоть и временного, но назначения. Другие страны стали частью основных транзитных маршрутов на территории ЕС, а влияние об-

Таблица 2. Отношение жителей стран ЕС к иммиграции из третьих стран

Table 2. The attitude of the EU countries' residents to the migrants from the Third World countries

Страна	Негативное отношение к иммигрантам из третьих стран, %			Необходимость принятия дополнительных мер против нелегальной иммиграции из третьих стран на уровне ЕС, %			Необходимость принятия дополнительных мер против нелегальной иммиграции из третьих стран на национальном уровне, %		
	Negative (%)			Restrict migration on the EU level (%)			Restrict migration on the national level (%)		
	2015	2016	2017	2015	2016	2017	2015	2016	2017
Болгария	70	77	71	23	30	32	22	28	29
Венгрия	82	81	77	24	39	36	24	31	32
Латвия	86	83	81	26	51	46	15	24	26
Литва	76	71	62	34	49	42	19	29	31
Польша	62	64	68	24	43	36	23	26	33
Румыния	54	59	57	28	34	23	24	41	38
Словакия	86	79	77	28	33	27	33	40	42
Словения	76	68	66	28	43	40	18	23	24
Хорватия	53	53	52	37	35	27	32	34	37
Чехия	81	82	81	32	43	44	35	39	39
Эстония	81	81	76	13	35	35	11	21	18
Среднее по ЕС	59	56	54	32	39	36	21	24	26

Составлено по: European Commission. Standard Eurobarometer 88, Standard Eurobarometer 86, Standard Eurobarometer 84.

шеевропейского миграционного кризиса на них можно назвать опосредованным. Однако схожие черты все же можно увидеть, например, в поддержании ряда общеевропейских инициатив по урегулированию кризиса. Общим для рассматриваемых стран стало негативное отношение к иммигрантам вне ЕС (табл. 1), особенно в Латвии, Чехии, Словакии, Венгрии, Эстонии. При этом во многих странах жители в большей степени, чем в среднем по ЕС, выступают за необходимость принятия дополнительных мер против нелегальной иммиграции вне ЕС на национальном уровне. Часть небольших государств, таких как Латвия, Литва, Словения, поддерживают аналогичную инициативу и на уровне ЕС.

В силу географического положения, позиции политических властей, существующей миграционной ситуации в стране и ряда других факторов общеевропейский кризис имел различные проявления в рассматриваемых странах. В качестве одного из определяющих показателей подобных различий нами было выбрано количество заявлений о предоставлении убежища от выходцев из Сирии и Афганистана, составившим наряду с жителями Ирака основную массу вынужденных мигрантов в ЕС.

По характеру протекания кризисных миграционных процессов в рассматриваемых странах возможно выделить следующие их группы²:

– Первая группа, включающая страны с высокой (около 50% и выше) долей жителей Сирии и Афганистана среди просящих убежище, большим наплывом вынужденных мигрантов в целом, высокой долей заявлений о предоставлении убежища по сравнению с численностью жителей (более 2%), повышенной долей нелегальных мигрантов (0,2–0,4%) — Болгария, Венгрия.

– Вторая группа — страны, где наблюдается низкая (не более 15%) доля жителей Сирии и Афганистана среди просящих убежище, повышенный наплыв вынужденных мигрантов, незначительная доля заявлений о предоставлении убежища по сравнению с численностью жителей (менее 0,1%), низкая доля нелегальных мигрантов³ (0,1%) — Польша, Чехия.

– Третья группа включает страны, где с течением кризиса доля жителей Сирии и Афганистана среди просящих убежище увеличилась в разы, приблизившись к 50%, при этом доля заявлений о предоставлении убежища по сравнению с численностью жителей осталась незначительной (менее 0,1%), как и доля нелегальных мигрантов (0,1%) — Латвия, Литва, Словения, Словакия, Хорватия, Эстония, а также Румыния⁴.

Несмотря на различия в миграционной ситуации, большинство новых стран ЕС можно отнести к сторонникам квотной системы: многие согласились на увеличение миграционной нагрузки за счет переселений. Лишь участники Вишеградской группы открыто отстаивали свою позицию по неприятию мигрантов в рамках системы квот. Изначально Румыния также не согласилась участвовать в квотной системе, но уже в конце 2015 г. изменила свое решение (Sebe, 2016, 11–12). В то же время не все страны спешили выполнить свои обязательства: за полтора года Болгария, Хорватия и Вишеградская четверка приняли всего 0–2% от квоты. Однако к ноябрю 2017 г., после завершения двухлетнего периода действия механизма, ситуация улучшилась: Латвия, Литва, Эстония и Словения приняли 41–67% от квот, Румыния — более 17%, Хорватия — более 8%, Болгария — почти 4%, Чехия и Словакия запустили процесс принятия в рамках квотной системы, переселив чуть более десятка человек каждая (European..., 2017).

Не являясь в силу социально-экономического развития наиболее привлекательными для мигрантов странами ЕС, новые члены ЕС располагают специфической миграционной политикой, опытом интеграции мигрантов, общественным мнением. Так, попытки ЕС по размещению в Прибалтийских республиках выходцев из мусульманских стран фактически провалились: прибывшие столкнулись с нищетой и агрессивным отношением (Гладкий, Гладкий, Эйдемиллер, 2017, 53). В результате в странах Вишеградской четверки, Прибалтийских республиках, Болгарии наблюдается переезд прибывших вынужденных мигрантов в более благополучные государства ЕС. При этом Болгария использовала данный механизм избавления от мигрантов и ранее: страна занимает первое место в ЕС по пре-

² Группы стран выделены на основе информации Евростата, Правительств рассматриваемых стран и других открытых источников.

³ Здесь и далее согласно данным Евростата. Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-datasets/product?code=migr_eipre.

⁴ Румыния изначально, благодаря своему приграничному положению, отличалась повышенной долей жителей Сирии и Афганистана среди просящих убежище.

доставлению гуманитарных статусов и статуса беженца (Арбатова, Кокеев, 2016, 41–42). Достигнутые показатели по квотам свидетельствуют о неэффективности этой меры, а также об использовании новыми странами ЕС как национального, так и наднационального уровня с целью регулирования миграционных потоков.

За исключением системы квот, вызвавшей неоднозначную позицию новых членов ЕС, остальные общеевропейские меры по регулированию миграции нашли в них поддержку. Многие инициативы ЕС поддерживает и Вишеградская четверка, которая активно проводит политику возвращения, настаивает на усилении контроля на внешних границах, оказывает помощь территориям, наиболее пострадавшим от наплыва вынужденных мигрантов, предоставляя специалистов, силовые подразделения, необходимое оборудование, финансовую помощь. В рамках механизмов регулирования миграции за пределами ЕС они осуществляют поддержку через отдельные фонды. В частности, 11 новых стран ЕС внесли 3,1% (European..., 2017) всех средств в фонд Африки на конец 2017 г. (в основном Венгрия, Польша, Словакия и Чехия). Также около 35 млн. евро Вишеградская группа выделила в общеевропейский фонд по регулированию нелегальной миграции.

Вне Вишеградской четверки все новые члены ЕС участвуют в тех или иных общеевропейских инициативах по регулированию миграционной ситуации. За общие действия на уровне ЕС активно выступали приграничные Болгария, Румыния и Хорватия, не входящие в Шенгенскую зону. Так, Болгария поддерживала политику возвращения, осуществляла помощь странам, пострадавшим от притока вынужденных мигрантов. При этом, признавая недостаточную эффективность существующих механизмов, официальные лица Болгарии предлагали в качестве новых решений закрепление возможности пересечения европейских границ только через официальные посты, учреждение специальных центров для беженцев вне ЕС, усиление работы со странами — источниками миграции для дальнейшего возвращения мигрантов на родину (Пресс-релиз Совета, 2018). Финансовую помощь Сирии и Иордании оказывали, например, Эстония, Литва и Румыния. Только Эстония выделила 7 млн. евро в рамках гуманитарной помощи Сирии (Пресс-релиз Правительства, 2018). Собственные силовые подразделения другим членам ЕС направляли Латвия, Литва, Эстония.

На национальном уровне 11 новых членов ЕС также приняли законодательные инициативы и практические меры по регулированию миграционной ситуации. В частности, миграционное законодательство изменили большинство стран, включая Болгарию, Венгрию, Латвию, Литву, Румынию, Чехию. Так, в Болгарии были приняты поправки, касающиеся возможности использования армии на государственной границе (European migration, 2016, 2). Еще одной мерой стала выработка новых или корректировка прежних миграционных стратегий (Польша, Румыния, Чехия), а также разработка планов по регулированию деятельности на государственных границах. Так, Словакия утвердила подобный план на 2015–2018 гг. (National Contact, 2017, 12). Однако эти меры касались не только последствий миграционного кризиса: изменения включали и прочие аспекты миграционной политики стран. Латвия в 2016 г. изменила основные миграционные законы с учетом еще докризисных директив ЕС (Office, 2017, 5–6). На закрытие собственных границ были вынуждены пойти Венгрия и Хорватия, планы по контролю за национальными границами обновили Словакия и Чехия. Во многих странах для охраны границ были привлечены представители силовых ведомств,

включая армию. А Прибалтийские республики пошли на согласованные меры по охране внешних границ (Winslow, 2016, 105).

Таким образом, миграционный кризис в новых странах ЕС выявил существующие противоречия между позициями ряда членов ЕС и общеевропейской политикой. Попытки этих стран высказать свои позиции и скорректировать существующие меры не увенчались успехом: предложения Словакии в рамках «гибкой» солидарности и Эстонии, включающие в качестве основы изменение системы распределения вынужденных мигрантов и решение проблем в странах – источниках миграции, не были приняты. В результате каждая из стран вырабатывает свой набор механизмов борьбы с текущими миграционными проблемами, применяя более приемлемые для себя общеевропейские механизмы и используя меры национального уровня.

Политика некоторых европейских стран, направленная на смену неудобных правительств на Ближнем Востоке и в Северной Африке, концепция мультикультурализма, создавшая благоприятные условия для прибытия в ЕС большого числа мигрантов и сохранения их национальной идентичности, привела к закономерно негативным результатам, в том числе к миграционному кризису. Миграция из фактора замещения рабочей силы на рынке труда превратилась в фактор риска для стран ЕС, привела к формированию мусульманских общин, росту преступности и терроризма, увеличила нагрузку на социальные системы стран – членов ЕС. Кризис 2015 г. привел к нарастанию дезинтеграционных процессов, но он также поставил перед странами ЕС вопрос о создании общей миграционной политики.

Эта политика еще не окончательно сформирована: не создана общая система регулирования миграционных потоков и приема беженцев, отсутствует единый механизм реагирования на проблемы нелегальной миграции, нет эффективных способов по выдворению нелегалов, не отлажен централизованный учет мигрантов. До сих пор основным двигателем регулирования миграции остается национальное государство. А в кризисных ситуациях страны – члены ЕС все чаще принимают несогласованные с ЕС меры, исходя из своих интересов, с учетом приоритета региональных подходов. Похоже, что Европа нескольких скоростей продолжит существовать. Этот проект активно поддерживает Э. Макрон. На саммите ЕС 28–29 июня 2018 г. было достигнуто очередное соглашение по миграционной политике и выработке странами ЕС единого подхода, а также увеличению финансирования Турции и стран Северной Африки, созданию центров по приему мигрантов и беженцев и усилению контроля на внешних границах. Лидеры стран ЕС также договорились реформировать Дублинские соглашения о приеме мигрантов. Но, похоже, что миграционный кризис в ЕС уже перешел в политический и продолжает влиять на разногласия не только в рамках ЕС, но спровоцировал политический кризис в Германии. Хотя последние данные EASO свидетельствуют о том, что приток вынужденных мигрантов и беженцев за 9 месяцев 2018 г. снизился на 14% по сравнению с аналогичным периодом 2017 г.

Тем не менее фундамент общей миграционной политики уже заложен, а в «Европейской повестке по миграции» обрисованы ее основные направления: по пограничному контролю, порядку предоставления убежища, обращению с легальными и нелегальными мигрантами (включая их возврат и выдачу), интеграции

усилий ряда стран. «Солидарность необходима для того, чтобы отстоять сплоченность Европы перед лицом безбилетников, которые не хотят участвовать в общей миграционной политике и мало-помалу разрушают структуру Европейского союза» (Вимон, 2017, 16–17). Формирование этой политики — длительный и медленный процесс, так как речь идет о 28 странах с разными подходами.

Несмотря на различия в миграционной ситуации в странах ЕС и России, европейскую практику регулирования внешней миграции можно использовать в России. В первую очередь опыт ЕС подтвердил, что даже стрессовые миграции определяются экономическими факторами: люди стремятся попасть в наиболее экономически благополучные территории, что в России только увеличит существующую нагрузку на столичный регион как самый экономически благополучный. С практической точки зрения формирующаяся практика новых членов ЕС по приему и интеграции мигрантов может быть полезна для РФ, так как ряд российских регионов имеет схожие демографические проблемы, как, например, депопуляция. Актуальным для России является и вопрос прогнозирования кризисных ситуаций, а также меры борьбы с нелегальной миграцией, в том числе совершенствование законодательной базы и практических мер по предотвращению использования российской территории в качестве транзитной для различных типов мигрантов.

Библиографический список

- Арбатова, Н. К., Кокеева, А. М. (2016). *ЕС перед вызовом миграционного кризиса. Позиция европейских стран*. Москва: ИМЭМО РАН. DOI:10.205442/978-5-9535-0462-1
- Биссон, Л. (2017). Миграционный кризис в ЕС два года спустя. Что дальше? РСМД. Режим доступа <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnyy-krizis-ves-dva-goda-spustya-chto-dalshe/>
- Вимон, П. (2017). *Миграция в Европе: преодоление кризиса солидарности*. Режим доступа http://carnegieendowment.org/files/CP_Vimon_2017_web_Rus.pdf
- Войников, В. В. (2017). Европейское пространство свободы, безопасности и правосудия и миграционный кризис в Европе. *Современная Европа*, 2, 43–54. DOI: 10.15211/soveurope220174354
- Гладкий, Ю. Н., Гладкий, И. Ю., Эйдемиллер, К. Ю. (2017). Исламская «диффузия» в странах Балтийского региона: плоды европейского мультикультурализма. *Балтийский регион*, 9 (3), 43–62. DOI: 10.5922/2074-9848-2017-3-3
- Гутник, А. В. (2017). Новые контуры миграционной политики Великобритании. В Квашнин Ю.Д., Тоганова Н.В. (ред.) *Большой Ближний Восток в мировой экономике и политике. Мировое развитие*, 18, 137–144.
- Европейская Комиссия (2017) Совместное заявление для Европейского парламента и Совета. Элементы стратегии ЕС в отношении Сирии. Режим доступа http://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/ru_joint_communication_syria_strategy_ru
- Квашнин, Ю. Д., Кузнецов, А. В., Трофимова, О. Е., Четверикова, А. С. (2017). Миграционный кризис в ЕС: национальные ответы на общий вызов. *Мировая экономика и международные отношения*, 1, 97–107. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-1-97-107.
- Клаус, В., Вейгл, И. (2017). ООО «Переселение народов». Москва: Из-во Института Гайдара.
- Миграционная политика Великобритании после выхода из ЕС. (2016, сентябрь 13). *Angliya.today*, Режим доступа <http://www.angliya.today/immigracija/migracionnaja-politika-velikobritanii-posle-vyhoda-iz-es>
- Потемкина, О. Ю. (2016). Вишеградская группа и «гибкая солидарность». *Современная Европа*, 6, 43–52. DOI: 10.15211/soveurope620164352

- Потемкина, О. Ю. (2015). «Европейская повестка дня по миграции» — новый поворот в иммиграционной политике ЕС? *Современная Европа*, 4, 28–40. DOI: 10.15211/soveurope420152840
- Пресс-релиз Правительства Эстонии. (2018, 22 января). <https://www.valitsus.ee/en/news/ratas-and-pope-francis-discussed-how-help-people-suffering-conflicts>
- Пресс-релиз Совета министров Республики Болгария. (2018, 9 февраля). Режим доступа <http://www.government.bg/en/Press-center/News/BOYKO-BORISSOV-WITHIN-THE-EU-WE-COULD-FIND-A-PRAGMATIC-SOLUTION-TO-THE-MIGRATION-ISSUE>
- Сейткалиев, Р. М. (2017). Ближневосточные мигранты в Германии. В Квашнин Ю.Д, Тоганова Н.В. (ред.) *Большой Ближний Восток в мировой экономике и политике. Мировое развитие*, 18, 131–136. Москва: ИМЭМО РАН. DOI: 10.20542/978-5-9535-0520-8
- European Commission. (2017). Progress Report on the European Agenda on Migration. Retrieved from http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-4484_en.htm
- European migration network. (2016). Annual National Report on Migration and Asylum. Part 2. Bulgaria. Retrieved from https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/03a_bulgaria_apr_part2_final_en.pdf
- Faure, P., Gavas, M., Knoll, A. (2015). Challenges to a Comprehensive EU Migration and Asylum Policy. Retrieved from <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/10166.pdf>
- Guibernau, M. (2001). *Governing European Diversity*. London: Sage publications.
- Koenig, N. (2017). The EU's External Migration Policy: Towards Win-win-win Partnerships. *Policy Paper*, 190, 1–21. Retrieved from https://www.delorsinstitut.de/2015/wp-content/uploads/2017/04/20170406_ExternalMigrationPolicy-NKoenig.pdf
- National Contact Point of the European Migration Network for the Slovak Republic. (2017). Annual Report on Migration and Asylum Policies. Slovak Republic 2016. Retrieved from https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/24a_apr2016_part2_en.pdf
- Office of Citizenship and Migration Affairs Republic of Latvia. (2017). Policy report on migration and asylum in Latvia. Reference year 2016. Retrieved from http://www.emn.lv/wp-content/uploads/APR_2016_part2_LATVIA_EN.pdf
- Sebe, M. (2016) *Romania's Stance in the Issue of the Refugees Crisis*. Preliminary Observation. Bucharest: IED.
- Winslow, A. M. (2016). Shifting Immigration Policies in Response to the Syrian Refugee Crisis Across the European Union: A Case Analysis of Germany, Hungary, and Lithuania. *Claremont-UC Undergraduate Research Conference on the European Union*, 9, pp. 99–113. DOI: 10.5642/urceu.201601.09

Статья поступила в редакцию 24.11.2018

Статья принята к публикации 17.01.2019

Для цитирования: Трофимова О.Е., Четверикова А.С. Наднациональный формат и национальные особенности миграционной политики стран ЕС. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 1. С. 6–23.

SUPRANATIONAL FORMAT AND NATIONAL SPECIFICS OF THE MIGRATION POLICY OF THE EU COUNTRIES

O.E. Trofimova, A.S. Chetverikova

Olga E. Trofimova. E-mail: olgatrofimova53@mail.ru.
ORCID 0000-0001-8788-5064

Anna S. Chetverikova. E-mail: chetverikova@imemo.ru.
ORCID 0000-0003-4793-4145

Center of European Relations, Russian Academy of Science, Center of European studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, the Russian Academy of Sciences, Profsojuznaja Str.,23, Moscow, 117997, Russia.

Acknowledgements. This article is a result of the study supported by Russian Foundation for Basic Research, project № 17-07-00040 “Structural transformation of the integration process in the EU under the influence of globalized migration flows”.

Abstract. The article analyzes the specifics of the formation of Pan-European migration policy — a vulnerable point in the process of European integration due to different approaches, systems of values, guiding lines and historical paths in the development of old and new EU member-states. The research is aimed at detecting the specificity of competences in the sphere of migration both in the EU and in its member-states, as well as of the balance between supranational initiatives and national migration policies. Shift from long-term strategic decisions to pursuing short-term goals and saving solidarity and cohesion in the situation of increasing contradictions between the EU countries have become the main priorities in the Pan-European migration policy. A new point in the research is defining the impact the migration challenges exercise on the transformation processes in the sphere of integration in Europe and the shaping crisis of its most important principle of solidarity. The authors analyze the specificity of different approaches to the problems of migration and conclude that the coordination of the main directions of European migration policy can smooth out the situation with the enforced refugees and will lessen the risks of the EU disintegration. Basically an economic factor, migration has developed into political and became the challenge for the EU because of the involvement of a great number of European countries and the specificity of the present flows of refugees who are mainly the Muslims, and it is a threat to national identity of the European states. The analysis of the supranational and national formats of the attitude to migrants has shown that current policy is characterized by general transition from the restrictive to the selective policy and to illegal migration control; at the same time, the regional approach has gained priority while the state remains the the main instrument of migration control.

Keywords: supranational format, migration policy, solidarity principle, migration crisis, migrants' integration, identity.

DOI: 10.31429/26190567-20-1-6-23

References

- Arbatova, N. K., Kokeev, A. M. (Eds.). (2016). *ES pered vyzovom migratsionnogo krizisa. Pozicija evropejskikh stran* [The EU in the Face of the Migration Crisis. Positions of European Countries]. Moscow: IMEMO. DOI:10.205442/978-5-9535-0462-1
- Bisson, L. (2017). *Migratsionnyj krizis v ES dva goda spustia. Chto dal'she?* [Migration Crisis in the EU Two Years Later. What Next?]. Retrieved from <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnyy-krizis-v-es-dva-goda-spustya-chto-dalshe/>
- European Commission. (2017). Joint Communication for the European Parliament and the Council. Elements of the EU Strategy for Syria. Retrieved from http://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/ru_joint_communication_syria_strategy_ru
- European Commission. (2017). Progress report on the European Agenda on Migration. Retrieved from http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-4484_en.htm
- European migration network. (2016). Annual national report on Migration and Asylum. Part 2. Bulgaria. Retrieved from https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/03a_bulgaria_apr_part2_final_en.pdf
- Faure, P., Gavas, M., Knoll, A. (2015). Challenges to a Comprehensive EU Migration and Asylum Policy. Retrieved from <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/10166.pdf>
- Gladkij, Ju. N., Gladkij, I. Ju., Jejdemiller, K. Ju. (2017). Islamskaia “diffuziia” v stranakh Baltijskogo regiona: plody evropeiskogo mul'tikul'turalizma [Islamic Diffusion in the Baltics: the Fruit of

- European Multiculturalism]. *Baltiiskij region* [Baltic Region], 9 (3), 43–62. DOI: 10.5922/2074-9848-2017-3-3
- Guibernau, M. (2001). *Governing European Diversity*. London: Sage publications.
- Gutnik, A.V. (2017). Novye kontury migratsionnoi politiki Velikobritanii [New contours of migration policy in the UK]. In: Kvashnin Ju.D, Toganova N.V. (Eds.) *Bol'shoi Blizhnii Vostok v mirovoi ekonomike i politike. Mirovoe razvitie. Vypusk 18* [The Greater Middle East in World Economy and International Relations (Global Development, iss. 18)] (137–144). Moscow, IMEMO. DOI: 10.20542/978-5-9535-0520-8
- Klaus, V., Veigl, I. (2017). ООО “*Pereselenie narodov*” [OOO Migration of Nations]. Moskva: Iz-vo Instituta Gaidara.
- Koenig, N. (2017). The EU’s External Migration Policy: towards win-win-win partnerships. *Policy Paper*, 190, 1–21. Retrieved from https://www.delorsinstitut.de/2015/wp-content/uploads/2017/04/20170406_ExternalMigrationPolicy-NKoenig.pdf
- Kvashnin, Yu., D., Kuznetsov, A., V., Trofimova, O., E., Chetverikova, A. S. (2017). Migracionnyy krizis v ES: nacional’nye otvety na obshchii vyzov [The European Migrant Crisis: Common Challenge and National Responses]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 1, 97–107. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-1-97-107
- Migratsionnaia politika Velikobritanii posle vykhoda iz ES [Migration Policy of the UK after Brexit]. (2016, September 13). *Angliya.today* [England Today], Retrieved from <http://www.angliya.today/immigraciya/migracionnaja-politika-velikobritanii-posle-vyxoda-iz-es>
- National Contact Point of the European Migration Network for the Slovak Republic. (2017). Annual Report on Migration and Asylum Policies. Slovak Republic 2016. Retrieved from https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/24a_apr2016_part2_en.pdf
- Office of Citizenship and Migration Affairs Republic of Latvia. (2017). Policy Report on Migration and Asylum in Latvia. Reference year 2016. Retrieved from http://www.emn.lv/wp-content/uploads/APR_2016_part2_LATVIA_EN.pdf
- Potemkina, O. Yu. (2015). “Evropeiskaia povestka dnia po migratsii” — novy povorot v immigratsionnoi politike ES?” [The European Agenda for Migration — a New Turn in the EU Immigration Policy]. *Sovremennaja Evropa* [Contemporary Europe], 4, 28–40. DOI: 10.15211/soveurope420152840
- Potemkina, O. Yu. (2016). Vyshegradskaia gruppа i “gibkaia solidarnost” [Visegrad Group and “Flexible Solidarity”]. *Sovremennaja Evropa* [Contemporary Europe], 6, 43–52. DOI: 10.15211/soveurope620164352
- Press-reliz Pravitel’sstva Jestonii [Press-release of the Government of Estonia]. (2018, 22 January). Retrieved from <https://www.valitsus.ee/en/news/ratas-and-pope-francis-discussed-how-help-people-suffering-conflicts>
- Press-reliz Soveta ministrov Respubliki Bolgarija [Press Release of the Council of Ministers of the Republic of Bulgaria] (2018, 9 February). Retrieved from <http://www.government.bg/en/Press-center/News/BOYKO-BORISOV-WITHIN-THE-EU-WE-COULD-FIND-A-PRAGMATIC-SOLUTION-TO-THE-MIGRATION-ISSUE>
- Sebe, M. (2016) *Romania’s Stance in the Issue of the Refugees crisis. Preliminary Observation*. Bucharest: IED.
- Seytkaliev, R.M. (2017). Blizhnevostochnye migranty v Germanii [Migrants from Middle East in Germany]. In Kvashnin Ju. D, Toganova N.V. (Eds.) *Bol'shoj Blizhnij Vostok v mirovoj jekonomike i politike. Mirovoe razvitie. Vypusk 18* [The Greater Middle East in World Economy and International Relations (Global Development, iss. 18)] (131–136). Moscow: IMEMO. DOI: 10.20542/978-5-9535-0520-8
- Vimon, P. (2017). Migraciya v Evrope: preodolenie krizisa solidarnosti. [Migration in Europe: Overcoming the Solidarity Crisis]. Retrieved from http://carnegieendowment.org/files/CP_Vimon_2017_web_Rus.pdf

- Voynikov, V. V. (2017). Evropeiskoe prostranstvo svobody, bezopasnosti i pravosudiia i migratsionnyi krizis v Evrope [The European Area of Freedom, Security and Justice and Europe's Migration Crisis]. *Sovremennaja Evropa* [Contemporary Europe], 2, 43–54. DOI: 10.15211/soveurope220174354
- Winslow, A. M. (2016). Shifting Immigration Policies in Response to the Syrian Refugee Crisis Across the European Union: A Case Analysis of Germany, Hungary, and Lithuania. *Claremont-UC Undergraduate Research Conference on the European Union*, 9, 99–113. DOI: 10.5642/urceu.201601.09

Received 24.11.2018

Accepted 17.01.2019

For citation: Trofimova O.E., Chetverikova A.S. Supranational Format and National Specifics of the Migration Policy of the EU Countries. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 1. Pp. 6-23.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

NON-STATE ACTORS AND ILLEGAL MIGRATION: A NEW EUROPEAN APPROACH TO SECURITY POLICIES¹

P. Bargiacchi

Paolo Bargiacchi, Kore University of Enna, Cittadella Universitaria, Enna, 94100, Italy.

E-mail: bargiacchi71@yahoo.com.

ORCID 0000-0001-5564-6798

Abstract. The impact of NSAs such as organized armed groups, organized crime groups and terrorist groups on MENA (Middle East & North Africa) region is twofold. They fuel instability, crime, violence, and armed conflicts in the region and turn into push factors, if not means or vehicle, for illegal migration towards Europe where it is often perceived, right or wrong, as a serious threat to security. The EU response to migration is therefore evolving as well as the related security policies. Following decades of strong and wide protection of human rights in any situation, European States are seeking for a new and different balance between human rights and security. It seems as if States are nowadays ready to trade some political idealism and legal functionalism in the field of migration and human rights for more political pragmatism and legal formalism in the field of security. Some clues are emblematic of this new approach of security marked by some US-style features such as a more limited judicial review and a formalistic interpretation and application of the law. Even if, for the time being, Europe has substantially stayed true to a high standard of human rights protection, the quest for more security by Governments might set them on a collision course with supranational Courts and their functionalist approach to human rights protection.

Keywords: non-State actors and illegal migration, security and human rights; European and US approaches to security, non-State actors' impact on MENA region and EU, new EU security policies.

1. Defining relevant non-State actors for security in the Euro-Mediterranean region

Non-State Actors (NSAs) “vary widely in size, organization, motives, goals and resources, making the term [...] difficult to define” as a matter of international law (Buckley, 2012). Moreover, international law deals with NSAs for multiple purposes insofar they participate in international legal processes. As a result, there is no comprehensive international legal framework and fragmentation and uncertainty are commonplace among law-makers, scholars and analysts. The broadest notion holds that “all entities different from States are non-state in nature” (Clapham, 2009), including international organizations (IOs). It is a general definition that suits the purpose of this Article even though narrower definitions exist.

This Article focuses on three NSAs that — from different perspectives and for different reasons — all have an influential impact on political processes within the Euro-Mediterranean region: organized armed groups (OAGs) as the armed or military wing of a non-State party to an armed conflict (Melzer, 2009); organized armed groups (OAGs) and terrorist organizations. All of them are addressee of international law because of their impact and interaction with legal values shared and protected by the international community, including those related to illegal migration.

No international treaty explicitly defines what an OAG is even though State practice and international jurisprudence have highlighted some distinctive elements. According to

¹ This Article is the result of research carried out by the Author within the Jean Monnet Network POWERS (Peace, War and the World in European Security Challenges) co-funded by the Erasmus+ Programme of the European Union (<http://powers-network.vsu.ru/en/home/>). This publication reflects the views only of the author, and the Commission cannot be held responsible for any use which may be made of the information contained therein.

the ICRC's interpretive guidance in the field of international humanitarian law (IHL), it is a collective entity (i.e., a group) other than State armed forces that "develop a sufficient degree of military organization to conduct hostilities on behalf of a party to the conflict, albeit not always with the same means, intensity and level of sophistication as State armed forces" (Melzer, 2009). A minimum level of organization and the ability to wage armed violence is required and once that armed confrontation is protracted and intense, then there exists a situation of "armed conflict" under international law and relevant IHL provisions applies. Non-State parties to a conflict, to whom OAGs are often affiliated as armed or military wing, are heterogeneous: rebels, insurgents (groups controlling a part of the territory of the State against which are in conflict), national liberation movements (groups representing peoples fighting against colonial and alien occupation and against racist regimes in the exercise of their right of self-determination), de facto governments (groups exercising direct control over territory and population and operating similarly to a State providing public services), etc.

The UN Convention against Transnational Organized Crime, UNCTOC, provides the most universal and comprehensive definition of OCG in Article 2(a): a "structured group of three or more persons, existing for a period of time and acting in concert with the aim of committing one or more serious crimes or offences [...] in order to obtain, directly or indirectly, a financial or other material benefit" (i.e., mafia, drug cartels, etc.). For Article 2(b), then, "serious crime" are offences "punishable by a maximum deprivation of liberty of at least four years or a more serious penalty" (also participation in an organized criminal group, laundering of proceeds of crime, corruption, and obstruction of justice are criminalized by the UNCTOC) while Article 2(c) defines a group as "structured" when it is not "randomly formed for the immediate commission of an offence and [it] does not need to have formally defined roles for its members, continuity of its membership or a developed structure". Albeit the UNCTOC only applies to "transnational organized crime"², OCGs involved in the business of illegal migration (trafficking in persons and smuggling of migrants) within European and MENA regions are almost always "transnational" in their nature or activities. Accordingly, they are covered by UNCTOC and transnational criminal law, that is to say the "law that suppresses crime that transcends national frontiers" (Boister, 2012) through the unified criminalization of the most serious crimes, the harmonization of their definitions and related measures of crime prevention and suppression (confiscation, seizure, special investigative techniques, etc.) within the domestic legal systems and the promotion and enhancement of international judicial and police cooperation for purposes of confiscation, extradition, mutual legal assistance, joint investigations, law enforcement, collection, exchange and analysis of information, etc..

Terrorism is perhaps the most challenging definition because there is no agreement in international law. There is political consensus in the UNGA (1994) on which criminal acts, methods and practices constitute "terrorism", e.g. those "intended or calculated to provoke a state of terror in the general public [...] whatever the considerations of a political, philosophical, ideological, racial, ethnic, religious or any other nature that may be invoked to justify them". Yet, the problem is to draw a distinction between

² Article 3(2) ("An offence is transnational in nature if: (a) It is committed in more than one State; (b) It is committed in one State but a substantial part of its preparation, planning, direction or control takes place in another State; (c) It is committed in one State but involves an organized criminal group that engages in criminal activities in more than one State; or (d) It is committed in one State but has substantial effects in another State").

terrorism (and terrorist organizations) and armed conflicts (and OAGs), including OAGs fighting against foreign occupation for self-determination and national liberation. The distinction has major and obvious consequences in terms of political legitimacy and governing legal regimes. Violent acts committed by non-State parties (and affiliated OAGs) in situations of armed conflicts are not covered by international law on terrorism (multilateral counter-terrorism conventions and protocols, transnational criminal law, etc.) but by IHL (UNODC, 2012). Serious breaches of IHL are not “terrorist acts” but amount to “war crimes” (including the war crime of terror). However, there is no impunity under IHL for “terrorist acts” committed in armed conflict because “IHL already provides a strong legal framework [...] and expressly prohibits terrorist acts in all instances” of armed conflicts (Ojeda, 2016). Adding “an additional layer of incrimination at the international level [e.g., counter-terrorism provisions and transnational criminal law] to all acts committed by NSAGs, regardless of their lawfulness under IHL [...] would reduce the likelihood of obtaining respect for IHL even further” (Ojeda, 2016). It is no surprise that negotiations on the draft of the Comprehensive Convention against International Terrorism – in progress since 1996 within the Ad Hoc Committee established by UNGA Resolution 51/210 of 17 December 1996 and the UNGA Sixth Committee – are deadlocked in practice and substantial progress towards an agreed-upon legal framework is impeded. Since 1963, however, 19 international legal instruments on terrorist acts (Conventions and protocols) have been adopted even though none of them provides a comprehensive definition of terrorism and they only focus on acts, offences and methods related to their specific subject-matters (civil aviation, internationally protected persons, nuclear material, maritime navigation, financing of terrorism, etc.).

2. Non-State actors’ impact in MENA region and resulting consequences for Europe in terms of illegal migration

All these NSAs play a direct role and have a major impact on the dynamics of MENA region and of some key countries such as Libya and Syria. Serious consequences also stem from NSAs-driven dynamics in the MENA region for the neighbouring European region. Security in the whole area is seriously affected or threatened. The overall scenario is quite complex and multifaceted and old and new root causes contribute to the current situation.

OAGs, terrorist organizations, and OCGs are the main players of recent and current armed conflicts, violence and instability in Libya and Syria. Sometimes with the support of third entities, including foreign States, OAGs have caused, ignited or contributed to the NIACs which had been crippling Libya and Syria for a long time. The power vacuum resulting from the weakening of the Governments engaged in a series of armed conflicts on their own territory provided terrorist organizations and hardliners “with an advantageous operational environment” (Stigall & Blakesley, 2015–2016) and safe havens “to organize, plan, raise funds, communicate, recruit, train, transit, and operate in relative security” (U.S. Department of State, 2018) to advance their political agenda and hit scores of innocent targets on site or elsewhere, including European citizens and cities. Instability and widespread violence tearing these regions apart also provided welcome opportunities for the OCGs. In fact, ungoverned or ill-governed areas allow OCGs to develop, run, and strengthen their illicit traffic of persons, narcotics, and any other good along routes that are often exploited also by terrorist organizations and hardliners to move freely. Transnational organized crime activities (trafficking in persons and smuggling of migrants, narcotics, firearms, environmental resources such as wildlife and timber, illegal trafficking of waste including

hazardous waste, etc.) benefit from regions under stress and institutional weakness and, in turn, threaten their governance and stability. All these NSAs benefit from on-going situation in Libya and Syria. Collusion between OAGs and OCGs fuels terrorism and plunders natural resources and there is a strong “interplay between conflicts, both current and recent, as well as global trafficking flows [and in particular] when rebels gain exclusive control of a portion of a country [those areas] often become trafficking hubs and retail centres for all manner of illicit goods and services” (UNODC, 2010). Since the beginning of armed conflicts in Libya and Syria, trafficking in persons and smuggling of migrants have been among the most lucrative activities for OCGs and OAG and have also raised the threat of terrorist border infiltration in MENA countries and in Europe by hiding among migrants entering illegally. The “crime-terror” nexus has benefited most from irregular migrant movements pushed by armed conflicts and instability in the MENA region towards Europe: “relationships between organisations range from contracting services and the appropriation of tactics, to complete mergers or even role changes” and irregular migration has provided “financial opportunities to criminal enterprises [and] terrorist organisations [that] have worked with and sometimes emulated organised crime syndicates through involvement in the trafficking of drugs, people, weapons and antiquities” (Sumpter & Franco, 2018).

As a result, OCGs, OAGs and terrorism (i.e., crime, armed conflicts, and violence) are both means and push factors for illegal migration flows as well as safe and wealthy Europe is a pull factor for all refugees escaping persecutions, asylum seekers fleeing armed conflicts, violence and human rights violations, and economic migrants looking for a better life elsewhere. In countries of origin (Syria and, to a certain extent, Libya) and transit (Libya and, to a certain extent, Turkey) irregular migration impacts in terms of political, economic and institutional instability. In countries of destination (EU Member States) the impact of irregular migration concerns how they have affected perceptions of security threats and have changed or are changing the European approach to security threats and policies.

3. Perceptions of illegal migration in Europe and some key elements for policy-making in the field of security

For a number of years Europe has been the destination of irregular migration flows. In 2007–2013, the number of yearly illegal border crossings in the EU was around 150.000. In 2014–2016, the number increased significantly, with the highest number of arrivals recorded in 2015 (1.800.000 persons) and 2016 (more than 500.000). Since then, however, the number of illegal border crossings has fallen dramatically due to new EU security policies, including the 2016 deal with Turkey and the 2017 bilateral protocol between Italy and Libya. Arrivals in Greece and Italy have greatly reduced (in 2018, detections on the Central Mediterranean route to Italy plunged 80% compared to 2017); and notwithstanding, although human traffickers constantly change their routes overall numbers are sharply down from their 2015–2016 peak. The EU Frontex Agency estimates that in 2018 the number of irregular crossings has been at the lowest level in 5 years (150.000), falling by a quarter compared with 2017 and being also 92% below the peak of migratory crisis in 2015 (Frontex, 2019). As of January 16, 2019, arrivals in Europe amount to 4.449 (IOM, 2019). These figures demonstrate that migratory flows are not set to increase in the future and the phenomenon is no longer alarming for Europe.

Nevertheless, reactions and concerns among European institutions, politicians and citizens have been significant in terms of new preventive and repressive policies,

principles and rules. For EU Commission (2015a) and Member States illegal migration may constitute a serious threat to public policy and internal security, at least in case of «uncontrolled influx of high numbers of undocumented or inadequately documented persons, not registered upon their first entry to the EU». Illegal migration might then justify the application of extraordinary measures such as the reintroduction of checks at European internal borders. Another great concern in terms of security is that illegal migration may also be exploited by hardliners, terrorists and criminals to sneak into Europe amid migrants. As a matter of politics and society, some political parties across Europe have put illegal migration at the top of their political agendas also blaming it for threatening European and national social identities and thousands of jobs that should be only reserved for European workers. Advancing populist or nationalist agendas, these political parties are gathering support in certain press circles and sections of public opinion and have greatly contributed to developing and heightening the often misleading but nonetheless widespread perception among Europeans that immigration is an actual and serious threat to security and welfare.

For the purpose of its analysis, this article only focuses on how the EU security policy is changing for addressing threats and challenges related to illegal migration. The elaboration of security policies on behalf of States and IOs is influenced, among other factors, by the basic approach to security and by the way courts and government institutions interpret and apply legal rules and factual circumstances. The main consequence of the many interaction options between these two factors affects and shapes the balance between human rights and security. For decades, the European way to address security threats has been characterized by functionalism and absolute prevalence of human rights over security concerns. This Article posits that this approach is changing and that Europe is learning some lessons on security from the United States. To this end, this Article will first explore the main differences between European and US approaches and will then explain how they are slowly narrowing.

3.1. Balancing human rights with security and granting or limiting judicial review

As regards the basic approach to security, in Europe security is certainly a core issue but it is however guaranteed within a more comprehensive framework of other values and interests in which human rights are equally if not more important. No balancing test between human rights and security is allowed. “Even in times of emergency or war”, States cannot balance the security risk with the risk that fundamental rights might be infringed by security or migration-related measures (ECtHR, 1996). The ban was articulated by the European supranational courts (European Court of Justice, ECJ; European Court of Human Rights, ECtHR), it is always upheld and it also applies to aliens who illegally arrive, enter and reside within the EU regardless of their status (asylum-seeker, displaced person, migrant, suspected or sentenced person), of measure sought (return, removal, extradition to another EU or foreign State) and of charges brought (deportation orders are stayed even when issued against aliens playing an active role in terrorist organizations and threatening national security) (ECtHR, 2008). Primacy of law and judicial interpretation are absolute and politics must defer to the opinion of the Judiciary. European supranational courts vindicate their right to “ensure the review, in principle the full review, of the lawfulness of all Union acts in the light of the fundamental rights”. Not even “overriding considerations” concerning the security of the EU or its

Member States can hinder or limit judicial review insofar as it remains “indispensable to ensure a fair balance between the maintenance of international peace and security and the protection of the fundamental rights and freedoms of the person concerned” (ECJ, 2013). Not even the UNSC binding resolutions can displace application and enforcement of human rights. In fact, their primacy is recognized only if resolutions are “in line with human rights” (ECtHR, 2011).

In the United States, instead, security is so important that human rights may be severely limited. The balancing test between human rights and security is allowed so far as to permit the extrajudicial killing abroad of a US citizen who is a senior operational leader of al-Qaida (U.S. Attorney General, 2013; U.S. Department of Justice, no date)³ or the indefinite detention without charge or trial of Guantanamo detainees (U.S. President, 2016)⁴. The balancing test also governs the expedited removal procedure by which an alien can be denied entry and physically removed from the US because border security is “critically important” to national security and “aliens who illegally enter the United States without inspection or admission present a significant threat to national security and public safety” (U.S. President, 2017). In *Peralta-Sanchez* the balance was between “the nature of the private interest at stake” (the claim for the Fifth Amendment due process right to counsel) and “the government’s interest, including the additional financial or administrative burden” the granting of such right would impose on the government (costs of detention, government’s lawyers, “pay for the increased time the immigration officer must spend adjudicating such cases, distracting the officer from any other duties”, etc.) (USCA, 2017)⁵. The *Peralta-Sanchez* ruling held that individuals facing expedited removal procedure have no right to counsel or to a hearing before an immigration judge because even though they have “technically effected entry into the United States” they only “have a limited interest at stake” having not been present “for some period of time longer than a few minutes or hours” on the US soil (USCA, 2017). It is just a formalistic matter of time and, as time does *not* go by, throughout the procedure aliens are treated as if they were not within the US for the purposes of applying some constitutional rights. As a result, the scope of human rights protection narrows because it cannot thwart government’s goal to exclude quickly inadmissible aliens. In cases of national security, foreign affairs, and immigration, human rights must often yield to security as well as the judicial power should yield, in principle, its competence to the Executive power under the long-established judicial deference doctrine.

In immigration cases judicial deference “is particularly powerful [...] because ‘the power to expel or exclude aliens [is] a fundamental sovereign attribute exercised by

³ The U.S. Attorney General stated that extrajudicial killings are lawful if the US Government “has determined, after a thorough and careful review, that the individual poses an imminent threat of violent attack against the United States” because the Government has the right to use lethal force “to protect the American people from the threats posed by terrorist” when capture is not feasible.

⁴ Guantanamo detainees “who cannot safely be transferred to third countries” are subject to continued indefinite detention without charge or trial because their detentions “remains necessary to protect against a continuing significant threat to the security of the United States”.

⁵ Rufino Peralta-Sanchez (a Mexican citizen arrested in 2014 for illegal entry through the U.S.-Mexico border) “was convicted [...] of illegal reentry in violation of 8 U.S.C. § 1326. The predicate for his illegal reentry count was his expedited removal in 2012. Peralta argues that his expedited removal was fundamentally unfair and thus cannot serve as the basis of the illegal reentry count, because he was neither entitled to hire counsel [...] We [the USCA] find that Peralta had no Fifth Amendment due process right to hire counsel in the expedited removal proceeding [and affirmed] his § 1326 conviction and sentence for illegal reentry” (USCA 2017, p. 3).

the Government's political departments largely immune from judicial control” (USCA, 2017). Of course, all of this does not mean that American judges have abdicated their constitutional functions and it is not unusual for judges to review and struck down executive orders. Nevertheless, it is undeniable that in the United States human rights protection and judicial review over Government are more limited than in Europe.

3.2 Interpreting legal rules and facts: European functionalism vs. American formalism

As regards the way courts and government institutions interpret and apply legal rules and factual circumstances, European supranational courts have a functional rather than a formalistic approach. In the field of human rights, “European functionalism” means that legal interpretation is closer to the spirit of the law (teleological interpretation) than to the letter of the law (literal interpretation). To uphold and fully implement the spirit of human rights legislation, rules and facts in situations concerning human rights are carefully assessed for the purpose of granting the widest possible protection. As a result, functionalism often extends human rights protection and it almost always makes it possible to link the exercise of governmental authority (especially abroad) and the application of law and attributability of responsibility. Whenever European judges are called upon to protect human rights, they always apply the “reality on the ground test” and reject literal or formalistic interpretations of the law. Under this test, situations concerning human rights are always carefully assessed in detail and with regard to the actual reality in order to detect any possible real risk of human rights violations. As a result, States are usually held accountable for their actions wherever in the world those actions may have been committed or their consequences felt.

In case of return and removal of illegal aliens, for instance, the “reality on the ground test” rules out any probative value to the fact that the receiving State is party to relevant international human rights treaties (ECtHR, 2012)⁶. Sending States must always demonstrate that receiving States are “safe countries” where human rights are generally and consistently protected and there are no substantial grounds “for believing that there was a real risk that the applicants would be subjected” to torture, inhuman or degrading treatment or punishment (EU Directive, 2013)⁷. The “safe country test” also applies to EU Member States because there is no presumption they would respect fundamental rights only because they are EU members. Against this background diplomatic assurances offered by receiving States to European sending States almost never pass the “reality on the ground test”. After a substantial case-by-case assessment, in fact, assurances must be enough “detailed”, “reliable” and “specific” and provide “individual guarantees” that illegal aliens, if returned, would have their human rights respected (ECtHR, 2014)⁸.

⁶ “The existence of domestic laws and the ratification of international treaties guaranteeing respect for fundamental rights are not in themselves sufficient to ensure adequate protection against the risk of ill-treatment where [...] reliable sources have reported practices resorted to or tolerated by the authorities which are manifestly contrary to the principles of ECHR”.

⁷ Article 38(1) states that a country is “safe” when “(a) life and liberty are not threatened on account of race, religion, nationality, membership of a particular social group or political opinion; (b) there is no risk of serious harm as defined in Directive 2011/95/EU; (c) the principle of non-refoulement in accordance with the Geneva Convention is respected; (d) the prohibition of removal, in violation of the right to freedom from torture and cruel, inhuman or degrading treatment as laid down in international law, is respected; and (e) the possibility exists to request refugee status and, if found to be a refugee, to receive protection in accordance with the Geneva Convention”.

⁸ “Swiss authorities were obliged to obtain assurances from their Italian counterparts that on their

Another consequence is about the extraterritorial scope of non-refoulement principle. In line with the UNHCR advisory opinion (2007), “the decisive criterion” for applying the principle is whether asylum-seekers “come within the effective control and authority” of the State wherever it happens including interdictions at sea. Such interpretation is consistent with the overriding humanitarian object and purpose of the principle and perfectly matches the European teleological approach to human rights legal instruments.

In the United States, instead, courts and government institutions interpret and apply legal rules and factual circumstances according to a formalistic rather than functional approach. In the field of human rights, “US formalism” means that legal interpretation is closer to the letter of the law (its literal interpretation) than to the spirit of the law (its teleological interpretation). To uphold the letter of the law, rules and facts in situations concerning human rights are not always scrutinized with due regard to the humanitarian intent underlying human rights legislation and the need to protect security may outweigh anything else including effective human rights protection. As a result, formalism may sometimes narrow human rights protection and it also makes it possible to split the exercise of governmental authority (especially abroad) from the application of law and attributability of responsibility. The political rationale behind this approach lies in the fact that, according to the former US Secretary of War Elihu Root, the Constitution (the law) “follows the flag” (the exercise of governmental authority) but at times “doesn’t quite catch up with it” (Jessup, 1938). Such formalism explains why the period of time spent by Peralta-Sanchez on the US soil was so relevant for the Court of Appeals in order to assess the scope of his human rights and why the Supreme Court held that non-refoulement principle did not apply outside the national territory and government could return asylum-seekers provided they have not reached or crossed national border (for instance, in case of interdiction and return of asylum vessels on the high seas). The Supreme Court upheld the formalistic interpretation of the word “return” in Article 33(1) of 1951 Refugee Convention advanced by a Presidential Executive Order (North, 2011)⁹. Whilst conceding that such interpretation “may even violate the spirit” of the 1951 Convention, the Court however concluded that “a treaty cannot impose un contemplated extraterritorial obligations [...] through no more than its general humanitarian intent. Because the text of Article 33 cannot reasonably be read to say anything at all about a nation’s actions toward aliens outside its own territory, it does not prohibit such actions” (USSC, 1993). For the same reason, diplomatic assurances required by the US Government before transferring foreign nationals to countries whose human rights record displays a real risk of human rights violations are so generic and scant when compared to those required by European courts. The United States only gets the promise from the receiving State that “appropriate humane treatment measures” (a lower standard than full protection of human rights) will be guaranteed but there is no substantive assessment of the real risk of human rights violations occurring after the transfer (U.S. Department of Defense, 2015)¹⁰. The United States only relies on the formal assurance offered by the receiving State and the seeking of such formal promise is the only legal requirement to abide by the human rights obligations.

arrival in Italy the applicants would be received in facilities and in conditions adapted to the age of the children, and that the family would be kept together [...] Without detailed and reliable information [...] the Swiss authorities did not have sufficient assurances [and in case of return] there would accordingly be a violation of Article 3 of the Convention”.

⁹ The word “return” in Article 33(1) would only be “referred to the defensive act of resistance or expulsion at the border rather than to transporting a person to a particular destination”.

¹⁰ “The US coordinated with the Government of the United Arab Emirates to ensure these transfers took place consistent with appropriate security and humane treatment measures”.

4. A new European approach to security policies: less judicial review, more formalism and a different balance between human rights and security

In the United States formalism is still the main methodology and legal ideology in assessing facts and interpreting and applying domestic and international rules. In Europe, instead, a process was perhaps set in motion through which differences are slowly narrowing and the European approach is coming a little bit closer to the American one in terms of management of security threats. In times of growing terrorist threats and unprecedented irregular migration flows, there is an increasing securitization of European policies and some States are wondering whether the highest level of human rights protection afforded by European courts in the last decades is still “sustainable” with respect to the need of addressing these threats.

Several elements confirm the growing securitization of European policies:

a) some fundamental principles of EU integration have been amended or suppressed. For instance, EU citizens no longer undergo minimum checks when crossing EU external borders as well as reintroduction of border controls within Schengen area is no longer a truly exceptional measure. Since April 2017 EU Member States must carry out systematic and enhanced checks against relevant databases on all persons, including EU citizens, at all external borders (air, sea and land borders), both at entry and exit. Moreover, the Schengen Borders Code will be updated to better tackle new security challenges and time limits for internal border controls will be prolonged to a maximum period of two years;

b) massive-scale data collection, treatment and analysis are being developed and implemented to identify unknown likely suspects, create general assessment criteria for criminal profiling, build up “stronger and smarter information systems for borders and security”, improve quality and efficiency of border crossing processes, and contribute to the fight against irregular migration. To this end, the EU Directive (2016) on the use of passenger name record, the EU Regulation (2017) establishing the Entry-Exit System and the EU Regulation (2018) establishing the European Travel Information and Authorization System have been recently adopted;

c) the EU return policy will be revised to make it more effective on the basis of principles (for instance, a wider use of swifter and simplified procedures and detention) and goals (curbing abuses of asylum procedures, prevent and combat irregular migration, etc.) which echo the US return policy (EU Commission, 2017a; EU Commission, 2018a);

d) cooperation with non-EU States to prevent and manage irregular migration is being steadily enhanced. The “idea of establishing centers for the ‘external processing’ of asylum claims [...] actually realized in the Caribbean by the United States and in the Pacific area by Australia” is the key element of such policy (Liguori, 2015). Processing centers funded by the EU in African countries to identify refugees and hold and turn back migrants are part of the more comprehensive concept of “regional disembarkation platforms” whose objective “is to provide quick and safe disembarkation on both sides of the Mediterranean of rescued people [...], a responsible post-disembarkation process [and] a truly shared regional responsibility in replying to complex migration challenges” (EU Commission, 2018b). Those rescued in international waters by EU States’ flag vessels would be disembarked in third countries (such as northern African countries) provided their consent, their being “safe” and the respect of the principle of non-refoulement. The incipient EU offshoring processing policy bears a close resemblance to the widely criticized Australian policy of regional resettlement to Nauru and Papua New Guinea and increases the risk of human rights violations, of turning a blind eye and “of ‘blame shifting’ or ‘passing the buck’ among the various actors” (Liguori, 2015).

The growing securitization of European security policies underpins a different approach to security and a renewed approach to interpreting and applying legal rules which imply the adoption of new legal solutions that are typical of the US approach to security threats.

In the first place, a different approach to security implies limiting the full judicial review of supranational courts (especially, the ECtHR) that for decades has been the quintessential element of the European way to protect human rights. For different reasons but with the same goal of better protecting their own security, France, Ukraine and Turkey derogated from the obligations under the ECHR. Furthermore, the ECHR system will be amended by Protocol no. 15 (all signatory States but Italy and Bosnia and Herzegovina have ratified it) and an explicit reference to the principle of subsidiarity and the margin of appreciation doctrine will of the ECHR. The reform will shift the present balance between national courts and ECtHR in favor of the former because “national authorities are in principle better placed than an international court to evaluate local needs and conditions” and therefore apply and implement the ECHR (ECHR Protocol, 2013). Many European States believe, right or wrong, that the ECtHR’s legal understanding of the ECHR as a “living instrument” has gone too far and that it expanded rights and freedoms too much beyond what the framers of the Convention had in mind in 1950. Derogations, reforms and States’ attitude suggest that in times of increasing security threats European States feel a degree of unease with the present balance and are looking for a different judicial framework.

In the second place, the renewed approach to interpreting and applying legal rules in the field of illegal migration seem to distance itself from European functionalism and get closer to American-style formalism. After all, turning to formalism is almost inevitable once simplification and swiftness of asylum and return procedures and cooperation and shared responsibility with third countries become the “key pillars” of European migration and return policies. On the one hand, simplification and swiftness are at odds with that thorough and careful examination of asylum-seekers and migrants situations required by the “reality on the ground test”. On the other, cooperation and partnership with African countries require a greater reliance and respect for their sovereignty, assurances and commitments. Partnerships inevitably allocate and distinguish tasks, duties and responsibilities and this may weaken the European goal to uphold and promote its own values “in its relations with the wider world” (Article 3(5), Treaty on European Union) and to “develop a special relationship with neighboring countries [...] founded on the values of the Union” (Article 8(1), Treaty on European Union). The more the EU relies on cooperation and assurances from third countries, the less it can command respect for universality of human rights standards. Outsourcing human rights protection inevitably lowers these standards and it might lead Europe to turn a blind eye or claim no liability for violations occurring abroad.

A couple of latest developments in the field of illegal migration support these findings:

1) on September 2015, the European Commission proposed the establishment of a EU common list of safe countries of origin (EU Commission, 2015b). Applications for international protection lodged by nationals of safe countries would be fast-tracked for allowing faster returns if refused. The safe-country assumption could actually make the assessment of the application too fast and cursory and the need for faster returns could prevail over the effective protection of human rights. In this respect, it is thought-provoking the Action Plan to support Italy in reducing migratory pressure presented by the European Commission on July 2017. The Commission urged Italy to develop “a national list of ‘safe

countries of origin', prioritizing the inclusion of the most common countries-of-origin of migrants arriving in Italy" (EU Commission, 2017b). The logic behind safe countries lists seems reversed and undermined. Third countries should be included on the list following a thorough and careful assessment of their being "safe". In this case, however, the inclusion depends — or, at least, seems depending — on the fact that certain countries are the most common countries-of-origin of migrants arriving in Italy. The real aim seems to be to reduce migratory pressure and protect European security at any cost rather than to curb abuses of asylum systems (clearly unfounded claims, subsequent applications, etc.). The case of Nigerian nationals is a telling example. In 2016 Nigeria was one of the most common countries-of-origin of migrants arriving in Italy and the recognition rate of asylum application lodged by its nationals (more than 47,000) was so low (8% in the first three quarters) that the abuse of the asylum system was seemingly clear. However, the IOM "estimates that 70% of the Nigerian women and children who arrived in Italy in 2015 and the first five months of 2016 were victims of trafficking" (Council of Europe, 2017). The stark contrast between data exposes a failure in the Italian asylum system notwithstanding the application of ordinary asylum procedures. If Nigeria were included in the safe countries list, accelerated and streamlined asylum procedures would then apply and the risk of not being able to identify a victim of trafficking would become considerably greater;

2) on March 2016, the EU and Turkey issued a joint statement (EU-Turkey Statement, 2016) in order to have all irregular migrants crossing from Turkey into Greek islands returned to Turkey. The European Council and the European Commission deny any binding value to the Statement because it would only be a press communique setting political commitments as allegedly proved by the use of the word "statement" instead of "agreement". This interpretation runs counter to the reality on the ground. The content of the Statement "action points, thereby enumerating the commitments to which the parties have consented", the active involvement of EU Institutions in its implementation and relevant international law suggest that it is an international binding agreement (Gatti, 2016). Even the ECJ (2017a) qualified the Statement as a binding international "agreement" although it eventually held that the agreement "cannot be regarded as a measure adopted by the European Council" or the EU but by the EU Member States in their own capacity. The thin and somewhat ambiguous distinction drawn by the ECJ between EU agreements and EU Member States agreements reveals a formalistic approach that would have been unthinkable just a few years ago in Europe. Formalism underpinning the EU-Turkey Statement is also demonstrated by generic assurances contained therein such as that returns take place "in full accordance with EU and international law", "all migrants will be protected in accordance with the relevant international standards and in respect of the principle of non-refoulement", and "any application for asylum will be processed individually by the Greek authorities". Assurances of this kind are more similar to the (formal) ones sought by the US Government than to the (substantive) ones required by the European supranational courts. EU Commission's responses to the criticism that "the EU-Turkey Statement might serve as a blueprint for human rights violations" (de Vries, 2018; Council of Europe, 2016) appear equally generic insofar as the Commission confirms that returns "are carried out strictly in accordance with the requirements of EU and international law, and in full respect of the principle of non-refoulement" and the situation in the Turkish centers "complies with required standards" (EU Commission, 2017c). The Statement ends up almost appearing a political escamotage and a legal shortcut to institutionalizing the

US-style scant diplomatic assurances, avoiding a strict application of EU and international law of human rights and achieving at any cost the goal of halting irregular migration flows.

5. Conclusions

The impact of NSAs such as OAGs, OCGs and terrorist groups on MENA region is twofold. They fuel instability, crime, violence, and armed conflicts in the region and turn into push factors, if not means or vehicle, for illegal migration towards Europe where it is often perceived, right or wrong, as a serious threat to security. The EU response to migration is therefore evolving. Following decades of strong and wide protection of human rights in any situation, Member States and the European Commission are seeking for a new and different balance between human rights and security. It seems as if States and Commission are nowadays ready to trade some political idealism and legal functionalism in the field of migration and human rights for more political pragmatism and legal formalism in the field of security. Derogations and reform of the ECHR and Schengen system, the recast of return policy, the ambiguous legal nature and paternity of the EU-Turkey Statement, and the increasing reliance on partnerships with third countries are emblematic clues of this new approach to security marked by some US-style features such as a more limited judicial review and a formalistic interpretation and application of the law. Even if, for the time being, Europe has substantially stayed true to a high standard of human rights protection, the quest for more security especially by Governments might set them on a collision course with supranational Courts and their functionalist approach to human rights protection. The first testing ground might be the lawfulness of cooperation with third countries. EU Institutions and Member States have been accused of complicity and/or “contactless responsibility” in abuses committed in Libya against migrants and applications have been lodged before the ECtHR (Moreno-Lax & Giuffré, forthcoming; Mackenzie-Gray Scott, 2018). Should the Strasbourg Court uphold these charges, how would governments react? Would they respect the ruling as always happened in the past or take a challenging stance as Visegrad States did in the affaire of mandatory relocation of asylum seekers decided by the ECJ (2017b)?

References

- Boister, N. (2012). *An Introduction to Transnational Criminal Law*. (1st ed.). Oxford: Oxford University Press.
- Buckley, O. M. (2012). Unregulated armed conflict: non-State armed groups, international humanitarian law, and violence in Western Sahara. *The North Carolina Journal of International Law and Commercial Regulation*, 37, 793–845.
- Clapham, A. (2009). Non-state actors. In V. Chetail (Ed.) *Post-Conflict Peacebuilding: A Lexicon* (pp. 200–212). Oxford: Oxford University Press.
- Council of Europe, Parliamentary Assembly, Committee on Migration, Refugees and Displaced Persons (2016). The Situation of Refugees and Migrants under the EU-Turkey Agreement of 18 March 2016. [Report, Doc. 140128]. Retrieved from <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-en.asp?FileID=22612&lang=en>.
- Council of Europe, Group of Experts on Action against Trafficking on Human Beings (2017). Report on Italy under Rule 7 of the Rules of Procedure for Evaluating Implementation of the Council of Europe Convention on Action against Trafficking on Human Beings. Retrieved from <https://rm.coe.int/16806edf35>.
- de Vries, K. (2018). *The EU-Turkey Statement: A Design for Human Rights Violations? An examination concerning the compatibility of the EU-Turkey Statement with human rights in EU Law*. (MAIR Thesis European Union Studies, Leiden University). Retrieved from <https://openaccess.leidenuniv.nl/>

- bitstream/handle/1887/63629/K.%20de%20Vries.%20The%20EU%20Turkey%20Statement.%20A%20design%20for%20human%20rights%20violations.pdf?sequence=1.
- ECJ, European Court of Justice (2013). Judgment of 18 July 2013. *Grand Chamber. European Commission & Council of the EU v. Yassin Abdullah Kadi*. Joined Cases C-584/10 P, C-593/10 P, C-595–10 P.
- ECJ, European Court of Justice (2017a). Order of 28 February 2017. *NF v. European Council, NG v. European Council, NM v. European Council*. Joined Cases T-192/16, T-193/16, T-257/16.
- ECJ, European Court of Justice (2017b). Judgment of 6 September 2017. *Grand Chamber. Slovakia and Hungary v. Council*. Joined Cases C-643/15 and C-647/15.
- ECHR Protocol (2013). Protocol No. 15 amending the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. [CETS No. 213, Explanatory Report]. Retrieved from http://www.echr.coe.int/Documents/Protocol_15_explanatory_report_ENG.pdf.
- ECtHR, European Court of Human Rights (1996). Judgment of 15 November 1996. *Grand Chamber. Chahal v. the United Kingdom*. Application no. 22414/93.
- ECtHR, European Court of Human Rights (2008). Judgment of 28 February 2008. *Grand Chamber. Saadi v. Italy*. Application no. 37201/06.
- ECtHR, European Court of Human Rights (2011). Judgment of 7 July 2011. *Grand Chamber. Al-Jedda v. the United Kingdom*. Application no. 27021/08.
- ECtHR, European Court of Human Rights (2012). Judgment of 23 February 2012. *Grand Chamber. Hirsi Jamaa and Others v. Italy*. Application no. 27765/09.
- ECtHR, European Court of Human Rights (2014). Judgment of 4 November 2014. *Grand Chamber. Tarakhel v. Switzerland*. Application no. 29217/12.
- EU Directive 2013/32/EU of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on common procedures for granting and withdrawing international protection.
- EU Directive 2016/681 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the use of passenger name record for the prevention, detection, investigation and prosecution of terrorist offenses and serious crime.
- EU Regulation 2017/2226 of the European Parliament and of the Council of 30 November 2017 establishing an Entry/Exit System (EES) to register entry and exit data and refusal of entry data of third-country nationals crossing the external borders of the Member States.
- EU Regulation 2018/1240 of the European Parliament and of the Council of 12 September 2018 establishing a European Travel Information and Authorisation System (ETIAS).
- EU-Turkey Statement (2016). [Press Release 144/16. 18 March 2016]. Retrieved from <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/03/18/EU-Turkey-statement/>.
- European Commission (2015a). Eight biannual report on the functioning of the Schengen area. [COM(2015) 675 final]. Retrieved from http://www.europarl.europa.eu/RegData/docs_autres_institutions/commission_europeenne/com/2015/0675/COM_COM%282015%290675_EN.pdf.
- European Commission (2015b). Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council Establishing an EU common list of safe countries of origin for the purpose of Directive 2013/32 and amending Directive 2013/32/EU. [COM (2015) 452 final]. Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52015PC0452>.
- European Commission (2017a). Communication on a more effective return policy in the European Union — A Renewed Action Plan. [COM(2017) 200 final]. Retrieved from https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-migration/20170302_a_more_effective_return_policy_in_the_european_union_-_a_renewed_action_plan_en.pdf
- European Commission (2017b). Action Plan on measures to support Italy, reduce pressure along the Central Mediterranean route and increase solidarity. [SEC(2017) 399]. Retrieved from https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-migration/20170704_action_plan_on_the_central_mediterranean_route_en.pdf.
- European Commission (2017c). Fifth Report on the progress made in the implementation of the EU-Turkey Statement. [COM(2017) 204 final]. Retrieved from <https://ec.europa.eu/home-affairs/>

- sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-migration/20170302_fifth_report_on_the_progress_made_in_the_implementation_of_the_eu-turkey_statement_en.pdf.
- European Commission (2018a). Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on common standards and procedures in Member States for returning illegally staying third-country nationals (recast). [COM(2018) 634 final]. Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52018PC0634>.
- European Commission (2018b). Managing Migration: Commission expands on disembarkation and controlled centre concepts. [Press Release IP/18/4629]. Retrieved from http://europa.eu/rapid/press-release_IP-18-4629_en.htm.
- Frontex, European Border and Coast Guard Agency (2019, January 4). Number of irregular crossings at Europe's borders at lowest level in 5 years. [News Release]. Retrieved from <https://frontex.europa.eu/media-centre/news-release/number-of-irregular-crossings-at-europe-s-borders-at-lowest-level-in-5-years-ZfkoRu>.
- Gatti, M. (2016, April 18). The EU-Turkey Statement: A Treaty That Violates Democracy (Part 1 of 2) [Web Log Post]. Retrieved from ejiltalk.org/the-eu-turkey-statement-a-treaty-that-violates-democracy-part-1-of-2/.
- Jessup, P. C. (1938). *Elihu Root* [Two-volume Set]. New York, NY: Dodd, Mead & Company.
- Liguori, A. (2015). Some Observations on the Legal Responsibility of States and International Organizations in the Extraterritorial Processing of Asylum Claims. *The Italian Yearbook of International Law*, 25, 135–158.
- Mackenzie-Gray Scott, R. (2018). Torture in Libya and Questions of EU Member State Complicity. [Web Log Post]. Retrieved from <https://www.ejiltalk.org/torture-in-libya-and-questions-of-eu-member-state-complicity/>.
- Melzer, N. (2009). Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law [Monograph]. Retrieved from <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/icrc-002-0990.pdf>.
- IOM, International Organization for Migration (2019, January 22). Flow Monitoring [News Release]. Retrieved from <http://migration.iom.int/europe?type=arrivals>.
- Moreno-Lax, V. & Giuffr , M. (forthcoming). The Raise of Consensual Containment: From 'Contactless Control' to 'Contactless Responsibility' for Forced Migration Flows. In S. Juss (Ed.), *Research Handbook on International Refugee Law (forthcoming)*. Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing.
- North, A. (2011). Extraterritorial Effect of Non-refoulement. [Federal Court of Australia, Digital Law Library, Judges' Speeches]. Retrieved from <http://www.fedcourt.gov.au/digital-law-library/judges-speeches/justice-north/north-j-20110907>.
- Ojeda, S. (2016, December 13). Global counter-terrorism must not overlook the rules of war [Web log post]. Retrieved from <https://blogs.icrc.org/law-and-policy/2016/12/13/global-counter-terrorism-rules-war/>.
- Stigall, D. E., Blakesley, C. L. (2015–2016). Non-State Armed Groups and the Role of Transnational Criminal Law During Armed Conflicts. *The George Washington International Law Review*, 48, 1–42.
- Sumpter, C., Franco, J. (2018). Migration, Transnational Crime and Terrorism: Exploring the Nexus in Europe and Southeast Asia. *Perspective on Terrorism*, 12 (5), 36–50.
- UNGA, U.N. General Assembly (1994). Measure to Eliminate International Terrorism [Resolution 49/60]. Retrieved from <http://www.un.org/documents/ga/res/49/a49r060.htm>
- UNHCR, U.N. High Commissioner for Refugees (2007). Advisory Opinion on the Extraterritorial Application of Non-Refoulement Obligations under the 1951 Convention relating to the Status of Refugees and its 1967 Protocol. Retrieved from <http://www.unhcr.org/4d9486929.pdf>.
- UNODC, U.N. Office on Drugs and Crime (2010). The Globalization of Crime. A Transnational Organized Crime Threat Assessment. [Monograph]. Retrieved from <http://www.unodc.org/>

- res/cld/bibliography/the-globalization-of-crime-a-transnational-organized-crime-threat-assessment_html/TOCTA_Report_2010_low_res.pdf.
- UNODC, U.N. Office on Drugs and Crime (2012). International Cooperation in Criminal Matters: Counterterrorism. [Monograph]. Retrieved from https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/TrainingCurriculumModule3/Module3_EN.pdf.
- U.S. Court of Appeals (2017). 9th Circuit. *U.S. v. Peralta-Sanchez*. 868 F.3d 852.
- U.S. Department of Defense (2015). Detainee Transfers Announced. [Press Release No: NR-438–15]. Retrieved from <http://www.defense.gov/News/News-Releases/News-Release-View/Article/628980/detainee-transfers-announced>.
- U.S. Department of Justice (no date). White Paper. Lawfulness of a Lethal Operation Directed Against a U.S. Citizen Who Is a Senior Operational Leader of Al-Qa'ida or an Associated Force. Retrieved from http://msnbcmedia.msn.com/i/msnbc/sections/news/020413_DOJ_White_Paper.pdf.
- U.S. Department of State, Bureau of Counterterrorism (2018). Country Reports on Terrorism 2017. Retrieved from <https://www.state.gov/j/ct/rls/crt/2017/>
- U.S. Office of the Attorney General (2013). Letter to the Chairman of the Committee on the Judiciary of the United States Senate. Retrieved from <https://www.justice.gov/slideshow/AG-letter-5-22-13.pdf>.
- U.S. President, White House (2016). Plan for Closing the Guantanamo Bay Detention Facility. Retrieved from https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/GTMO_Closure_Plan_0216.pdf.
- U.S. President (2017). Border Security and Immigration Enforcement Improvements. [Executive Order 13767]. *Federal Register*, 82 (18), pp. 8793–8797.
- U.S. Supreme Court. (1993). *Sale v. Haitian Centers Council, Inc.* 509 U.S. 155.

Received 09.02.2019

Accepted 25.02.2019

For citation: Bargiacchi P. Non-State Actors and Illegal Migration: a New European Approach to Security Policies. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 1. Pp. 24–39.

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ АКТОРЫ И НЕЛЕГАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ: НОВЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ ПОДХОД К ПОЛИТИКЕ БЕЗОПАСНОСТИ

П. Барджакки

Паоло Барджакки, Университет КОРЕ, Читаделла Университариа, 94100, Энна, Италия.

E-mail: bargiacchi71@yahoo.com

ORCID 0000-0001-5564-6798

Аннотация. Влияние негосударственных акторов, таких как организованные вооружённые группы (ОВГ), организованные криминальные группы (ОКГ) и террористические группы на регион Европейского Средиземноморья является двояким. Они разжигают нестабильность, преступность, насилие и вооружённые конфликты в этом регионе и становятся провоцирующим фактором, и даже средством, нелегальной миграции в Европу, где этот феномен зачастую воспринимают как серьёзную угрозу безопасности. Это обуславливает реакцию ЕС на миграцию и соответствующую политику безопасности. После многих лет всесторонней борьбы за права человека, европейские страны стремятся найти новое, отличное от прежнего, равновесие между правами человека и безопасностью. Создаётся впечатление, что сегодня страны Евросоюза готовы сменить политический идеализм и правовой функционализм в сфере миграции и прав человека на прагматизм с большим политическим уклоном и на правовой формализм в области безопасности. Символично, что в этом новом подходе к политике безопасности просматриваются некоторые черты американского правосудия (более ограниченный судебный надзор, а также более формальная интерпретация закона и его применение. Даже несмотря на то, что в настоящее время Европа в значительной мере остаётся приверженной высоким стандартам защиты прав человека, стремление правительств европейских стран к более

высокому уровню безопасности может привести их к столкновению с наднациональными судами и с функционалистским подходом последних к защите прав человека.

Ключевые слова: негосударственные акторы и нелегальная миграция; безопасность и права человека; европейский и американский подходы к безопасности; влияние негосударственных акторов на регион Европейского Средиземноморья и ЕС; новая политика безопасности ЕС.

DOI: 10.31429/26190567-20-1-24-39

Статья поступила в редакцию 09.02.2019

Статья принята к публикации 25.02.2019

Для цитирования: Барджакки П. Негосударственные акторы и нелегальная миграция: новый европейский подход к политике безопасности. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 1. С. 34-39.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ИНТЕГРАЦИЯ ИММИГРАНТОВ В ШВЕЦИИ (СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

И. В. Гришин

Гришин Игорь Владимирович, Центр сравнительных социально-экономических и политических исследований, Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, ул. Профсоюзная, 23, Москва, 117997, Россия.
Эл. почта: i.grishin@inbox.ru
ORCID 0000-0001-5839-1858

Аннотация. Не имея в прошлом колоний и будучи до недавнего времени моноэтнической, отстоя далеко от стран исхода инокультурных мигрантов, Швеция практически столкнулась с ними лишь в самые последние десятилетия. Массовое восприятие дальнего (третьего) мира складывалось на умозрительной основе, без непосредственной причастности шведов к нему. И для этой основы характерен высокий потенциал солидарности с жителями стран Востока/Юга, сформировавшийся прежде всего благодаря былому доминированию в шведском государстве социал-демократии с её идеологией социальной солидарности поверх границ. Однако одно дело — щедрая помощь Швеции развитию государств бывшего третьего мира, другое — принятие массы мигрантов из него. Проблема их интеграции, при всей несомненной важности её экономического аспекта, связана, скорее, с их культурно-цивилизационной инаковостью, с их отношением к правопорядку светского, демократического общества, к его ценностям и поведенческим нормам. Поэтому без учета всего диапазона факторов, определяющих иммиграционную обстановку, велик риск малокритического видения реального положения вещей. Данная работа нацелена на анализ миграционно-интеграционных процессов в Швеции последних лет, когда под влиянием их разрастания, осложнения и резкой актуализации этносоциальные проблемы потеснили в повестке дня традиционные вопросы благосостояния (занятость, образование, здравоохранение и т.п.), а расстановка партийно-политических сил в стране и парламенте претерпела критические изменения. Представляется, что широкий контекст избранной темы и ее рассмотрение в свете новейших явлений/событий могут служить залогом научной оригинальности/новизны настоящей статьи.

Ключевые слова: Швеция, иммиграция, интеграция, официальный дискурс, солидарность поверх границ, инокультура, безопасность, преступность, партийная система, шведодемократы.

Решение вопросов миграции и интеграции, а они тесно взаимосвязаны, имеет важнейшее значение. Если тут мы потерпим неудачу, нас ждут большие и долговременные проблемы.

Лидер Умеренной партии
Швеции Ульф Кристерссон

Серьезное усложнение этноситуации в Европе во время и после миграционного кризиса 2015–2016 гг. с его наплывом инокультурных пришельцев вновь обострило полемику вокруг проблемы, выраженной в часто приписываемом Редьярду Киплинг тезисе: Востоку и Западу никогда не сойтись. Глобализация, интернационализация национальных экономик, облегчение трансграничной коммуникативности, стирание межстрановых границ в том числе, создали и создают объективные предпосылки «смешения народов». Но этому процессу тоже объективно противостоит исторически сложившаяся глубокая разделенность человечества на центр, периферию и полупериферию, на различные цивилизационные макроареалы

и этнорасовые общности. Связи между каждым из них интенсифицировались, но прием, устройство и интеграция массы выходцев из бывшего третьего мира, особенно мусульман, в государствах Европы с христианской моралью, несмотря на их в целом благосклонное отношение к мигрантам из афро-азиатского (читай: исламского) мира, оказались сопряжены со множеством осложнений.

Деколонизация Востока/Юга сопровождалась в свое время и до сих пор (Южная Африка) сопровождается вытеснением оттуда «белого человека». А каковы условия и перспективы массового переселения уроженцев бывших колониальных и зависимых стран в нынешней, этнически и конфессионально быстро меняющейся с рубежа веков Европе? В данной статье этот вопрос рассматривается на примере одной из её самых благополучных и «участливых» к ним стран — Швеции. Главные аспекты анализа — миграционный морально-политический дискурс и вызванная пришествием инокультуры дестабилизация правопорядка и партийной системы¹.

1. Иммиграция и интеграция в шведском дискурсе

Притягательность Швеции для международных мигрантов во многом объясняется её широко известным имиджем гостеприимного реципиента. Шведы выбрали этот путь осознанно и глубоко мотивированно, полагая, что их моральный долг как избавленной от войн с начала XIX в. (1814 г.) и социально преуспевающей нации — облегчить участь нуждающихся в защите и помощи, насколько это возможно. Еще в 1930-е гг. они принимали жертв нацистского произвола, в конце войны и после нее — прибалтов, польских евреев, чилийских сторонников свергнутого Сальватора Альенде и др. (затем вынужденную миграцию сменила трудовая). Верные идеологии социальной солидарности поверх государственных границ, они усмотрели свою международную миссию в миротворческой деятельности, гуманитарной помощи и содействии решению проблемы беженцев. Лояльность к приезжим стала важной частью шведской идентичности.

Гордость шведов достижениями своей страны, писал американский журналист Дэниел Пайпс, транслируется в этическое превосходство, символизируемое их утверждением, что она является «моральной сверхдержавой» (Pipes, 2015). О Швеции как моральной сверхдержаве в международной политике говорил в феврале 2015 г. и политолог Омар Шейкмус, сирийский курд, шведский гражданин с 1974 г. (Визит Аббаса в Стокгольм, 2015). Ему в самый канун иммигрантского кризиса вторил шведский экономист Тино Санандажи, иранский курд. По его мнению, великодушная иммиграционная политика Швеции имеет большое значение для имиджа страны, которая гордится собой как «моральная» супердержава (Wente, 2015). И в этом же ряду — заявление министра интеграции шведского населения Эрика Улленхага в августе 2014 г. при обсуждении иммиграционной ситуации: «Мы будем оставаться гуманитарной сверхдержавой, развивать шведские традиции политики оказания помощи своему ближнему. И это тот тип лидерства, благодаря которому большинство шведского народа считает, что мы должны быть страной, которой можно гордиться» (Новую волну иммигрантов ..., 2014). Как отмечал позже, в 2017 г., финский профессор Пауль Лиллранк, «шведская элита старается превратить свою страну в мультикультурную моральную сверхдержаву» (Lillrank, 2017).

¹ Динамика общественного мнения об иммиграции, а также теория и практика интеркультурализма рассмотрены автором ранее (Гришин, 2017).

Посмотрим, как отражены темы миграции и интеграции в программных уставах ведущих шведских партий. Поскольку обнаружить соответствующие развернутые документы не удалось (остается впечатление, что к их разработке и не обращались), пришлось довольствоваться подбором тематических фрагментов, который *volens nolens* носит в той или иной мере случайный, произвольный характер, но не искажает суть дела. То же самое надо сказать и по поводу отображения позиции правительства.

В программе Социал-демократической рабочей партии Швеции (СДРПШ) 2001 г. миграции как таковой не посвящено ни строчки, косвенно она затронута в небольшом подразделе «Этничность». В нем осуждаются дискриминация и предрассудки, говорится о трудностях обустройства приезжих. С точки зрения их интеграции, констатируется: «...Растет отчуждение среди тех взрослых, которые не выходят на рынок труда, и среди детей, которые не видят своего будущего в окружающем шведском обществе. Это отчуждение порождает самое большое и вопиющее неравенство в современном обществе. Отчуждение и ограниченность жизненных шансов, вынужденно испытываемые слишком многими иммигрантами, полностью несовместимы с социал-демократическими идеалами свободы и равенства» (Partiprogram ... 2001). Благие намерения авторов данных формулировок сомнению не подлежат, но умолчание обратной стороны массового наплыва лиц с инокультурным бэкграундом вряд ли отвечает требованию оптимального программного сопровождения миграционной и интеграционной политики.

В последней (2013 г.) программе партии наиболее близкая к проблеме иммиграции и интеграции формулировка: «Лучший способ противодействовать расизму — обеспечение полной занятости и совершенствование политики всеобщего благосостояния» (Ett program för förändring, 2013, s. 13). Формулировка универсальная — вместо «расизма» можно поставить любой социальный недуг.

В разделе «Наша политика», в рубрике «Интеграция и (этно)многообразие» («иммиграция» как таковая отсутствует) официальный сайт СДРПШ следующим образом представляет позицию партии. «Перемещение людей делает более широким применение рабочей силы, знаний и идей, расширяет связи и открывает новые возможности. Слишком много времени приходится тратить вновь прибывшим беженцам и иммигрантам на то, чтобы утвердиться на рынке труда. Для каждого из них должна быть в нашей стране возможность самообеспечения. Успешная политика занятости играет центральную роль в преодолении сегрегации» (Integration och mångfald, 2018). Как видим, последствия иммиграции рассматриваются только в позитивном ключе, определенные недостатки приема иностранцев усматриваются в несовершенстве системы их трудоустройства и недостаточности предоставляемых принимающим обществом возможностей достижения ими самообеспечения. Негативный, деконструктивный потенциал иммиграции, тем более инокультурной, и его очевидные проявления игнорируются. Конечно, приведенный пассаж стоит расценить как некий образец социал-демократического интернационализма, но едва ли можно — как реальный политический посыл миграционного регулирования и практики интеграции. Все негативные стороны и трудности иммиграции, уже относительно давно ставшие очевидными и почти общепризнанными, политкорректно, суперполиткорректно не упомянуты — их как бы и нет вообще.

Небольшой раздел программы Умеренной партии (модератов), названный «Работа, интеграция и миграция», акцентирует внимание на национальной традиции

открытости миру и приверженности «щедрой и гуманной беженской политике», на приоритетности трудоустройства новых шведов и достижения ими самообеспечения (Moderaternas partiprogram, 2013). То есть, как и социал-демократы, модераты абсолютизируют значение материальных факторов и обходят стороной важность усвоения «гостями» культурного кода страны-хозяина и неизбежность/необходимость противодействия негативным проявлениям мигрантской инокультурности.

Принципиально близки социал-демократическому и модератскому подходу к вопросам миграции взгляды других «старых»/системных партий.

Отражение сегодняшнего взгляда правительства на иммиграцию удалось найти в документах министерства юстиции. В одном из них говорится, что кабинет стремится обеспечить «долгосрочную устойчивую миграционную политику, гарантирующую право убежища и облегчающую в рамках регулируемой иммиграции трансграничную мобильность, способствовать ориентированной на рыночный спрос миграции рабочей силы, учитывать и сохранять эффекты миграции, поддерживающие развитие, а также углублять европейское и международное сотрудничество» (Faktablad ... 2018). Из небольшого процитированного фрагмента можно все же заключить, что в документе уделено должное внимание аспектам международного права (на убежище) и рынка труда, но оставлены за скобками вопросы аккультурации, обеспечения безопасности и др.

Благостное, некритичное и как бы канонизированное, ставшее конвенциональным партийное восприятие «инопришельцев» не могло не наложить отпечаток на линию поведения национальных СМИ. Новостные передачи и публичный дискурс об иммиграции и интеграции ограничен рядом табу. Журналисты и общественные деятели, выходящие при обсуждении этих проблем за границы того, что шведы называют «коридором мнений», рискуют получить ярлык ксенофоба или расиста (Плевако, Чернышева, 2012, с. 42). Эта специфика публичного дискурса часто позволяет политикам и властям отрицать наличие проблем, порождаемых политикой миграции и интеграции, уходя тем самым от их подлинного обсуждения и решения. Подобное мнение высказывается многими наблюдателями, особенно зарубежными, поскольку свобода слова по данному вопросу внутри Швеции ограничена описанными обстоятельствами. А критические выступления шведских журналистов и других представителей творческих профессий громче звучат вне страны.

До поры до времени спокойное отношение к мигрантам характеризовало и массовые настроения. Перелом намечился к концу нулевых годов и нашел свое выражение в стремительном росте популярности Партии шведодемократов (*Sverigedemokraterna*), или шведских демократов (ШД). Третья партия риксдага (по числу мандатов) оценивается политическим мейнстримом как антииммигрантская и антисистемная, подвергнута им бойкоту, но её парламентские позиции делают её важным политическим актором (см. ниже). Программные формулировки партии не оставляют сомнения в её однозначно отрицательном отношении к инокультурным иммигрантам, хотя и содержат некую позитивную (умиротворяющую) оговорку.

«Несмотря на то, что нет недостатка в примерах лиц... внесших в последнее время вклад в развитие шведского общества, — записано в партийной программе, — общий конечный эффект массовой иммиграции из *отдаленных* стран явно отрицателен как в экономическом, так и в социальном плане. Шведодемократы не возражают против иммиграции, но она должна осуществляться в таких масштабах и иметь такой характер, которые не представляют угрозы для нашей национальной иден-

тичности, благосостояния и безопасности» (Sverigedemokraternas partiprogram, 2011) (курсив мой. — И.Г.).

Представленные выше пафос трансграничной солидарности, суждения и директивные установки шведских политических институтов, почти всех партий, а также *modus operandi* большинства массмедиа, отражающие чаяния вчерашнего дня, оказались малоадекватны реалиям нашего столетия. Их одностороннее, не фиксирующее негативные моменты, игнорирующее противопоставления в сфере культуры видение иммиграции уже сказалось отрицательно на повседневной жизни шведов (см. ниже), и эта тенденция как доминирующая, вероятнее всего, сохранится. Появление и усиление антииммигрантской партии ШД стало закономерным ответом общества (точнее — его немалой части) на благородную, но не рациональную, великодушную, но не до конца продуманную и взвешенную стратегию социальной солидарности поверх границ и моральной/гуманитарной сверхдержавности. Однако её (стратегии) инерция, с определенными рестрикциями последних лет, все еще остается в силе.

2. Основные характеристики иммиграции

Исходно шведская иммиграционная политика виделась как элемент регулирования занятости, как инструмент её расширения и обеспечения экономического роста, но примерно с середины 1980-х гг. она переродилась в беженскую политику. В структуре иммиграции стали, особенно в последнее время, превалировать лица, ищущие убежища. Потенциал их трудоустройства, измеренный по такому важному фактору, как удельный вес лиц со средним образованием, прибывших из неевропейских стран, снизился с начала века на 22 п.п. — с 74 до 52% (Andel behöriga ...). Это не может не затруднять интеграцию приехавших.

В пиковый 2015 г. так называемого беженского кризиса Швеция приняла 163 тыс. искателей убежища — в два раза больше, чем в предыдущем году, и в три — против 2013 г. В пересчете на душу населения больше, чем Германия и любая другая страна в Старом свете². Главным образом это были выходцы из Сирии, Афганистана, Ирака и других мусульманских государств.

Последовавший к весне 2016 г. спад миграционной волны в Европу вкупе с ужесточением в ней пограничного контроля и условий приема лиц, ищущих убежища, существенно уменьшили число претендентов на переселение в Швецию. По сравнению с 2015 в 2016 г. новоприбывших мигрантов оказалось меньше в 5,6 раза, в 2017 г. — в 6,4 раза. Среди них выходцы из мусульманских стран по-прежнему составляли подавляющее большинство: по подсчетам автора, соответственно 83 и 81% (Statens budget i siffror, 2017). Словом, более чем на 4/5 иммигранты — инокультурны и принадлежат к исламской цивилизации, представители которой считаются в Швеции наименее адапtableльными к интеграции в западное общество.

Вследствие явного преобладания в последние десятилетия в составе иммигрантов приверженцев ислама их доля стремительно росла. Рассмотрение динамики численности 12 крупнейших диаспор за 1990–2017 гг. (Immigration to Sweden) показывает:

- самой большой иммигрантской «фракцией» стали сирийцы (потеснив некогда не имевших «соперников» финнов);
- на третье место вышел Ирак, обойдя Норвегию, Германию, Польшу;

² Исключая Венгрию, но она была лишь транзитером.

- как никто, в 23 раза поднял свою долю Афганистан;
- в итоге удельный вес *только* шести ведущих неевропейских мусульманских диаспор (Сирия, Ирак, Иран, Сомали, Турция, Афганистан) во всем иммигрантском населении увеличился почти в три раза (с 10,5 до 29%), а с учетом Боснии и Герцеговины — более чем в три раза (до 32,1%).

Суммарно в сегодняшней Швеции (оценочно³) свыше полумиллиона исповедующих ислам, в 1970 г. была одна тысяча. И главное — как абсолютно, так и относительно их численность продолжает увеличиваться. Этот конфессионально-демографический, он же культурно-демографический и цивилизационно-демографический, набирающий силу сдвиг придает иммиграционно-интеграционной проблеме качественно новый характер.

Международная миграция, тем более вынужденная, — процесс стихийный и сопряжена с неизбежными перекосами/диспропорциями и даже аномалиями в половозрастной структуре просителей убежища. По данным на 2017 г. (Inkomna ansökningar om asyl), в их возрастной группе 18–44 лет мужчин больше, чем женщин, чуть ли не в два (1,87) раза. Эта «физиологическая» (можно, наверное, и без кавычек) характеристика новоприбывших несет в себе некую предопределенность сексуальной агрессивности их мужской половины. Сравнительно со стандартной демографической структурой Юга/Востока, среди новоприезжих мало детей и пожилых, что обещает в дальнейшем при разрешении претендентам остаться в стране их претензии на воссоединение семей. «Недобор» женщин также может и будет играть роль подобного фактора. Надо полагать, что все или почти все старшие беспризорники — мальчики. По крайней мере их не менее тысячи. Потенциально они самая подходящая для уличных бесчинств иммигрантская страта. И именно она, думается, заслуживает самого пристального внимания принимающей стороны, именно на нее должна быть направлена в первую очередь политика инклюзии, ибо в первую очередь иммигранты-подростки и особенно второе поколение «новых шведов» составляют социальную базу роста преступности в стране.

Важным, качественным индикатором структуры иммигрантского населения и его потенциала интеграции являются характеристики диаспоральных сообществ, ибо последние — неременный актор интеграционной политики.

Без них просто невозможен институционализированный диалог принимающей и принимаемой сторон, его репрезентативная модель. И в этом диалоге, как и во всей интеграционной политике, принципиально значимо состояние, позиции и активность диаспорных ассоциаций. Наверное, эту проблему можно признать критически значимой. Без налаженного диалога продвижение к взаимопониманию и тем более взаимодействию нереально. Ограничимся краткой характеристикой ассоциаций и попыткой оценить степень их включенности в интеграционную работу.

Организации инокультурных мигрантов строятся как по этническому (национальному — по стране происхождения), так и по конфессиональному принципу. В последнем варианте крупнейшая среди них — Мусульманская ассоциация Швеции (MAШ — *Sveriges muslimska förbund*)⁴, охватывающая около 70 тыс. чел. и субсидируемая государством как религиозное объединение. Долгое время в руководстве МАШ отстаивалась установка

³ Шведская официальная статистика не дает соответствующих данных.

⁴ В 2014 г. МАШ и другие подобные структуры в Европе были квалифицированы в ОАЭ как причастные к «Братьям-мусульманам».

на подчинение всех сторон жизни в новом обществе религиозным — исламским — канонам (Sveriges muslimska förbund), что, естественно, противоречит шведским нормам. Краткое знакомство с сайтами МАШ и еще одной аналогичной ассоциации — Объединенных исламских общин Швеции (*Förenade Islamiska Föreningarna i Sverige*) (*Förenade Islamiska ...*, 2018) — показывает, что главное для них — внутренние и религиозные вопросы, и их интеграционная роль либо преимущественно декларативна, либо не прослеживается вовсе (см. также Веретевская, 2012). Кроме того, немалая часть их усилий тратится на преодоление внутренних раздоров.

Среди национальных диаспор одна из крупных — сомалийская. Недостаточно материалов, чтобы дать оценку степени её взаимодействия с окружающим шведским миром, но некоторые факты из её жизни весьма примечательны. В 2014 г. при содействии ряда международных организаций, связанных с ООН, представители диаспоры и шведские власти приступили к разработке планов возвращения сомалийцев, получивших высшее и специальное образование в Швеции, в Сомали с целью улучшения там функционирования систем управления, правосудия и здравоохранения. Данная инициатива призвана мотивировать шведских сомалийцев к непосредственному участию в преодолении последствий недавних военных конфликтов на родине.

Другая, казалось бы, «мелкая» — история относится к спорту, столь обожаемому шведами. В городе Бурлэнге был запущен интеграционный проект создания команды для игры в хоккей с мячом, составленной из местных сомалийцев. Начинание оказалось успешным, в 2014 г. команда вышла на международную арену (*Den somaliska diasporan ...*, 2018) и стала спортивной гордостью Швеции, как ранее — футболист Златан Ибрагимович, имеющий боснийско-хорватский бэкграунд.

Но все это малые позитивные вкрапления в общей картине интеграционных возможностей диаспор. В целом же их интеграционный потенциал низок.

Еще одним, квантифицируемым индикатором этого потенциала применительно к иммигрантам в целом, но особенно к мусульманскому сегменту, может служить их электоральная активность — участие в коммунальных выборах. По степени последнего можно судить о мере включенности мигрантов в общественно-политическую жизнь, о мере гражданской интеграции. На указанное участие они (в случае неевропейского происхождения) имеют с 1976 г. право по прошествии трех лет после регистрации в Швеции.

Ориентализация, или девестернизация, этноконфессиональной структуры иммиграции находит четкое отражение в динамике участия её представителей в местных выборах. Возрастание доли выходцев из недемократических стран совпадает с очевидным снижением общей электоральной активности на коммунальном уровне иностранцев. За 1976–2014 гг. эта активность упала почти вдвое (примерно с 60 до 35%) (*Valdeltagande ...*). То есть в данном измерении преобладает тенденция деинтеграции, которая будет закрепляться с конца 2010-х годов в связи с подъемом иммиграционной волны в 2015 г. Уже в выборах 2018 г. вправе принять участие 578 тыс. иностранных граждан — на 123 тыс. больше против 2014 г., когда состоялись предыдущие выборы. По-прежнему прогнозируется их низкая явка, которую социолог Мердад Дарвишпур из Университета Мэллардален (*Mälardalens Högskola*) на фоне высокой электоральной активности этнических шведов характеризует как явный признак усиливающегося отчуждения (эксклюзии) в обществе (*Rekordmånga utländska ...*, 2018).

Таким образом, в электорально-политическом выражении интегрированность шведского общества будет ослабевать, тем более что одновременно непосредствен-

ное представительство «новых шведов» и их интересов в муниципальных органах власти будет относительно убывать, несмотря на то что в сравнении с другими странами оно всячески поощряется сверху.

Последнее можно сказать и о роли/месте шведских граждан с *инокультурным* бэкграундом в политической жизни страны, в исполнительной и законодательной власти. Они есть и в риксдаге, и в правительстве. Но этот элемент интеграции при всей его эффектности есть не что иное, как своего рода этническое квотирование, позитивная дискриминация. Он (элемент) важен, но все же отнюдь не порожден *глубинными* процессами интеграции, на пути которой немало преград. И одна из них (быть может, главная) — подрыв сложившегося правопорядка, связанный с инокультурной миграцией.

3. Иммиграция и внутренняя безопасность

«Насильственные беспорядки в Швеции — от исключения к нормальности», — таково красноречивое, тезисное название исследования шведских авторов Т. Нильссона и А. И. Вестерберга (Nilsson, Westerberg, 2011), характеризующее криминальную ситуацию в стране. Роль инокультурного фактора в этом печальном сдвиге несомненна, она — ведущая и, наверняка, была бы доказуема соответствующей статистикой, если бы последняя наличествовала. С 2005 г. прекращена регистрация этнической принадлежности правонарушителей по мотивам политкорректности и противодействия расизму и ксенофобии; власти и лица, с ними связанные, отрицают целесообразность её возобновления⁵. Но и без этого достаточно событий/фактов и свидетельств, подтверждающих то, что указанный сдвиг вызван увеличением миграции из отдаленных стран (по крайней, мере тесно с ним связан).

Один из важных, если не важнейший, атрибут иммиграции, в основном инокультурной, — отличие правосознания её представителей (а это главным образом мусульмане) от такового у граждан принимающей страны. Отличие норм общественного поведения, базирующихся на римском праве, кодексе Наполеона и Декларации прав человека и гражданина, от норм, диктуемых шариатским правосознанием. Или — в несколько ином «измерении» — отличие христианской цивилизации/морали от исламской. Конечно, это самая общая детерминация указанной трудносовместимости и многое в её проявлении специфично, но её базовость не подлежит сомнению. Столь же бесспорна иммигрантская причинность нарастания криминальности в шведском обществе, хотя политическая элита старается всячески приглушить эту тему, стараясь быть максимально политически корректной и толерантной.

Примечательна в данном контексте линия аргументации профессора этнологии Линчёпингского университета (*Linköpings universitet*) Стефана Юнссона. По его логике, вряд ли есть какая-то связь между иммиграцией и криминальностью. Он утверждает, что этничность не имеет отношения к пониманию причин преступления (*Sprickan om ...*, 2017). В принципе это верно для монокультурного общества, правосознание членов которого одинаково независимо от их этнобэкграунда. В разнотрултурном обществе и тем более в обществе трудносовместимых культур (а светскость и свобода/демократия несоединимы с шариатом) этническое, кон-

⁵ Для сравнения. Статистическое бюро Дании ежегодно публикует информацию о преступности (и многом другом, что связано с мигрантами и детьми мигрантов) в докладе «Мигранты в Дании» (Андерссон, 2017).

фессиональное и культурное (поведенческое) начала обычно сливаются, и, следовательно, этничность становится маркером культуры (поведения). Тем более в инокультурном (на сей раз для иммигранта-мусульманина) окружении, которое он может (как минимум) воспринимать как чужое, в отношении представителей которого допустимы поступки/действия, не позволительные по отношению к «своим». Ибо высший судья, авторитет для него (помимо Аллаха/шариата) отнюдь не законы и нормы «гяуров», а мнения единоверцев.

Что же касается статистически прослеживаемой корреляции этничности и криминальности, профессор С. Юнссон заявляет: статистка не только измеряет действительность, но и создает ее (Sprickan om ..., 2017). То есть в данном случае он, несмотря на «математические» доказательства, отрицает в конечном счете влияние цивилизационного (культурно-генетического) кода человека на его поведение, ведущую роль культуры в детерминации последнего.

Отмена регистрации этнической принадлежности правонарушителей не могла не осложнить борьбу с этнопреступностью. И все же на правительственном сайте вынуждены констатировать, что доля подозреваемых в криминальных действиях среди лиц с иностранными корнями в 2,5 раз выше, чем среди этнических шведов. В 2016 г. зафиксировано, согласно данным Совета по предотвращению преступлений (*Brottsförebyggande rådet*), входящего в структуру министерства юстиции, преступлений против личности на 7% больше, чем годом ранее; из них изнасилований — на 13 и сексуальных домогательств — на 20% (*Anmällda brott 2016 ...*).

Это, может быть, новость для остального мира, но гангстерские войны стали атрибутом Швеции, пишет её уроженец журналист Туве Ливендаль. В Стокгольме можно видеть молоденьких карманников и других воришек, играющих в кошки-мышки с полицией, которая чувствует себя бессильной. Складывается параллельное общество, где государственной монополии на соблюдение законности и порядка бросается вызов, полагает Ливендаль (*Lifvendahl, 2016*).

Не избавлена Швеция и от джихадистской угрозы. За последние годы из нее уехали воевать за ислам 300 человек, из них 150 вернулись. Как заявил глава шведской службы безопасности (SÄPO) А. Торнберг, с 2010 по начало 2017 г. радикальных исламистов стало в десять раз больше (200–2000). По его оценке, эти люди — приверженцы идеи глобального халифата, они не обязательно террористы, но могут, к примеру, помогать в организации и финансировании нападений (*Szwecja ..., 2017*).

Интеграция инокультурной мигрантской молодежи как первого, так и второго поколений представляется главной проблемой шведской политики инклюзии. При всем разнообразии издержек/негативов массового приема просителей убежища (финансовые, материальные и т.п.) все более тревожащей, даже пугающей для шведского общества становится угроза безопасности, исходящая от криминалитета, импортированного и/или формирующегося под его влиянием. Он концентрируется в так называемых незащищенных районах (швед. — *utsatta områden*), или недоступных зонах (англ. — *no-go zones/areas*), имеющих низкий социально-экономический статус, и появление в них чревато риском хулиганского нападения и/или ограбления. В том или ином виде и масштабе зоны преступности и социальной эксклюзии присущи любому обществу, но они становятся крайне опасными, будучи маркированы цивилизационно-этнически. Шведские служебные инстанции (чересчур) политкорректно избегают связывать наличие зон с иммиграцией, и бесполезно искать в официальных публикациях прямые указания на инокультурность этих зон. Хотя на исторически малокриминальном шведском

фоне они воспринимаются особенно остро. Поэтому сам термин, подразумевающий отсутствие или ущербность контроля властей и их неспособность законоприменения, имеет шведское происхождение (2014 г.) и приписывается журналисту газеты *Svenska Dagbladet* Перу Гудмундсону. (Французская *Zone urbaine sensible*, именуемая даже как *Islamic no-go zone*, наиболее созвучна и, наверное, близка шведскому аналогу.)

По уточненным данным шведской полиции, в стране насчитывается 61 упоминутая зона и в них орудуют 5 тыс. преступников и 200 преступных сетей. К особо незащищенным отнесены 23 зоны. В них влияние криминальных структур столь очевидно, что люди отказываются обращаться в суд, а полиция сталкивается с немалыми трудностями при исполнении своих обязанностей, отмечает один из шведских авторов (DN Debatt, 2017). Объектами нападения часто становятся персонал и транспорт служб спасения (скорая помощь, пожарные), которых местные подростки забрасывают камнями. Неотъемлемым слагаемым образа жизни криминального мира зон являются наркобизнес и торговля оружием. Незаконное применение его стрелковых видов в последние годы выросло многократно, но чаще всего оно используется при внутренних разборках обитателей зон. Стало более широким и существенно участилось использование ручных гранат. Если до 2013 г. взрывы гранат в населенных пунктах были редчайшим явлением, то в последующем и, особенно с 2015 г., фиксируется два-три десятка в год. По заключению шведской полиции, применение ручных гранат в Швеции преступными элементами является беспрецедентным для всех сопоставимых европейских и неевропейских стран, пребывающих в состоянии мира. Сравнение возможно лишь с такими странами, как Мексика с её нарковойной (List of grenade ..., 2018). Конечно, шведский уровень преступности гораздо ниже американского, о чем не забывают писать некоторые издания, но принципиально важно для последних лет другое — ежегодное количество убийств в преступном мире страны увеличилось в 2010–2014 гг. в 3,5 раз по сравнению с 1990–1994 гг., а в 2015 г. — примерно в 7 раз (Six claims ..., 2017). Наиболее яркие примеры/свидетельства разгула уличной преступности — беспорядки/погромы, учиненные молодежью с иностранным бэкграундом в пригородах Стокгольма, его незащищенных районах Ринкебю (2010, 2013, 2017 гг.) и Хусбю (2013 г.). Вполне объяснимы социально-экономические корни её недовольства (безработица, бедность, социальная эксклюзия), но формы её протеста (каковы ни были бы его поводы), его последствия никак не могут быть оправданы. Десятки, сотни сожженных автомобилей, разрушенные и разграбленные магазины, вынужденная эвакуация жителей, нападения на полицейских (булжик — орудие «ино-люмпен-пролетариата»), вандализм и прочее — всё это непереносимые атрибуты антиобщественных выступлений подростков из так называемых недоступных зон. До 2017 г. Швеция не знала террористических актов, влекших за собой гибель людей, но 7 апреля преднамеренный наезд выходца из Центральной Азии на жителей Стокгольма унес жизни пяти человек.

В этих условиях неизбежно нарастает недовольство полицией со стороны законопослушных «старых» и «новых» шведов. В то же время её действия, как уже отмечалось, скованы боязнью быть обвиненной в расизме и ксенофобии. Сформировалась некая «культура секретности», лакирующая этноситуацию: опасаясь подобных обвинений, полиция предпочитает замять судебное дело, если его фигурантом выступает выходец из афро-азиатского мира. И это становится особенно понятно, если взять оценку действий молодых хулиганов, данную в официальном

духе шведским профессором криминологии Ержи Сарнецки. Он расценивает их как нелегальное выражение легитимного недовольства безработицей, нерешенностью проблемы образования и полицией (Upploppen I Stockholm 2013). То есть все дело в социально-экономических факторах и культурный геном/код тут ни при чем⁶.

Констатируя нарастание негативных тенденций в сфере безопасности и трудностей в деятельности полиции в 2017 г., её руководитель взывает о помощи: «Развитие идет в неверном направлении... Усилий полиции и судебных органов преодолеть негативную тенденцию недостаточно... Все части общества должны взять ответственность за то, чтобы мы смогли повернуть развитие». Он считает также необходимым ужесточение соответствующего законодательства, увеличение персонала и финансирования полиции и усиление её правовой защиты (Rikspolischef ..., 2017). Последнее пожелание может включать и освобождение стражей порядка от чрезмерной политкорректности и боязни быть обвиненными в расизме и/или ксенофобии при работе с мигрантами-правонарушителями.

Таким образом, при всей бесспорной важности решения социально-экономических проблем приема и интеграции выходцев из иноцивилизационных стран и их потомков, родившихся в Швеции, не подлежит сомнению острая злободневность вопроса внутренней безопасности, резко актуализированного наплывом инокультурных беженцев и претендентов на получение этого статуса. В своем нынешнем выражении стратегия политкорректности и толерантности (снисходительности и позволительности), остающейся относительно (соседних государств) низкой требовательности к лицам, не желающим соблюдать законы страны проживания, вряд ли окажется успешной.

Идущий на смену мультикультурализму концепт интеркультурализма, предусматривающий сдвиг от сосуществования культур к их сближению и взаимодействию, предполагает активизацию мер, направленных на приобщение мигрантов к ценностям и нормам шведского общества (см. Гришин, 2017).

4. Иммиграция и деформация партийно-политической системы

Насколько успешна/неуспешна окажется миграционно-интеграционная политика шведского государства и общества в ближайшие годы в немалой степени зависит от отражающего общественные настроения расклада партийно-политических сил в стране, точнее — в парламенте, и от их взаимодействия и/или противоборства. Какой бы ни была традиционная линия партий по тому или иному вопросу, динамика упомянутого расклада вносит в нее определенные коррективы. Если одна партия, делая упор на определенную проблему, набирает очки, это не может не влиять на её конкурентов на политическом поле. Такой партией последние годы являются шведодемократы. Тем более что речь идет о самой злободневной проблеме, ставшей таковой после парламентских выборов 2014 г., за которыми последовал мигрантский кризис. Такую оценку подтверждает шведский политолог Юхан Мартинссон, заявивший за несколько месяцев до новых (2018 г.) выборов, что его соотечественники *впервые* идут к ним с повесткой дня, во главе которой — иммигранты и их интеграция (DN Debatt, 2017).

Влияние прежде незаметной партии ШД резко поднялось ввиду объективно возникшей в XX в. волне актуализации данной темы. Однако другие партии не

⁶ Как не вспомнить здесь тот факт, что главари основных исламских террористических организаций мира – в основном выходцы из отнюдь не бедных семей.

приняли вызова и возвели в принцип отказ от диалога/полемики с новой, популистской силой. На парламентских выборах 1998 г. за ШД отдали голоса всего лишь 0,37% избирателей, четыре года спустя — менее 1,5%. Показатель 2006 г. — 2,6% — тоже не внушал тревогу системным партиям, поскольку ШД были все еще далеки от прохождения в риксдаг, для чего требовалось 4%. Выборы 2010 г. стали вдвойне сенсационными. Партия получила 5,7% голосов и 20 (из 349) мест. Мало того, появление даже небольшой фракции ШД принципиально изменило расстановку сил в парламенте — ни один из традиционных партийных блоков (левый и правый центры⁷) не набрал абсолютного большинства. То есть исход вотирований оказался зависим от ШД. Эта зависимость усилилась и стала значимой практически после выборов 2014 г., принесших шведодемократам 12,9% голосов и 49 мандатов⁸.

Такой результат однозначно сигнализировал о неудовлетворенности значительной части общества проводившейся иммигрантской политикой. (Логично предположить еще больший успех ШД, если выборы проводились бы позже — в разгар беженского кризиса.) Одновременно расстановка сил в риксдаге после выборов 2010 г. привела к парадоксальной ситуации: предложения правящего левого центра (159 депутатов)⁹ отвергались, если ШД голосовали против вместе с правым центром (суммарно 190 депутатов). Но правый центр не желал *даже вынужденного* взаимодействия с ШД. Впрочем, как и левоцентристские партии¹⁰. Новые, досрочные выборы, вероятнее всего, усугубили бы положение. «Старым» партиям пришлось пойти на заключение Декабрьского соглашения, по которому инициативы кабинета меньшинства не будут блокироваться, чтобы исключить воздействие ШД на итоги голосований (Гришин, 2015). Некогда функционально отлаженные и предсказуемые в своей динамике, партийно-политическая и зависимая от нее парламентская системы с приходом в риксдаг ШД претерпели существенную реконфигурацию¹¹ и подверглись разбалансированию. Устойчивый до того порядок формирования правительства и вотирования законопроектов оказался дестабилизирован. Политический вес ведущих партий блоков заметно снизился. Некоторые из поддерживающих их партий, согласно опросам, проводившимся до выборов 2018 г., балансировали на грани непопадания в риксдаг. Десятилетиями не знавшая правительственных кризисов и досрочных парламентских выборов, Швеция в 2014 г. едва избежала их после того, как риксдаг принял бюджет, предложенный не кабинетом министров, а оппозицией (Гришин, 2015). И первопричина всех этих пертурбаций в конечном счете — не что иное, как иммиграционно-интеграционная проблема. Её выдвижение на передний план повлекло за собой беспрецедентное перестроение и дисфункцию партийно-политической системы страны, принесло новые вызовы. Сфокусировав

⁷ Возглавляемые соответственно СДРПШ и Умеренной партией (модератами).

⁸ «Удвоение или утроение» рядов сторонников ШД на выборах 2014 г. в случае продолжения их бойкота спрогнозировал после выборов 2010 г. известный шведский писатель Хеннинг Манкель (Henning Mankell, 2010).

⁹ Правительство может быть утверждено риксдагом, если против него не проголосуют большинство депутатов (так называемый негативный парламентаризм).

¹⁰ Примечательно, что в соседних странах с родственной политической культурой (Дания, Норвегия и Финляндия) партии — аналоги ШД не только приняты в семью «старых» партий, но и участвуют (прямо или косвенно) в формировании правительства. В Швеции «старые» парламентские партии отказываются от сотрудничества с ШД как партией, имеющей нацистские и расистские корни.

¹¹ ШД объявляют себя единственной парламентской оппозицией ввиду того, что левый и правый центры «дружат против» их партии.

на себе главное внимание электората, иммиграционно-интеграционный вопрос превратился в наиболее важный демаркатор межпартийного размежевания.

Парламентские выборы в сентябре 2018 г. усугубили создавшееся положение. ШД вновь значительно расширили свой электорат, набрав 17,5% голосов¹² (+4,6 п.п.) и получив 62 депутатских места (+13). В то же время возглавляющие лево- и право-центристский блоки социал-демократы и модераты понесли значительные потери, а сами блоки, уменьшившись до 144 и 143 мандатов соответственно, в еще большей степени оказались зависимы от поведения ШД. В связи с этим, а также из-за фактического аннулирования Декабрьского соглашения проблема формирования правительства и бюджета обострилась ещё более.

Не так давно вполне предсказуемый и отработанный, послевыборный процесс преемства власти из-за усложнения расстановки сил в риксдаге, неопределенности поведения фракции ШД оказался вне прецедентно-нормативных рамок. Лидеры партий и эксперты признали, что упомянутый процесс, вероятнее всего, будет затяжным.

Конечно, культура диалога и компромиссов в Швеции очень высока, но образовавшиеся в риксдаге глубокий межпартийный разрыв и тупиковая ситуация с созданием правительства беспрецедентны. Поднятая за несколько лет на политический олимп небывало быстрой переменой партийных симпатий, вызванных высокой волной инокультурной иммиграции, партия ШД деформировала устоявшиеся системы партийно-политических отношений, а также формирования и функционирования исполнительной власти. Словом, всплеск инокультурной иммиграции, опосредованный стремительным усилением противящейся ей партии, существенно сказался и на деятельности высших управленческих структур, серьезно усложнив поддержание континуума последней.

Библиографический список

- Андерссон, М. (2017). Статистика, которую не хочет знать Швеция. *ИноСМИ.RU*. Режим доступа <https://inosmi.ru/politic/20170128/238620139.html>
- Веретевская, А. (2013). Мусульмане в Швеции: обострение интеграционного кризиса. *Перспективы*. Режим доступа http://www.perspektivy.info/book/musulmane_v_shvecii_obostrenije_integracionnogo_krizisa_2013-09-12.htm
- Визит Аббаса в Стокгольм (2015). *Om Radio Sweden Russian*. Режим доступа <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=6089711>
- Гришин, И. (2015). Шведский парламентский тупик: выход найден? *Мировая экономика и международные отношения*, 5, 65–70.
- Гришин, И. (2017). Иммиграционные заботы Швеции. *Мировая экономика и международные отношения*, 61, (9), 66–76. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-9-66-76
- Новую волну иммигрантов Швеция тоже выдержит (2014). *Sveriges Radio*. Режим доступа <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=5945202>
- Плевако, Н., Чернышева, О. (2012). *Можно ли стать шведом? Политика адаптации и интеграции иммигрантов в Швеции после Второй мировой войны*. КРАСАНД.
- Andel behöriga till gymnasium i befolkningen ... Retrieved from https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/c/c9/Andel_av_befolkning_beh%C3%B6riga_till_gymnasium_efter_f%C3%B6delseregion_1997-2015.png

¹² Хотя это явно меньше, чем можно было бы ожидать исходя из показателей ряда опросов (до 28%), предшествовавших выборам (Opinion polling ..., 2018).

- Anmälda brott 2016 — preliminar statistik (2017). Retrieved from <http://www.bra.se/bra/nytt-fran-bra/arkiv/nyheter/2017-01-12-anmalda-brott-2016---preliminar-statistik.html>
- Den somaliska diasporan i Sverige (2018). Retrieved from <http://diasporas.se/den-somaliska-diasporan-i-sverige/>
- DN Debatt. "5 000 kriminella och 200 nätverk i utsatta områden" (2017). Retrieved from <https://www.dn.se/debatt/5-000-kriminella-och-200-natverk-i-utsatta-omraden/>
- Ett program för förändring (2013). Retrieved from https://www.socialdemokraterna.se/globalassets/var-politik/partiprogram-och-riktlinjer/ett-program-for-forandring_2013.pdf
- Faktablad Justitiedepartementet Februari 2018. Svensk migrations- och asylpolitik. Retrieved from <https://www.regeringen.se/491b2f/contentassets/8e2b2eb4a8a7433fa8d083b27ccdb87a/svensk-migrations-och-asyllpolitik>
- Förenade Islamiska Föreningar i Sverige (2018). Retrieved from <https://web.archive.org/web/20170423133122/http://fifs.se/vara-foreningar/>
- Henning Mankell. We Should Have Argued Sweden Democrats to Oblivion (2010). Retrieved from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2010/sep/24/sweden-democrats-far-right-election>
- Immigration to Sweden. Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/Immigration_to_Sweden#cite_note-125
- Inkomna ansökningar om asyl. Retrieved from <https://www.migrationsverket.se/Om-Migrationsverket/Statistik/Aktuell-statistik.html>
- Integration och mångfald (2018). Retrieved from <https://www.socialdemokraterna.se/var-politik/a-till-o/integration-och-mangfald/>
- Lifvendahl, T. How Sweden Became an Example of How not to Handle Immigration (2016). Retrieved from <https://www.spectator.co.uk/2016/09/how-sweden-became-an-example-of-how-not-to-handle-immigration/>
- Lillrank, P. Panikkänslan (2017). Retrieved from <https://www.hbl.fi/artikel/panikkanslan/>
- List of grenade attacks in Sweden (2018). Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_grenade_attacks_in_Sweden#2018
- Moderaternas partiprogram. Arbete, integration och migration (2013). Retrieved from <http://partiprogram.se/moderaterna#arbete-integration-och-migration>
- Nilsson, T., Westerberg, A.I. (2011). Våldsamma upplopp i Sverige — från avvikelse till normalitet. Karlstad, Danagårds Grafiska AB. Retrieved from <https://www.msb.se/RibData/Filer/pdf/26016.pdf>
- Opinion polling for the Swedish general election, 2018. Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/Opinion_polling_for_the_Swedish_general_election,_2018
- Partiprogram för Socialdemokraterna beslutat av partikongressen i Västerås den 6 november 2001. Retrieved from <https://snd.gu.se/sv/vivill/party/s/program/2001>
- Pipes, D. Sweden's Populist Surge (2015). Retrieved from <http://www.danielpipes.org/16073/sweden-populist-surge>
- Rekordmånga utländska medborgare får rösta i kommunvalet (2018). Retrieved from <https://www.svt.se/nyheter/lokalt/sormland/forskaren-darfor-rostar-sa-fa-utlandska-medborgare>
- Rikspolischef Dan Eliasson om året som gått (2017). Retrieved from <https://www.svt.se/nyheter/lokalt/uppsala/rikspolischef-dan-eliasson-om-aret-som-gatt>
- Six claims and facts about Sweden (2017). Retrieved from <https://www.thelocal.se/20170220/sweden-facts-a-closer-look-at-filmmaker-ami-horowitz-claims>
- Sprickan om invandrare och brottsligheten (25 feb 2017). Retrieved from <https://www.expressen.se/nyheter/sprickan-om-invandrare-och-brottsligheten/>
- Statens budget i siffror (2017). Retrieved from <https://www.regeringen.se/sveriges-regering/finansdepartementet/statens-budget/statens-budget-i-siffror>

- Stor enkät med partiledarna (2018). Retrieved from <https://www.metro.se/artikel/stor-enk%C3%A4t-med-partiledarna-h%C3%A4r-%C3%A4r-v%C3%A5ra-l%C3%B6ften-till-dig-inf%C3%B6r-valet>
- Sverigedemokraternas partiprogram (2011). Retrieved from <http://partiprogram.se/sverigedemokraterna#sverigedemokraterna-och-invandringen>
- Sveriges muslimska förbund. Retrieved from https://sv.wikipedia.org/wiki/Sveriges_muslimska_f%C3%B6rbund
- Szwecja: ekstreмиści rosną w siłę, a politycy się boją (2017). Retrieved from <http://euroislam.pl/szwecja-ekstremisci-rosna-w-sile-a-politycy-sie-boja/>
- Upploppen i Stockholm 2013. Retrieved from https://sv.wikipedia.org/wiki/Upploppen_i_Stockholm_2013
- Valdeltagande i kommunfullmäktigval 1976–2014 bland utländska medborgare efter kön. Retrieved from <http://www.scb.se/hitta-statistik/statistik-efter-amne/demokrati/allmanna-val/allmanna-val-valdeltagandeundersokningen/pong/tabell-och-diagram/historisk-statistik/valdeltagande-i-kommunfullmaktigval-19762014-bland-utlandska-medborgare-efter-kon/>
- Wente, M. Sweden's Ugly Immigration Problem (2015). Retrieved from <https://www.theglobeandmail.com/opinion/swedens-ugly-immigration-problem/article26338254/>

Статья поступила в редакцию 25.11.2018

Статья принята к публикации 15.01.2019

Для цитирования: Гришин И. В. Интеграция иммигрантов в Швеции (социально-политический аспект). — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 1. С. 40–56.

INTEGRATION OF IMMIGRANTS IN SWEDEN (SOCIO-POLITICAL ASPECT)

I. V. Grishin

Igor V. Grishin, Center for Comparative Socio-Economic and Political studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Profsoyuznaya Str., 23, Moscow, 117997, Russia. E-mail: i.grishin@inbox.ru. ORCID 0000-0001-5839-1858

Abstract. Having no colonies in the past, mono-ethnic until recently and spaced at a considerable distance from the countries of origin of its migrants with a different cultural background, Sweden faced them only in the most recent decades. The countrywide perception of the distant (Third) world was formed on a speculative basis, without the Swedes' immediate involvement in it. This was the basis for the high potential of solidarity with the people from the Eastern and Southern countries. The potential dates back to the past dominance of social democracy in Sweden, with its ideology of social solidarity across the world. However, there is a great difference between Sweden's general contribution to promoting the development of the former Third world countries and accommodating its masses of migrants. However unquestionably important the economic factor is, the problem of their integration lies in their cultural otherness and their attitude to the rule of law in a secular democratic society and to its values and norms of behavior. Therefore, without taking into account the full range of factors that determine the immigration situation, there is a high risk of a low-critical vision of the real state of things. This work is aimed at analyzing the migration and integration processes in today's Sweden. In the last several years, the ethno-social problems have come to the fore due to their growth proliferation, aggravation and unprecedented actualization, resulting in squeezing out the traditional aspirations of a welfare state (employment, education, healthcare, etc.) off the agenda. Besides, the political landscape in the country and Parliament has undergone critical changes. It's highly likely that the topic under consideration can lend some originality to the text in view of the latest developments.

Keywords: Sweden, immigration, integration, official discourse, solidarity across borders, different cultures, security, crime, party system, Sweden democrats.

DOI: 10.31429/26190567-20-1-40-56

References

- Andel behöriga till gymnasium i befolkningen ... Retrieved from https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/c/c9/Andel_av_befolkning_beh%C3%B6riga_till_gymnasium_efter_f%C3%B6delseregion_1997-2015.png
- Andersson, M. Statistika, kotoruyu ne khochet znat' Shvetsiya [The Statistics Sweden Disregards] (2017). Retrieved from <https://inosmi.ru/politic/20170128/238620139.html>
- Anmälda brott 2016 — preliminar statistik (2017). Retrieved from <http://www.bra.se/bra/nytt-fran-bra/arkiv/nyheter/2017-01-12-anmalda-brott-2016---preliminar-statistik.html>
- Den somaliska diasporan i Sverige (2018). Retrieved from <http://diasporas.se/den-somaliska-diasporan-i-sverige/>
- DN Debatt. "5 000 kriminella och 200 nätverk i utsatta områden" (2017). Retrieved from <https://www.dn.se/debatt/5-000-kriminella-och-200-natverk-i-utsatta-omraden/>
- Ett program för förändring (2013). Retrieved from https://www.socialdemokraterna.se/globalassets/var-politik/partiprogram-och-riktlinjer/ett-program-for-forandring_2013.pdf
- Faktablad Justitiedepartementet Februari 2018. Svensk migrations- och asylopolitik. Retrieved from <https://www.regeringen.se/491b2f/contentassets/8e2b2eb4a8a7433fa8d083b27ccdb87a/svensk-migrations-och-asylopolitik>
- Förenade Islamiska Föreningar i Sverige (2018). Retrieved from <https://web.archive.org/web/20170423133122/http://fifs.se/vara-foreningar/>
- Grishin, I. (2015). Shvedskii parlamentskii tupik: vykhod naiden? [Sweden's Parliamentary Deadlock: a Solution is Found?] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 5, 65–70.
- Grishin, I. (2017). Immigratsionnye zaboty Shvetsii [Sweden's Immigration Concerns]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 61, (9), 66–76. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-9-66-76
- Henning Mankell. We should have Argued Sweden Democrats to Oblivion (2010). Retrieved from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2010/sep/24/sweden-democrats-far-right-election>
- Immigration to Sweden. Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/Immigration_to_Sweden#cite_note-125
- Inkomna ansökningar om asyl. Retrieved from <https://www.migrationsverket.se/Om-Migrationsverket/Statistik/Aktuell-statistik.html>
- Integration och mångfald (2018). Retrieved from <https://www.socialdemokraterna.se/var-politik/a-till-o/integration-och-mangfald/>
- Kipling. Raznye perevody odnogo stikhotvoreniia [Different Translations of One Poem] (2006). Retrieved from <https://klock.livejournal.com/122502.html>
- Lifvendahl, T. How Sweden Became an Example of How not to Handle Immigration (2016). Retrieved from <https://www.spectator.co.uk/2016/09/how-sweden-became-an-example-of-how-not-to-handle-immigration/>
- Lillrank, P. Panikkänslan (2017). Retrieved from <https://www.hbl.fi/artikel/panikkanslan/>
- List of grenade attacks in Sweden (2018). Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_grenade_attacks_in_Sweden#2018
- Moderaternas partiprogram. Arbete, integration och migration (2013). Retrieved from <http://partiprogram.se/moderaterna#arbete-integration-och-migration>
- Nilsson, T., Westerberg, A.I. (2011). Våldsamma upplopp i Sverige — från avvikelse till normalitet. Karlstad: Danagårds Grafiska AB. Retrieved from <https://www.msb.se/RibData/Filer/pdf/26016.pdf>
- Novuyu volnu immigrantov Shvetsiya tozhe vyderzhit [Sweden Will Withstand a New Wave of Immigrants] (2014). Retrieved from <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=5945202>

- Opinion polling for the Swedish General Election, 2018. Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/Opinion_polling_for_the_Swedish_general_election,_2018
- Partiprogram för Socialdemokraterna beslutat av partikongressen i Västerås den 6 november 2001. Retrieved from <https://snd.gu.se/sv/vivill/party/s/program/2001>
- Pipes, D. Sweden's Populist Surge (2015). Retrieved from <http://www.danielpipes.org/16073/sweden-populist-surge>
- Plevako, N., Chernysheva, O. (2012). *Mozhno li stat' shvedom? Politika adaptatsii i integratsii im-migrantov v Shvetsii posle Vtoroi mirovoi voiny* [Can you Become a Sweden? Policy of Adaptation and Integration of Immigrants in Sweden After World War II]. Moskva: KRASAND.
- Rekordmånga utländska medborgare får rösta i kommunvalet (2018). Retrieved from <https://www.svt.se/nyheter/lokalt/sormland/forskaren-darfor-rostar-sa-fa-utlandska-medborgare>
- Rikspolischef Dan Eliasson om året som gått (2017). Retrieved from <https://www.svt.se/nyheter/lokalt/uppsala/rikspolischef-dan-eliasson-om-aret-som-gatt>
- Six Claims and Facts about Sweden (2017). Retrieved from <https://www.thelocal.se/20170220/sweden-facts-a-closer-look-at-filmmaker-ami-horowitz-claims>
- Sprickan om invandrare och brottsligheten (25 feb 2017). Retrieved from <https://www.expressen.se/nyheter/sprickan-om-invandrare-och-brottsligheten/>
- Statens budget i siffror (2017). Retrieved from <https://www.regeringen.se/sveriges-regering/finansdepartementet/statens-budget/statens-budget-i-siffror>
- Stor enkät med partiledarna (2018). Retrieved from <https://www.metro.se/artikel/stor-enk%C3%A4t-med-partiledarna-h%C3%A4r-%C3%A4r-v%C3%A5ra-l%C3%B6ften-till-dig-inf%C3%B6r-valet>
- Sverigedemokraternas partiprogram (2011). Retrieved from <http://partiprogram.se/sverigedemokraterna#sverigedemokraterna-och-invandringen>
- Sveriges muslimska förbund. Retrieved from https://sv.wikipedia.org/wiki/Sveriges_muslimska_f%C3%B6rbund
- Szwecja: ekstremiści rosną w siłę, a politycy się boją (2017). Retrieved from <http://euroislam.pl/szwecja-ekstremisci-rosna-w-sile-a-politycy-sie-boja/>
- Upploppen i Stockholm 2013. Retrieved from https://sv.wikipedia.org/wiki/Upploppen_i_Stockholm_2013
- Valdeltagande i kommunfullmäktigval 1976–2014 bland utländska medborgare efter kön. Retrieved from <http://www.scb.se/hitta-statistik/statistik-efter-amne/demokrati/allmanna-val/allmanna-val-valdeltagandeundersokningen/pong/tabell-och-diagram/historisk-statistik/valdeltagande-i-kommunfullmaktigval-19762014-bland-utlandska-medborgare-efter-kon/>
- Veretevskaya, A. Musul'mane v Shvetsii: obostrenie integratsionnogo krizisa [The Muslims in Sweden: Aggravation of the Integration Crisis] (2013). Retrieved from http://www.perspektivy.info/book/musulmane_v_shvecii_obostrenije_integracionnogo_krizisa_2013-09-12.htm
- Visit Abbasa v Stokgol'm [Abbas' visit to Stockholm] (2015). Retrieved from <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=6089711>
- Wente, M. Sweden's Ugly Immigration Problem (2015). Retrieved from <https://www.theglobeand-mail.com/opinion/swedens-ugly-immigration-problem/article26338254/>

Received 25.11.2018

Accepted 15.01.2019

For citation: Grishin I.V. Integration of Immigrants in Sweden (Socio-Political Aspect). — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 1. Pp. 40-56.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ТЕХНОЛОГИИ ДЕМОБИЛИЗАЦИИ ГРАЖДАН В ПРОТЕСТЕ: НА ПРИМЕРЕ ПРОТЕСТОВ ПРОТИВ ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В РФ¹

А. В. Палагичева, А. А. Фролов

Палагичева Ася Владимировна. Эл. почта: fornightingale@gmail.com
ORCID 0000-0001-9247-8412

Фролов Александр Альбертович. Эл. почта: a.a.froloff@gmail.com
ORCID 0000-0001-8775-016X

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, д. 14,
г. Ярославль, 150000, Россия.

Аннотация. В статье рассмотрены технологии демобилизации граждан на примере акций против повышения пенсионного возраста, проходивших в Российской Федерации в 2018 г. Ввиду актуальности темы, в связи с присутствием протестной активности в современной России, авторы представили ряд различных акций протеста (акции против блокировки мессенджера Telegram; акции А. Навального, прошедшие в мае 2018 г.; митинги по спору о границе между Чечней и Ингушетией), отражающих тенденцию перехода к стихийности и локальности протеста, которая приходит на смену организованности и управлению лидером протеста. Авторы делают выводы, что протестные мероприятия в стране имеют разную специфику, но в целом у гражданских активистов нет ориентации на яркого лидера, имеющего положительный «социальный портрет» и представляющего их интересы. Люди, как правило, участвуют в кампаниях, исходя из близости к проблеме задаваемой повесткой протестов, а не следуют за условным лидером. Новые формы локальных и самоорганизующихся протестов — это показатель готовности государства быстро и эффективно реагировать на ситуации, происходящие в обществе, через построение стратегий диалога, использование технологии демобилизации. Целью работы является выявление политических и коммуникативных технологий демобилизации граждан в протестной компании против повышения пенсионного возраста. Исследование проведено с помощью методов case-study с анализом сути и особенностей кампании, event-анализа с рассмотрением каузальных связей событий внутри кампании. В статье рассмотрены эффективные коммуникативные, политические технологии демобилизации граждан в протесте против повышения пенсионного возраста в РФ. Процесс принятия гражданами изменений пенсионной системы продолжается до сих пор. Авторы приходят к выводу, что государственная власть, будучи заинтересованной в проведении реформы с минимальным сопротивлением, стремится к её реализации с помощью стратегии, сохраняющей легитимность власти и позволяющей исполнить выбранный курс без вмешательства со стороны.

Ключевые слова: протест, протестная активность, мобилизация, демобилизация, технологии демобилизации, пенсионная реформа.

Введение и постановка исследовательских вопросов

Тема протестного потенциала граждан в России, а также в целом социальной напряженности как показателя благополучия и стабильности в государстве является одной из ведущих в повестке дня. Протест можно представить как специфический способ коммуникации гражданского общества с органами государственной власти или бизнес-структурами. В целом, под протестом можно понимать совокупность обладающих относительной общностью действий общественно активных граждан

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-33-01022 (а2) «Моделирование и индексирование протестной активности в субъектах Российской Федерации».

дан, мотивированных неудовлетворенностью степени участия и возможности влияния на принимаемые органами власти решения в общественно-политических процессах (Гриб, 2010). Также под акциями протеста понимаются публичные общественно-политические действия, ставящие цель привлечь внимание к определенной общественно-политической или социальной проблеме внимание властей, общественности, СМИ. Как правило, протестные акции носят организованный характер, хотя последние из них, происходящие в России, зачастую организуются стихийно. Регулярная протестная активность с более или менее предсказуемой динамикой и ясной повесткой существует всегда. В России сегодня она постепенно уходит на второй план, уступая место стихийному протесту, в основе которого лежит локальная проблема — конкретное событие или резкое изменение привычной ситуации, послужившее фактором мобилизации (Орлов, Салаватова, 2018).

Рассмотрим разные по масштабу, специфике и характеру протекания значимые акции протеста, прошедшие в России в 2018 г. Одной из таких первых крупных акций в 2018 г. стала кампания, направленная против блокировки мессенджера Telegram. Её можно назвать стихийной, так как она возникла без особой подготовки и не имела чётко выраженного организатора. Митинг 30 апреля был проведен множеством интернет-сообществ, после того как 13 апреля Таганский суд Москвы вынес решение в пользу Роскомнадзора о блокировке Telegram. Широкое освещение данная акция получила только после постов основателя мессенджера Павла Дурова. Повестка и требования протестующих в защиту Telegram были просты и понятны участникам митинга, что позволило направить протест в продуктивное русло, избежать столкновений с полицией и вывести в свет потенциальных новых неформальных лидеров.

Также в 2018 г. в стране проходили и другие акции протеста, которые можно охарактеризовать как организованные. К таким протестам можно отнести акции А. Навального, прошедшие в мае 2018 г. Подобные акции предполагают наличие периода подготовки перед их проведением. Ещё 12 апреля Алексей Навальный опубликовал видео на своём YouTube канале, где призывал выйти своих сторонников на улицы, говоря о нелегитимности выборов Президента России. Региональные сторонники широко распространяли информацию о проведении акции через интернет-пространство, а также занимались подачей заявлений в местные органы власти для регистрации своих мероприятий. Акция 5 мая запомнилась малочисленностью (в сравнении с предыдущими митингами Навального) и столкновениями с органами правопорядка и казачьими обществами. На данном примере мы видим, что в отличие от митингов против коррупции, проводимых Навальным, не была предложена повестка, которая могла бы сосредоточить вокруг себя протестную аудиторию. Фактически оппозиционер предлагал себя в качестве альтернативы Президенту РФ. В итоге акции протестов 5 мая не имели широкого успеха и перспектив к продолжению.

В организованных и стихийных акциях участникам должна предлагаться предельно понятная повестка с выраженными требованиями и предложениями. К таким примерам можно отнести митинги, проходившие в Ингушетии. Поводом для конфликта стал территориальный спор о границе между Чечней и Ингушетией в сентябре 2018 г. Пограничные споры между двумя народами начались сразу после распада Советского Союза и вновь приобрели актуальность, когда 28 сентября в административной столице Ингушетии президенты республик заключили согла-

шение об утверждении границ между двумя регионами РФ, согласно которому часть земель Ингушетии переходит к Чеченской Республике. В связи с этим, с 4 октября в столице республики городе Магас начались стихийные протестные действия, которые в дальнейшем переросли в организованные. Требования, выдвигаемые протестующими, выражались очень конкретно, основой послужило несогласие с определенным вариантом административной границы с Чечней и передачей соседней республике части территории. На данный момент итогом протеста стало проведение Всемирного конгресса ингушского народа, где было принято решение приостановить уличный протест. Конституционный суд Ингушетии вынес решение, согласно которому соглашение о границах между республиками противоречит ряду законов Ингушетии. На данном этапе поставленные цели протестующих были достигнуты.

Как мы видим, протестные мероприятия в стране имеют разные специфику и масштаб, но в целом у гражданских активистов нет ориентации на яркого лидера, имеющего положительный «социальный портрет» и представляющего их интересы. Люди, как правило, участвуют в кампаниях, исходя из близости к проблеме задаваемой повестки протестов.

Все перечисленные акты гражданского неповиновения, а также многие другие, происшедшие в недалеком прошлом, подтверждают наличие проблематики, связанной с использованием технологий и инструментов, направленных на взаимодействие граждан и власти. Граждане современных демократических государств являются субъектами политического пространства. Они должны принимать участие в процессах принятия решений, в политической и социально-экономической жизни сообществ как на местном уровне, так и на федеральном. Государство же, в свою очередь, при разработке законопроектов, проведении реформ должно быть готово к тому, что активность населения может быть направлена не только на поддержку, но и на критику и организацию протестов. В таких ситуациях использование разного рода манипуляций в отношении конкретного объекта могут носить характер мобилизационный, вызывающий волну гражданской активности, или обратный ему — демобилизационный, вызывающий неготовность граждан к действию или, как минимум, сохранение их пассивного состояния. Учитывая формирование тенденции к локальности и стихийности протеста, важным становится вопрос, касающийся навыков владения технологиями демобилизации с целью установления конструктивного диалога власти и общества и разрешения конфликта.

Политическая мобилизация и демобилизация

В политической науке существуют разные трактовки мобилизации и демобилизации. В общем виде политическая мобилизация граждан рассматривается как необходимое условие демократической трансформации общества, сопровождающее социокультурные, институциональные, политико-правовые изменения (Киняшева, 2016). В данной трактовке предполагается активное участие граждан в общественно-политических процессах страны.

Американский политолог Дж. Розенау рассматривает политическую мобилизацию через определяющую роль граждан в поддержании стабильности и развитии конкретного общества (Исхакова, 2014). Согласно его мнению, все население разделяется с точки зрения участия в политических процессах на политически пассивное большинство («массовая публика») и активное меньшинство («внима-

тельная публика»), составляющее 10–15% от общего числа граждан. Нарушение механизма участия граждан в политике, предполагающее неожиданное расширение численности «внимательной публики», ведет к росту конфликтного потенциала, актуализации острых оппозиционных групп. Если же состав «внимательной публики» сокращается и утрачивает свою реальную значимость, то формируется стихийное массовое участие, перерастающее в протестное движение. Таким образом, мобилизационные технологии в обществе, с одной стороны, решают задачу поддержания и обеспечения общественного порядка, способствуют интеграции и стабилизации политических процессов, с другой — усиливают конфронтацию общественных групп, создают условия развития конфликтов (Киняшева, 2016). Исходя из позиций Дж. Розенау, можно сделать вывод о том, что, если активная общественность не участвует в политических процессах или её участие контролируется со стороны государства, тогда это ведет к обеспечению стабильности общественного пространства.

Согласно С. Хантингтону, политическая мобилизация аполитичных слоев населения является залогом демократических преобразований общества. Говоря о вопросах избирательного политического участия, С. Хантингтон пишет: «эффективное оперирование демократической политической системой требует определенного уровня апатии и непривлечения к политическим процессам определенных индивидов и групп. Конечно, маргинальный характер определенных групп является недемократическим, но это один из факторов, который заставляет демократию функционировать эффективно» (Huntington, 1993). Получается, что одним из ключевых факторов в его исследованиях является включение изначально неготовых к участию, аполитичных слоев общества.

Новую типологию мобилизации предложил американский экономист А.А. Хиршман. Он выделял три состояния взаимоотношений государства и общественности в контексте мобилизации: *exit*, *voice* и *loyalty* (англ. выход, голос и верность, соответственно) (Marsh, 2010). Под *loyalty* он понимал ситуацию, когда власть может мобилизовать граждан для поддержки режима; *voice* предусматривает ситуацию, когда граждане активно выражают свое недовольство существующим режимом; стратегия *exit* выражается в отсутствии у граждан интереса к политике, отказ от участия в выборах и отсутствие каких-либо политических взглядов (Кремень, 2013).

Можно сделать вывод, что мобилизационные технологии воздействуют на граждан, корректируют их предпочтения и координируют действия, объединяют их ресурсы для достижения общей цели. Итогами мобилизации выступает осознанное государством включение или не включение граждан в политику, социальные изменения, поддержка новых векторов политики и идеологии государства, а также изменения на институциональном уровне.

Политический актор, преследуя свои цели, способен маневрировать и использовать как инструменты мобилизации, так и демобилизации. Мобилизационные технологии воздействуют на граждан, корректируют их предпочтения и координируют действия, объединяют их ресурсы для достижения общей цели. Демобилизационные технологии разобщают граждан и дезориентируют, приводят в состояние нежелания участвовать в политическом процессе.

Новые формы локальных и самоорганизующихся протестов — это вызов, требующий продемонстрировать готовность государства быстро и эффективно реагировать на ситуации, происходящие в обществе, через построение стратегий диалога

с недовольными группами. Одной из форм реагирования на протесты является демобилизация. Государство, учитывая множественность процессов, протекающих в обществе, должно быть готово к использованию органами власти технологии демобилизации для сохранения стабильности. Можно выделить несколько групп технологий политической демобилизации: технологии экономические, политические, культурные и коммуникативные (Быков, 2016).

Методы исследования

В данной статье мы рассмотрим технологии демобилизации граждан на примере протестов против повышения пенсионного возраста в РФ. С целью анализа технологий демобилизации было проведено исследование с помощью методов case-study с анализом сути и особенностей кампании, а также event-анализа с рассмотрением каузальных связей событий внутри кампании. Основными источниками информации исследования выступили СМИ и интернет-ресурсы, в том числе социальные сети, новостные порталы и газеты, аналитические колонки. В рамках данного эмпирического исследования важным является поэтапный анализ данных — наблюдение, обработка, сравнение и обобщение информации, представленной во множестве различных источников, порой интерпретирующих протест и реакцию органов власти с разных позиций. Результаты такого поиска мы постарались отразить в данной статье.

Технологии демобилизации граждан в протесте против повышения пенсионного возраста в РФ: результаты исследования

В мае 2018 г. правительство объявило, что возраст выхода на пенсию будет повышен для мужчин с 60 до 65 лет, а для женщин — с 55 до 63 лет. Согласно опросу ФОМ (Фонд общественное мнение, 2018) от 29 июня, отрицательно к решению повысить возраст выхода на пенсию относятся 80% опрошенных, 10% — безразлично и 6% — положительно. На вопрос об участии в митингах и акциях протеста 43% опрошенных ответили «скорее приму» и 51% — «скорее не приму». Эти цифры подтверждают непопулярность нововведений.

Государственная власть, будучи заинтересованной в проведении реформы с минимальным сопротивлением, стремилась к её реализации с помощью стратегии, сохраняющей легитимность власти и позволяющей исполнить выбранный курс без вмешательства со стороны.

Участниками конфликта, с одной стороны, являются Правительство РФ и в целом федеральные органы власти, а с другой — гражданские активисты, профсоюзы, некоторые политические партии.

Начало конфликта датируется маем 2018 г. Первые волнения граждан стали реакцией на заявление премьер-министра РФ Д. Медведева, согласно которому правительство было намерено в короткие сроки подготовить и внести предложения по повышению пенсионного возраста в Госдуму.

В разных городах России состоялись десятки акций протеста против повышения пенсионного возраста. Однако, учитывая масштаб реформы, они были довольно малочисленными. Самым крупным стал московский митинг 28 июля под эгидой партии КПРФ, который собрал 12 тыс. чел., по данным «Белого счетчика» (Белый Счётчик, 2018). Интересно, что общая численность граждан, недовольных реформой и готовых выйти на улицы, составляет значительно большее количество человек,

чем тех, кто в действительности принял участие в акциях протеста. Уровень накопленной социальной напряженности требует особой осторожности и необходимости овладения технологиями демобилизации органам власти.

Технологии демобилизации для снижения рисков массовых протестов в результате повышения пенсионного возраста начали применяться еще на ранней стадии запущенного в 2018 г. процесса разработки изменений в пенсионной системе, а точнее даже заблаговременно до него. Дискуссии на эту тему начались еще в 2013 г., с тех пор регулярно организовываясь и напоминая о себе в публичном пространстве и на телеэкранах. Народные массы постепенно свыклись с такой вероятностью, по крайней мере с её присутствием и обсуждением. Исключив таким образом эффект неожиданности, новость об увеличении пенсионного возраста не стала шокирующей для большинства жителей страны. Ожидали подобное решение 52% опрошенных Фондом общественного мнения (Фонд общественное мнение, 2018).

Одной из главных коммуникативных технологий демобилизации стала пропаганда — настойчивое разъяснение идеи увеличения возрастного порога как о благе, которое может стране пережить финансовые трудности, и как об уже давно существующей норме во всех республиках бывшего СССР и тем более на Западе. Здесь же в том числе в качестве аргументации предлагается сравнение преимущества реформы перед заморозкой или сокращениями пенсий. Также неоспоримой аргументацией для либеральных кругов стало объяснение повышения возрастного порога как прогрессивное и рыночное решение.

Для преодоления нарастающего протестного умонастроения и для мысленного подселения зерна примирения с реформой субъект демобилизации подчеркивает, что данная мера — необходимость, которая не имеет иной альтернативы. Например, на думских слушаниях о законопроекте председатель Счётной палаты РФ А. Кудрин подчеркнул, что нефтяные доходы не могут служить основой для выплат, так как Резервный фонд потрачен, а Фонда национального благосостояния хватит лишь на еще один кризис. Он отметил, что более мягкие варианты реформы были актуальны 10 лет назад, но сейчас уже поздно (Макашкин, 2018).

Премьер-министр Д. Медведев в своем первом заявлении отметил, что действующие границы выхода на пенсию были установлены еще в 1930-е гг. Тогда и средняя продолжительность жизни «была в районе 40 лет» (Старостина, Дзядко, 2018). В своем выступлении Д. Медведев акцентировал внимание на то, что с тех пор изменились условия, возможности и желание людей трудиться, период активной жизни, сама продолжительность жизни. Образ стремления к лучшему, прогрессивному и успешному не должен вызывать возмущений. Таким образом, была сформулирована твердая необходимость повышения пенсионного возраста. Однако это не полная информация, так как в начале 1930-х гг. был установлен порог пенсионного возраста для мужчин, но только для госслужащих и занятых в сфере промышленности. Лишь в 1964 г. была создана общегосударственная пенсионная система, и именно в этот период были установлены пороги выхода на пенсию в 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин (Старостина, Дзядко, 2018).

По мнению российского социолога и журналиста К. Гаазе, в данной кампании есть два основных направления пропаганды. «Тех, кто опасается, что “окно дожития” схлопнется до нескольких лет, будут убеждать в неуклонном росте продолжительности жизни. Тех, кто опасается, что это «окно дожития» придется провести в очередях в поликлиниках, — в том, что в России, как чуть раньше в странах Запа-

да, произошла возрастная революция и их ждет долгая, интересная, насыщенная старость, не обремененная болячками и экономией» (Гаазе, 2018).

Конечно, все акты коммуникации с объектом демобилизации в данном кейсе сопровождаются использованием авторитета цифр и статистических данных, исследований и мнений экспертов. Например, 9 июля министр труда М. Топилин заявил, что продолжительность жизни мужчин увеличится на 16–17 лет к 2030 г. В целом же по сравнению с началом XXI в. к 2018 г. продолжительность жизни выросла на 8 лет. Таким образом, повышение стажа и возраста выхода на пенсию вполне справедливо. А министр финансов РФ А. Силуанов заявил, что размер пенсии по старости неработающим пенсионерам уже в 2019 г. увеличится в среднем на одну тысячу рублей, а к 2024 г. величина средней пенсии увеличится до 20 тыс. р., т.е. на 35%.

Главенствующую роль в реализации коммуникативных технологий демобилизации играют каналы передачи информации. Федеральные СМИ, являясь ресурсом субъекта демобилизации, воздействуют на представления граждан о происходящем в соответствии со стратегией кампании.

Согласно исследованию «Медиалогии», с 16 июля 2018 г. федеральные каналы перестали использовать термин «пенсионная реформа». До этого в среднем за один день было более 2100 упоминаний. По версии телеканал «Дождь» данная мера используется «для избавления от негативных ассоциаций с 90-ми». Подобная технология использования определенной терминологии, а также повторения выбранной позиции в СМИ призваны сформировать у зрителя образ, подтверждающий отсутствие необходимости мобилизоваться в протест.

28 июля во многих городах России прошли акции против пенсионной реформы, проведенные КПРФ и рядом общественных движений и организаций. Митинги проходили в Санкт-Петербурге, Барнауле, Екатеринбурге, Новосибирске, Самаре и других городах. По разным данным участниками митинга в Москве стали более 12 тыс. чел., по данным Московского главка МВД численность участников составила 6500 чел. (Новая газета, 2018).

29 июля в Москве прошел митинг против пенсионной реформы, который организовала партия либертарианцев при поддержке А. Навального. По данным «Белого счётчика» его участниками стали около 6 тыс. чел. Полиция насчитала 2500 человек (Коржова, 2018).

Как сообщила Либертарианская партия в социальных сетях, заявку на проведение акции организаторы подавали в 21-м городе, согласовали митинг только власти столицы. Еще в трех городах — Ярославле, Кемерове и Рыбинске — митинги прошли в гайд-парках, где по закону акции согласовывать не нужно (Коржова, 2018).

Крупные федеральные телеканалы не представили в телеэфире митинг Либертарианской партии против пенсионной реформы. Акции, организованные Коммунистической партией в субботу 28 июля, телеканалы «ВГТРК» и «Первый телеканал» показали в виде 30-секундных сюжетов, в итоге не попавших в выпуски за неделю. Каналы сообщили, что на митинг вышли 6,5 тыс. чел. (данные полиции). (Службы мониторинга Би-би-си, 2018).

В результате протестных выступлений и недовольства граждан относительно изменения в пенсионной системе, да и в целом решениями правительства, Госдумы премьер-министра Дмитрия Медведева и Президента Владимира Путина, заставили сместить публичное позиционирование реформы от резкой необходимости

в повышении возрастного барьера к увеличению существующих пенсий (на данный момент на одну тысячу рублей в месяц). Особый акцент сделан на том, что средства, полученные в результате увеличения пенсионного возраста, целиком пойдут на решение этой задачи. Для аудитории же россиян, которых реформа затронет в ближайшем будущем, предусмотрено смягчение переходного периода к новой возрастной границе выхода на пенсию — здесь введено понятие «работник предпенсионного возраста» и предоставлены им некоторые льготы.

В ходе исследования, в процессе дифференциации технологий демобилизации граждан в протесте против пенсионной реформы было выявлено, что используемые технологии демобилизации тесно взаимосвязаны, переплетены и дополняют друг друга. Например, политические технологии, реализуемые в рамках одной стратегии, часто проявляются в качестве коммуникаций между субъектом и объектом, которые в свою очередь влияют на политическую линию кампании. Таким образом, можно выделить технологии, которые являются неким гибридом и относятся к двум или более группам технологий демобилизации. Например, используя административный ресурс партии власти, руководство «Единой России» распространило в региональные отделения и депутатам думской фракции презентацию с инфографикой, которая содержит набор тезисов, объясняющих причины и необходимость повышения пенсионного возраста. Она предназначена для объяснения позитивных сторон реформы и её сути как для депутатов, так и для граждан. Данная технология демобилизации является коммуникативной, но имеет также политический окрас, так как аргументация в поддержку реформы направлена сверху вниз. Несмотря на заявление о том, что «это не стопроцентная рекомендация к действию, а набор тезисов, разъясняющих предстоящие изменения в законодательстве» (Галимова, 2018), разосланный документ обозначил общую позицию партийцев. А также он несет за собой соответствующие обязательства для членов «Единой России».

Для приведения граждан к демобилизационному состоянию в данном протесте использовались в том числе технологии, которые можно отнести к группе политических. Например, к таковым относится инициатива, согласно которой в регионах «Единая Россия» провела общественное обсуждение реформы с привлечением профсоюзов, работодателей и Союза пенсионеров для того, чтобы подготовить предложения ко второму чтению законопроекта. Такие площадки реализованы как некоторый «громоотвод» для граждан на местах и помогут перевести массовые эмоциональные протесты к рациональным групповым обсуждениям.

Политически важным стало определение времени публичного заявления о трех представленных вариантах реформы. Оно состоялось 5 июня, после заседания Правительства Российской Федерации и накануне открытия Чемпионата мира по футболу, стартовавшего в России 7 июня 2018 г. Выбранное время — продуманное решение, которое позволило отвести внимание от негативных новостей о реформе и не выпустить на улицы сиюминутные эмоции и гнев населения от усталости и тяжелой экономической ситуации. Это особенно касается той категории граждан (40+), которые в полной мере ощутят нововведения, но которые в данный момент заняты зарабатыванием денег. Во время чемпионата, когда внимание россиян приковано к футболу, а на улицах принимающих городов атмосфера всеобщего праздника, в социальных сетях, информация о намечающихся серьезных изменениях в пенсионной системе стала менее значимой для большинства граждан.

Согласно опросу Левада-центр от 22–26 июня 2018 г., наиболее запомнившимися событиями за две недели до и две недели после открытия главного международного соревнования по футболу стали: Чемпионат мира по футболу — 56% и предложения правительства по реформированию пенсионной системы — 31% (Тороп, 2018). Удачно выбранный момент заключается еще и в летнем сезоне — основном времени для отпусков.

Постепенное увеличение пенсионного возраста, каждый год на полгода, а также смягчение нововведений за счет возможности досрочного выхода на пенсию с пропорциональным снижением ее размера размывает социальную группу пострадавших и отодвигает время максимального удара по ним. Здесь срабатывает эффект демобилизации, который откладывает протест на потом, разобщая граждан, не давая возможности для быстрого реагирования конкретной группой людей. Пребывая в состоянии недовольства, но однако же не располагая свободным временем на борьбу за проблему не здесь и сейчас, большинство граждан оставляют вопрос на потом или перекладывают его на других.

Важную роль в процессе демобилизации граждан в протесте против пенсионной реформы играют позиция и действия президента В. Путина, имеющего весомую долю доверия россиян. Стоит начать с того, что в своем послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 г., в преддверии выборов, В. Путин воздержался от упоминания о намерениях повысить пенсионный возраст. В результате же заявления правительства о реформе Президент занял отстраненную позицию, возлагая всю ответственность на её инициатора. Основной поток недовольства граждан обрушился на премьер-министра Д. Медведева, оставляя тем самым чуть пошатнувшееся, но в целом неизменное доверие Президенту, олицетворяющему центр власти.

После первого высказывания Президента о пенсионной реформе, которое состоялось после принятия законопроекта в первом чтении Государственной Думой РФ, у граждан осталась слабая, но надежда, что если кто и может отменить введение реформы, то это В. Путин. В своем выступлении, президент не поддержал нововведения, а также заверил, что «и в правительстве есть мало людей, которым нравится повышение пенсионного возраста». Однако об отмене данных мер речи не идет, возможно лишь внесение правок в законопроект. Таким образом, президент дал понять, что проекту нет альтернативы, но сочувствующая форма высказывания и возможность внесения изменений способны смягчить протестные настроения граждан. Согласно мнению экспертов Центра политических технологий в телеграмм-канале Bunin & Co, «население, которое в целом возлагает на Президента ответственность за принятое решение, не готово к политическому и тем более антипутинскому протесту. А значит, и запланированная на осень дискуссия по законопроекту способна сыграть роль амортизатора в отношении накопившегося социального неприятия реформы» (Центр политических технологий, 2018).

Кроме того, среди части россиян существует укоренившаяся установка, не позволяющая перерасти всеобщему недовольству пенсионной реформой в более масштабный протест против самой власти. Её суть заключается в выборе населением текущего положения дел как меньшего из двух зол — лучше уж так, потому что другие сделают хуже.

Второе, и на данный момент последнее, телеобращение В. Путина по поводу пенсионной реформы 28 июля 2018 г. является одновременно и коммуникативной,

и политической технологией демобилизации. Данное послание, адресованное в первую очередь приверженцам текущей власти, отчасти стабилизировало ситуацию.

Всероссийский центр изучения общественного мнения зафиксировал снижение уровня протестных настроений в России к началу осени, 55% опрошенных не верят в вероятность выступлений в их населенном пункте против изменений в пенсионном законодательстве. ВЦИОМ отмечает, что «после двухмесячного обсуждения темы повышения пенсионного возраста и телеобращения Президента Владимира Путина протестные настроения россиян резко ослабли» (Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2018).

Этому способствовал факт принятия на себя политической ответственности за реформу. А подчеркнутая вынужденность и безальтернативность перемен и возможные выгоды для граждан от повышения пенсий сделали послание президента отправной точкой для принятия гражданами данной реальности, несмотря на нежелание принимать такое решение.

Политически важным и стратегическим было объявление В. Путиным решения принять смягчающие меры — снижение возраста выхода на пенсию для женщин на 3 года, сохраняя таким образом пятилетний разрыв между мужчинами и женщинами. Кроме того, были представлены меры по поощрению многодетных, предоставлению льгот для людей предпенсионного возраста и наложению уголовной ответственности на работодателя за увольнение данной категории граждан.

По мнению многих отечественных экспертов, этот продуманный шаг предполагался одновременно с предложением повысить пенсионный возраст для женщин на 8 лет. А данное выступление президента направлено на поддержание авторитета властных институтов, в том числе лично В. Путина. А. Колесников считает, что «Путин поступил предсказуемо. После того как все остались виноваты, он вышел и смягчил пенсионную реформу». Д. Бадковский считает, что «президент подтвердил, что пенсионная реформа назрела, она неизбежна и каких-то серьезных и разумных альтернативных решений не существует... Рейтинги власти в последние недели стабилизировались и даже начали расти. Выступление Путина закрепит этот тренд» (Мухаметшина, Чуракова, Базанова, 2018).

Уполномоченный по правам человека в России Т. Москалькова назвала выступление В. Путина «мастер-классом общения с гражданским обществом и очередным успехом» и отметила, что «Владимир Владимирович еще раз доказал, что он — истинный гарант прав и свобод граждан России». Г. Павловский считает обращение В. Путина «разумной корректировкой слабо проработанных предложений кабинета министров». Однако, дискуссию о реформе закрывать пока рано. «Не задета самая главная тема — согласия или несогласия населения», — отметил он (Лоскутова, 2018).

Представляется, что данный механизм предназначен для поддержания высокого уровня доверия электората В. Путина, а следовательно, и закрепления позиции властных институтов. В целом же А. Макаркин (2018) отмечает важную тенденцию ««полевения» общественных настроений как реакцию на повышение пенсионного возраста, воспринимаемое как несправедливая мера». Похоже, что более левый дискурс будет актуален и в дальнейшем, причем ни у одной политической силы не будет на него монополии.

Говоря о механизмах политической демобилизации граждан в России, стоит обратить внимание на отношение к митингам обеих сторон данного процесса. Так сложилось, что общество научилось воспринимать митинги, скорее, как мероприя-

ятие, сопровождающееся полицейской операцией, чем мероприятие с некоторой функцией социализации. Власть, стремясь к обеспечению государственной безопасности, смотрит на протесты через призму угрозы стабильности и тяготеет к регулированию актов выражения недовольства граждан. Так возникает действительность, правила игры которой повышают уровень рационального действия граждан при возникновении возможности принять участие в митинге. Несмотря на внутреннее желание выразить свою позицию, граждане вначале, во-первых, оценивают реальные шансы повлиять на то или иное решение, а во-вторых, несколько второстепенно, но обращают внимание на возможности (получить неприятный опыт встречи с полицией) столкнуться с полицией или вызвать своим участием в митинге вопросы коллег на работе. Так выделяется политическая технология демобилизации граждан, регулирующая законодательную и процессуальную основы проведения митингов.

Выводы

Оценивая всю линию и стратегию использованных в рамках данного кейса технологий политической демобилизации, можно отметить их проработанность и как результат эффективность. Субъект демобилизации достиг поставленной цели — пенсионная реформа состоялась и не повлекла за собой масштабную волну протестов. Согласно теории И. Быкова (Быков, 2016), целью демобилизационных процессов является превращение соответствующих социальных групп в зрителей политического спектакля. Рассматривая представленную выше кампанию, можно отметить, что подобное описание достаточно близко характеризует происходившее в её рамках.

В протесте против пенсионной реформы были использованы разные политические и коммуникативные технологии демобилизации граждан. Делая вывод, можно сказать, что процесс принятия гражданами изменений пенсионной системы продолжается до сих пор. Однако он начался с момента заявления о намерениях повысить пенсионный возраст. В данном случае высокий уровень социальной напряженности не вылился в масштабный всероссийский протест в том числе по причине отсутствия веры в возможность что-то изменить, а также благодаря использованию технологий демобилизации. Особенность последних напрямую связана с проведением кампании на федеральном уровне. Отсюда особое внимание к технологиям: заблаговременный старт использования демобилизационных механизмов, масштабная пропаганда при помощи федеральных СМИ, распределение ролей участников кампании, где особенное значение имеют действия главы государства, и др. Мироощущение населения и понимание расстановки сил создается субъектом демобилизации за счет комплексного воздействия на формирование его образов и мыслей.

Библиографический список

- Белый Счётчик (2018). Протесты против Пенсионной Реформы (2018, 2 Сентября) Режим доступа <https://twitter.com/WhiteCounter/status/1023158916727951361>
- Быков, И. А. (2016). Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации. В. В. А. Ачкасовой, Г. С. Мельник (ред.). *Мобилизация политических сторонников через изменение повестки дня в СМИ* (с. 107–121). Москва: ФЛИНТА, НАУКА.

- Всероссийский центр изучения общественного мнения. (2018). Протестные настроения россиян: мониторинг (2018, Сентябрь 5). Режим доступа <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9292>
- Гаазе, К. Кремль действительно боится протестов из-за повышения пенсионного возраста? (2018, Июнь 21). *Meduza*, Режим доступа <https://meduza.io/cards/kreml-deystvitelno-boitsya-protestov-iz-za-povysheniya-pensionnogo-vozrasta-kartochki-konstantina-gaaze>
- Галимова, Н. Единороссы подготовили аргументы для регионов о пользе пенсионной реформы. (2018, Июль 6). *РБК*, Режим доступа <https://www.rbc.ru/politics/06/07/2018/5b3f40f59a7947438a0457ed>
- Гриб, В. В. (2010). Взаимодействие гражданского общества и органов государственной власти в социальной сфере. *Социальное и пенсионное право*, 4, 13–17. Режим доступа <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2010/socialnoe-i-pensionnoe-pravo/4/>
- Исхакова, Н. Г. (2014). Стратегия политической мобилизации: от протеста к консолидации. *«Молодой вчений»*, 9 (12), 187–190. Режим доступа <http://molodyvcheny.in.ua/ru/archive/?year=2014>
- Киняшева, Ю. Б. (2016). Возможности политической мобилизации граждан в современном российском обществе. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, 4, 51–56. Режим доступа <https://tidings.tsu.tula.ru/tidings/index.php?id=humanitarian&lang=ru>
- Коржова, Д. В Москве прошел митинг против пенсионной реформы. (2018, Июль 29). *Ведомости*. Режим доступа <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/07/29/776795-miting-protiv-pensionnoi-reformi>
- Кремень, Т. В. (2013). Компоненты политической мобилизации. В *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сборник статей по материалам XXVIII международной научно-практической конференции*, 8 (28), (с. 6–12). Новосибирск, СибАК.
- Лоскутова, А. Смягчить, но не отменить. (2018, Август 29) *Interfax-Russia.ru*, Режим доступа <http://www.interfax-russia.ru/print.asp?id=961502&type=view>
- Макаркин, А. Пенсионная реформа: стратегия власти и восприятие общества (2018, Август 27). *Политком.RU*, Режим доступа <http://politcom.ru/23132.html>
- Мухаметшина, Е. Чуракова, О., Базанова, Е. Выступил как отец нации: политологи и экономисты о решении Путина смягчить пенсионную реформу. (2018, Август 29). *Ведомости*, Режим доступа <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/08/29/779324-putin-okazalsya-zalozhnikom-svoego-politologi-ekonomisti-reshenii-prezidenta-pensionnuyu-reformu>
- Новая газета. (2018). В Москве прошел митинг против повышения пенсионного возраста (2018, 28 Июля). Режим доступа <https://www.novayagazeta.ru/news/2018/07/28/143690-v-moskve-prohodit-miting-protiv-povysheniya-pensionnogo-vozrasta>
- Орлов, Д, Салаватова, А. Как локальный протест в России обретает новое качество (2018, Апрель 6). *РБК*, Режим доступа <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/04/09/5ac72fd59a79470651f0c009>
- Службы мониторинга Би-би-си (2018). Российские телеканалы проигнорировали протесты против пенсионной реформы (2018, 30 Июля). Режим доступа <https://www.bbc.com/russian/news-44983190>
- Старостина, Ю., Дзядко, Т. Правительство обсудит три варианта повышения пенсионного возраста (2018, Июнь 5). *РБК*, Режим доступа <https://www.rbc.ru/economics/05/06/2018/5b166a149a79478390db9bb4>
- Тороп, А. Чемпионат мира по футболу заинтересовал россиян больше пенсионной реформы (2018, 04 Июля). *Новая газета*. Режим доступа <https://www.novayagazeta.ru/news/2018/07/04/143056-chempionat-mira-po-futbolu-zainteresoval-rossiyan-bolshe-pensionnoy-reformy>

- Фонд Общественное Мнение. (2018). Повышение пенсионного возраста: реакция граждан (2018, 29 Июня). Режим доступа <https://fom.ru/Ekonomika/14057>
- Центр политических технологий. (2018). Политическая аналитика от экспертов Центра политических технологий имени Игоря Бунина. (2018, Август). Режим доступа <https://t.me/BuninCo>
- Huntington, S.P. (1993). *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Oklahoma: University of Oklahoma Press.
- Marsh, D. (2010). *Theory and Methods in Political Science (Political Analysis)*. London: Palgrave Macmillan.

Статья поступила в редакцию 12.11.2018

Статья принята к публикации 20.12.2018

Для цитирования: Палагичева А.В., Фролов А.А. Технологии демобилизации граждан в протесте: на примере протестов против повышения пенсионного возраста в РФ. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 1. С. 57-71.

TECHNOLOGY THE DEMOBILIZATION OF CITIZENS IN PROTEST: THE CASE OF PROTESTS AGAINST RAISING THE RETIREMENT AGE IN RUSSIA

A. V. Palagicheva, A. A. Frolov

Palagicheva Asya Vladimirovna. E-mail: forningtingale@gmail.com
ORCID 0000-0001-9247-8412

Frolov Alexander Albertovich. E-mail: a.a.froloff@gmail.com
ORCID 0000-0001-8775-016X

Demidov Yaroslavl State University, Sovetskaya Str., 14, Yaroslavl, 150000, Russia.

Acknowledgements. This article is a result of the study supported by the Russian Foundation for Basic Research, research project No. 17-33-01022 (a2) "Protests activity modeling and indexing in constituent entities of the Russian Federation"

Abstract. The article deals with the technology of demobilization of citizens on the example of actions against raising the retirement age held in the Russian Federation in 2018. In view of the relevance of the topic, in connection with the presence of protest activity in modern Russia, the authors presented a number of different protest actions (Actions against the blocking of telegram; actions of Navalny, held in may 2018; rallies on the dispute over the border between Chechnya and Ingushetia), reflecting the trend of transition to spontaneity and locality of protest, which replaces the organization of the protest leader. The authors conclude that the protest activities in the country have different specifics, but in General, civil society activists do not focus on a bright leader who has a positive "social portrait" and represents their interests. People tend to get involved in campaigns on the basis of proximity to the problem specified by the agenda of the protests, but do not follow the conventional leader. New forms of local and self — organizing protests are an indicator of the readiness of the state to respond quickly and effectively to the situation in society, through the construction of dialogue strategies, the use of demobilization technology. The aim of the work is to identify political and communicative technologies of demobilization of citizens in the protest against raising the retirement age. The study was conducted using case-study methods with analysis of the essence and features of the campaign, event-analysis with consideration of causal relations of events within the campaign. The article deals with effective communication, political technologies of demobilization of citizens in protest against raising the retirement age in Russia. We can say that the process of adoption of changes in the pension system by citizens is still ongoing. The authors come to the conclusion that the state power, being interested in carrying out the reform with minimal resistance, seeks to implement it through a strategy that preserves the legitimacy of the government and allows to execute the chosen course without interference from the outside.

Keywords: protest, protest activity, mobilization, demobilization, demobilization technologies, pension reform.

DOI: 10.31429/26190567-20-1-57-71

References

- Belyj Schyotchik [White Counter]. (2018). Protesty protiv Pensionnoj Reformy [Protests against Pension Reform] (2018, 2 September). Retrieved from: <https://twitter.com/WhiteCounter/status/1023158916727951361>
- Bykov, I. A. (2016). Kommunikativnye tekhnologii v processah politicheskoy mobilizacii: koll. Monografiya. [Communication technologies in the processes of political mobilization: collective Monograph]. In V. A. Achkasovoj, G. S. Mel'nik (Eds.) *Mobilizaciya politicheskikh storonnikov cherez izmenenie povestki dnya v SMI* [The Mobilization of Political Supporters through the Change Agenda in the Media] (107–121). Moscow: FLINTA, SCIENCE.
- Centr politicheskikh tekhnologij [The Center for Political Technologies]. (2018). Politicheskaya analitika ot ehkspertov Centra politicheskikh tekhnologij imeni Igorya Bunina [Political Analyst from the Experts of the Center of Political Technologies Named After Igor Bunin. (2018, August). Retrieved from <https://t.me/BuninCo>
- Fond Obshchestvennoe Mnenie [The Public Opinion Foundation]. (2018). Povyshenie pensionnogo vozrasta: reakciya grazhdan [Raising the Retirement Age: Citizens' Reaction] (2018, June 29). Retrieved from: <https://fom.ru/Ekonomika/14057>
- Gaaze, K. Kreml' dejstvitel'no boitsya protestov iz-za povysheniya pensionnogo vozrasta? [Is the Kremlin Really Afraid of Protests Over Raising the Retirement Age?]. (2018, June 21). *Meduza*, Retrieved from <https://meduza.io/cards/kreml-deystvitelno-boitsya-protestov-iz-za-povysheniya-pensionnogo-vozrasta-kartochki-konstantina-gaaze>
- Galimova, N. Edinorossy podgotovili argumenty dlya regionov o pol'ze pensionnoj reformy [United Russia Prepared Arguments for the Regions about the Benefits of Pension Reform]. (2018, July 6). RBC, Retrieved from <https://www.rbc.ru/politics/06/07/2018/5b3f40f59a7947438a0457ed>
- Grib, V. V. (2010). Vzaimodejstvie grazhdanskogo obshchestva i organov gosudarstvennoj vlasti v social'noj sfere [Interaction of Civil Society and Public Authorities in the Social Sphere]. *Social'noe i pensionnoe pravo* [Social and Pension Law], 4, 13–17. Retrieved from <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2010/socialnoe-i-pensionnoe-pravo/4/>
- Huntington, S. P. (1993). *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Oklahoma: University of Oklahoma Press.
- Iskhakova, N. G. (2014). Strategiya politicheskoy mobilizacii: ot protesta k konsolidacii [Strategy of Political Mobilization: from Protest to Consolidation]. *"Molodij vchenij"* [Young Scientist], 9 (12) 187–190. Retrieved from <http://molodyvcheny.in.ua/ru/archive/?year=2014>
- Kinyasheva, Yu. B. (2016). Vozmozhnosti politicheskoy mobilizacii grazhdan v sovremennom rossijskom obshchestve [Opportunities for Political Mobilization of Citizens in Modern Russian Society.]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [News of Tula state University. Humanities], 4, 51–56. Retrieved from <https://tidings.tsu.tula.ru/tidings/index.php?id=humanitarian&lang=ru>
- Korzhova, D. V Moskve proshel miting protiv pensionnoj reform [in Moscow held a rally against the pension reform]. (2018, July 29). *Vedomosti* [Vedomosti], Retrieved from <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/07/29/776795-miting-protiv-pensionnoi-reformi>
- Kremen', T. V. (2013). Komponenty politicheskoi mobilizatsii [Components of Political Mobilization]. *Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya: sbornik statei po materialam XXVIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Topical Problems of Social Sciences: Sociology, Politology, Philosophy, History. Collected Articles of the 28th International Scientific and Practical Conference], 8 (28), (6–12). Novosibirsk, SibAK.

- Loskutova, A. Smyagchit', no ne otmenit' [Soften, but not Cancel]. (2018, August 29) *Interfax-Russia.ru* [Interfax-Russia.ru]. Retrieved from <http://www.interfax-russia.ru/print.asp?id=961502&type=view>
- Makarkin, A. Pensionnaya reforma: strategiya vlasti i vospriyatie obshchestva [Pension Reform: a Strategy of Power and the Perception of Society]. (2018, August 27). *Politkom.RU* [Politkom. Ru], Retrieved from <http://politcom.ru/23132.html>
- Marsh, D. (2010). *Theory and Methods in Political Science (Political Analysis)*. London: Palgrave Macmillan.
- Muhametshina, E. CHurakova, O., Bazanova. E. Vystupil kak otec natsii: politologi i ehkonomisty o reshenii Putina smyagchit' pensionnuyu reform [Acted as the Father of the Nation: Political Scientists and Economists about Putin's Decision to Soften Pension Reform]. (2018, August 29). *Vedomosti* [Vedomosti]. Retrieved from <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/08/29/779324-putin-okazalsya-zalozhnikom-svoego-politologi-ekonomisti-reshenii-prezidenta-pensionnuyu-reformu>
- Orlov, D, Salavatova, A. Kak lokal'nyj protest v Rossii obretaet novoe kachestvo [As a Local Protest in Russia Acquires a New Quality]. (2018, April 6). *RBK* [RBK]. Retrieved from <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/04/09/5ac72fd59a79470651f0c009>
- Sluzhby monitoringa Bi-bi-si [Monitoring service BBC]. (2018). Rossijskie telekanaly proignorirovali protesty protiv pensionnoj reform [Russian TV Channels Have Ignored the Protests Against Pension Reform] (2018, July 30). Retrieved from <https://www.bbc.com/russian/news-44983190>
- Starostina, Yu., Dzyadko, T. Pravitel'stvo obsudit tri varianta povysheniya pensionnogo vozrasta [The Government Will Discuss Three Options for Raising the Retirement Age]. (2018, June 5). *RBK* [RBK], Retrieved from <https://www.rbc.ru/economics/05/06/2018/5b166a149a79478390db9bb4>
- Torop, A. Chempionat mira po futbolu zainteresoval rossiyan bol'she pensionnoj reform [The World Cup Attracted the Interest of Russian Pension Reform] (2018, July 04). *Novaya gazeta* [Novaya Gazeta]. Retrieved from <https://www.novayagazeta.ru/news/2018/07/04/143056-chempionat-mira-po-futbolu-zainteresoval-rossiyan-bolshe-pensionnoy-reformy>
- V Moskve proshel miting protiv povysheniya pensionnogo vozrasta [In Moscow Held a Rally Against Raising the Retirement Age] (2018, July 28 Iyulya). *Novaya gazeta* [Novaya gazeta], Retrieved from <https://www.novayagazeta.ru/news/2018/07/28/143690-v-moskve-prohodit-miting-protiv-povysheniya-pensionnogo-vozrasta>
- Vserossijskij centr izucheniya obshchestvennogo mneniya [All-Russian Center for the Study of Public Opinion] (2018). Protestnye nastroyeniya rossiyan: monitoring [Russians Protest Moods: Monitoring] (2018, September 5). Retrieved from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9292>

Received 12.11.2018

Accepted 20.12.2018

For citation: Palagicheva A. V., Frolov A. A. Technology the Demobilization of Citizens in Protest: the Case of Protests Against Raising the Retirement Age in Russia. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 1. Pp. 57-71.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА КОНТЕНТ-АНАЛИЗА В ИЗУЧЕНИИ ОТНОШЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ К СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МЕДИЦИНЕ

А.В. Никольская, А.А. Костригин

Никольская Анастасия Всеволодовна. Эл. почта: tonokazutoya@gmail.com
ORCID 0000-0001-8821-5177

Костригин Артем Андреевич. Эл. почта: artdzen@gmail.com
ORCID 0000-0002-5454-7357

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), ул. Садовническая, д. 33, стр.1, Москва, 117997, Россия.

Аннотация. В статье обсуждается общественное мнение и отношение к медицине и здравоохранению в России. Отмечается проблема надежности социологических опросов по данной проблематике. В качестве одного из перспективных методов исследования отношения к медицине и здравоохранению предлагается контент-анализ текстов социальных сетей, постов пользователей. Обсуждаются проблемы и возможности контент-анализа социальных сетей. Ставится задача исследования общественного мнения к медицине с помощью данного метода. Используется количественный и качественный контент-анализ постов в социальных сетях ВКонтакте и Instagram по медицинской проблематике. По результатам исследования выявлены различные характеристики текстов в постах пользователей: наиболее часто встречаемые слова, «водность» текста, стоп-слова, ядро текста. Наиболее часто встречаемые слова данной тематики: врач, человек, медицина, больница, ребенок, бесплатный, работать, говорить, помощь, лечить. Установлены основные категории, которые используют пользователи различных соцсетей для описания своего отношения к медицине, и вопросы, которыми аудитории озабочены больше всего. На основе полученных данных сделаны выводы о суждениях и отношении пользователей к российской медицине: представления о «хороших» и «плохих» врачах», медицине, отношение к платной и бесплатной медицине, бескорыстной помощи и вымогательству денег. Делается вывод о том, что метод контент-анализа позволяет ставить новые исследовательские и прикладные задачи изучения общественного мнения по различным вопросам, а также обращать внимание на ту проблематику, которая социальными опросами слабо затрагивается (характеристики «хорошей» и «плохой» медицины, вымогательство денег, потребности, характеристики идеального врача и др.).

Ключевые слова: контент-анализ, социальные сети, общественное мнение, медицина, врач, платная медицина, бесплатная медицина, отношение к медицине, здравоохранение.

Введение

В настоящее время в обществе отмечается активная дискуссия по вопросам медицины и здравоохранения в России. Результаты различных опросов общественного мнения приводят к достаточно противоречивым выводам: с одной стороны, доверие к врачам уменьшается, но с другой — таковое наблюдается чаще у тех, кто в последнее время не обращался к врачу; также выявлены позитивные ассоциации, касающиеся деятельности врача: «лечение», «помощь», «спасение» и др. (ВЦИОМ, 2017).

В частности, причинами таких неоднозначных результатов может быть ограниченность сугубо социологических методов: респонденты могут отвечать неискренне, вопросы могут обуславливать ответы, как правило, доминирование закрытых вопросов и др. Чтобы понять, что в действительности думают и как относятся люди к медицине и здравоохранению требуются методы, которые обеспечивают непо-

средственность и естественность ответов/мыслей/оценок респондентов, а главное, мотивированность высказать свое мнение по актуальным вопросам.

Среди подходов, обеспечивающих присутствие перечисленных условий достоверности оценок и отношения людей к обсуждаемому вопросу, можно выделить обращение к данным социальных сетей и проведение контент-анализа содержания постов пользователей по конкретной тематике. Социальные сети, используемые в настоящее время более чем 1 млрд. чел. из 7 млрд. населения земного шара, содержат миллионы текстов. Доступ к такого рода текстам, через Facebook и Twitter например, меняет способ, которым мы можем использовать контент-анализ, чтобы понять настроения людей, и открывает дверь для управления данными в беспрецедентном масштабе. Через обновления статуса, твиты и другие онлайн-беседы люди сообщают о своих повседневных действиях, чувствах и мыслях. Исследователи начали использовать эти данные применительно к широкому спектру интересующих их тем, включая, например, мониторинг заболеваемости гриппом и вспышки других заболеваний (Hastie, Tibshirani & Friedman, 2009; Pennebaker, Boyd, Jordan & Blackburn, 2007), прогнозирование фондового рынка (Bollen, Mao & Zeng, 2011) и понимание настроений пользователей относительно тех или иных продуктов или персоналий (Pang & Lee, 2008).

Для анализа данных в социальных сетях был разработан ряд отличных программ на основе контент-анализа. Тем не менее основное внимание в подавляющем большинстве этих программ уделяется предоставлению сводной статистики данных (количество слов, объем текста, ключевые слова, ядро текста и т.д.). Такая статистика может, с одной стороны, предоставлять ценную и очень быструю информацию, выявляющую анализ настроений, но с другой стороны, не является адекватной заменой качественного углубленного анализа данных, который невозможен без участия квалифицированного аналитика даже при наличии мощной программы, предоставляющей возможности проведения качественного контент-анализа. Мы считаем, что необходима категориальная интерпретация полученных результатов контент-анализа.

Контент-анализ социальных сетей применяется для различных целей. Перспективной, но пока малоразработанной областью является изучение отношения пользователей социальных сетей к медицине вообще и медицинским услугам в частности. Работы по контент-анализу в медицине касаются изучения социологических исследований, анализа рекламной продукции и материалов СМИ (Ачкасов, Шурупов, Куршев, 2015; Вершинин, Ковалёва, Хвастунова, 2015; Литовка, 2013; Савельева, 2011; Семенова, 2016); проблематика социальных сетей в медицине затрагивают аспекты их использования для коммуникаций между врачом и пациентом (Кузьмин, Семенова (Павленко), Петрова, Закроева, 2016), применения возможностей социальных сетей и данных о пользователях для более эффективного лечения (Никитин, Мурадянц, Шостак, 2015; Полинская, Месропян, 2018), а также их внедрения в учебный процесс (Панова, Тютюрская, 2018). Таким образом, на данный момент практически отсутствуют комплексные исследования материалов социальных сетей для выявления отношения пользователей к медицине в России.

Метод и процедура исследования

Нами был применен контент-анализ к материалам социальных сетей для определения проблем и перспектив его использования в социологической и марке-

тинговой сферах медицины. Целью данного исследования является определение отношения пользователей социальных сетей к медицине.

В качестве методологической основы исследования выступил социально-психологический принцип социального конструкционизма К. Гергена, согласно которому в сознании человека объективно существующий предмет оценивания (в нашем исследовании медицина и врач) всегда имеется в виде субъективного знания, обусловленного социальными представлениями и индивидуальным опытом (Gergen, 1985).

Исследуемые социальные сети — ВКонтакте и Instagram. Эти соцсети были выбраны по следующим причинам: 1) они представляют собой платформы, преследующие разные цели: ВКонтакте — это соцсеть, в которой ведущим элементом сообщения (поста) является текст, а Инстаграм — картинка; таким образом, выбором этих двух соцсетей мы планировали получить комплексные данные; 2) по данным ВЦИОМ, наиболее активные пользователи социальных сетей — это люди 18–34 лет, большая часть которых пользуется ВКонтакте и Инстаграмом (ВЦИОМ, 2018). Поэтому можно предположить, что данные соцсети наиболее точно отражают активность и позицию российских интернет-пользователей.

В качестве материала исследования использовались посты пользователей социальных сетей ВКонтакте и Instagram (3000 постов из соцсети ВКонтакте и 3000 постов из соцсети Instagram за апрель 2018 г.). Исследование было направлено на определение отношения пользователей указанных социальных сетей к современной российской медицине, выраженное в постах, размещаемых в социальных сетях.

Задачами исследования являлись:

- 1) определение характеристик текстов в социальных сетях, посвященных медицине, на основе наиболее часто употребляемых слов;
- 2) выявление преобладающей тональности отношения (позитивное/негативное/нейтральное);
- 3) анализ факторов выявленной тональности.

Посты в социальных сетях часто характеризуются тем, что содержат достаточно большое количество не относящейся к предмету обсуждения информации; чаще в постах соцсетей присутствует критика какого-либо явления или человека; соцсети представляют собой модифицированное пространство общественного мнения, следовательно, в нем одну из ведущих ролей играют стереотипы и слухи, т.е. неподтвержденная информация (Григорьева, Дмитриева, 2015; Ледовая, Паничева, Причисленко, Бутаков, 2017; Храбан, 2017; Чижик, 2016). Учитывая цели и задачи нашего исследования, а также особенности дискурса соцсетей, мы выдвинули следующие гипотезы.

Гипотеза исследования — тексты по медицинской тематике в социальных сетях обладают высокой бессодержательностью («водностью»), несут в себе эмоционально индуцированное отношение, обусловленное субъективным восприятием опыта общения с медицинскими работниками и социальными установками.

Гипотеза согласуется с подходом социального конструкционизма К. Гергена: исследуемое отношение к медицине, как мы предполагаем, может быть обусловлено индивидуальным опытом человека и влиянием социума.

Для решения поставленных задач использовались следующие методы: количественный и качественный контент-анализ текстов.

Таблица 1. Общие результаты количественного анализа постов по медицине для обеих соцсетей

Table 1. General results of the quantitative analysis of the users' posts on medicine for both social networks

Параметр	Значение
Бессодержательность	55%
Повторяемость слов	17,2
Топ 10 слов	Врач, человек, медицина, больница, ребенок, бесплатный, работать, говорить, помощь, лечить
Словарь	1970 слов
Словарь ядра	1602 слов
Тематика	Медицина

Программное обеспечение: для кодирования и анализа были использованы программы QDA Miner Lite (качественный контент-анализ) и Advengo (количественный контент-анализ).

Изначально был создан следующий категориальный аппарат:

- 1) объект: Врач / Медицина;
- 2) тональность в отношении объекта: Негативная /Позитивная;
- 3) цель сообщения: призыв/информирование;
- 4) результат: помогли/не помогли/результат неизвестен.

Тексты анализировались по следующим компонентам и характеристикам:

- 1) бессодержательность текста (в ПО — «Водность текста») — это процент содержания в нем ничего не значащих, не несущих полезной информации слов (стоп-слов). Максимально допустимым показателем бессодержательности можно считать 60%;
- 2) повторяемость слов (в ПО — «Тошнота текста») — это показатель, определяющий частоту использования какого-либо слова в текстовом документе;
- 3) ядро текста показывает, из каких слов и словосочетаний состоит текст и как часто они встречаются; слова, которые встречаются чаще всего, обычно определяют тематику материала;
- 4) стоп-слова (иначе называемые шумовыми) — это слова, знаки, символы, которые самостоятельно не несут никакой смысловой нагрузки.

Сбор был произведен в Instagram и ВКонтакте вручную с помощью запросов: «медицин», «врач», «больниц», «поликлиник», «лекарств».

Все сообщения рекламного характера отсеивались.

Результаты анализа частот употребления слов

По результатам количественного анализа с помощью программы Advengo были получены следующие характеристики текстов в социальных сетях ВКонтакте и Instagram (табл. 1–6).

Обобщенные результаты контент-анализа постов по медицине в соцсетях ВКонтакте и Instagram показывают, что преобладающими категориями текста являются: человек в медицинской сфере (врач, человек, ребенок) и их действия в рамках медицинской сферы (работать, говорить, лечить). Пользователей соцсетей интересуют участники медицинского процесса, а также деятельность в основном врача,

Таблица 2. Статистика по словам, за исключением стоп-слов (для обеих соцсетей)

Table 2. Word statistics (stop words excluded) for both social networks

№ п/п	Слово	Кол-во в тексте	% в ядре	% в тексте
1	Врач	9661	2,5%	1,1%
2	Человек	6369	1,7%	0,7%
3	Медицина	5287	1,4%	0,6%
4	Больница	3602	0,9%	0,4%
5	Ребенок	3541	0,9%	0,4%
6	Бесплатный	3012	0,8%	0,3%
7	Работать	2585	0,6%	0,2%
8	Говорить	2239	0,5%	0,2%
9	Помощь	2160	0,5%	0,2%
10	Лечить	2108	0,5%	0,2%
11	Жизнь	1987	0,5%	0,2%
12	Поликлиника	1835	0,4%	0,2%
13	Пациент	1812	0,4%	0,2%
14	Ехать	1793	0,4%	0,2%
15	Очередь	1741	0,4%	0,1%
16	Год	1683	0,4%	0,1%
17	Платный	1506	0,3%	0,1%
18	Медик	1448	0,3%	0,1%
19	Работа	1437	0,3%	0,1%
20	Страна	1421	0,3%	0,1%

так как категории действий содержат именно действия врача. Вместе с наличием таких категорий, как «медицина», «больница», «бесплатный», «помощь», данные результаты показывают сосредоточенность постов пользователей на субъектах медицины (врачах) и на их деятельности, что может свидетельствовать об их значимости вне зависимости от конкретной проблематики текста.

Необходимо также отметить достаточно высокую бессодержательность постов по медицинской тематике, что может свидетельствовать о том, что тексты пользователей содержат напрямую не относящуюся к медицине информацию, возможно, подробности заболеваний, детали личных случаев, выражение эмоциональных оценок. Повторяемость слов в тексте достаточно высока.

Частоты употребления слов в постах по медицинской проблематике отражают иерархию значимости элементов медицинской сферы для пользователей соцсетей. Наиболее часто встречаемые слова медицинской тематики: врач, человек, медицина, больница, ребенок, бесплатный, работать, говорить, помощь, лечить. Примерно наполовину посты содержат не относящуюся к теме исследования информацию. Отметим, что содержание постов по медицинской тематике в обеих соцсетях относится к оказанию медицинских услуг.

Таблица 3. Количественный анализ постов по медицине в соцсети ВКонтакте

Table 3. Quantitative analysis of the posts in the social network "VKontakte"

Параметр	Значение
Бессодержательность	54%
Повторяемость слов	10,72
Топ 10 слов	Врач, медицина, человек, бесплатный, работать, больница, помощь, лечить, медик, жизнь
Словарь	1053 слова
Словарь ядра	785 слов
Тематика	Медицина

Несколько расширенное представление списка наиболее часто встречаемых слов по медицинской тематике в постах социальных сетей подтверждает наше предположение о том, что ведущим пунктом обсуждения у пользователей являются субъекты медицинского процесса (врач, человек, ребенок, пациент, медик) и деятельность этих субъектов (работать, говорить, лечить, ехать). Вместе с тем четче обнаруживаются также еще и другие темы обсуждения: место оказания медицинских услуг (больница, поликлиника, очередь) и их стоимость (бесплатный, платный).

Результаты контент-анализа постов по медицине в соцсети ВКонтакте показывают, что специфичными категориями для этой сети являются непосредственно субъект в медицинской сфере (врач, человек, медик) и именно его действия (работать, лечить, помощь). Другой субъект медицинского взаимодействия — пациент — не употребляется (или редко употребляется, как видно из табл. 4). Это может говорить о том, что в постах обсуждаются именно врачи, их деятельность, она оценивается пользователями, детально рассматривается. При этом проблемы пользователей, связанные со здоровьем, заболеваниями, лекарствами, качеством оказываемых услуг, не упоминаются.

Здесь также обнаруживается достаточно высокая бессодержательность постов по медицинской тематике, что может свидетельствовать о том, что тексты пользователей содержат напрямую не относящуюся к медицине информацию. Повторяемость слов в тексте достаточно высока.

Наиболее часто встречаемые слова в постах по медицинской проблематике в соцсети ВКонтакте: врач, медицина, человек, бесплатный, работать, больница, помощь, лечить, медик, жизнь. По данным этой таблицы шире раскрываются актуальные вопросы, обозначенные выше: для пользователей соцсети ВКонтакте значимым является обсуждение деятельности врачей (врач, работать, лечить, медик, зарплата, услуга, лечение), а также собственно качество и стоимость медицинских услуг (бесплатный, помощь, уровень, услуга, сумма). Указываются категории субъекта медицинского взаимодействия, получающие услугу (ребенок, пациент, больная), но общая сумма частот показывает не самую высокую важность этого вопроса. Можно предположить, что группы пользователей соцсети ВКонтакте, которые пишут посты по медицинской проблематике, — это сами врачи либо родственники/знакомые врачей; «сочувствующие» профессии врача; пациенты, которые отмечают только качество и стоимость медицинских услуг, но не конкретные виды заболеваний, лечения и т.п.

Таблица 4. Статистика по словам, за исключением стоп-слов (соцсеть ВКонтакте)

Table 4. Word statistics (stop words excluded) for the social network "VKontakte"

№ п/п	Слово	Кол-во в тексте	% в ядре	% в тексте
1	Врач	3364	2,3%	1,0%
2	Медицина	2879	1,9%	0,8%
3	Человек	2396	1,6%	0,7%
4	Бесплатный	1625	1,0%	0,4%
5	Работать	1438	0,9%	0,4%
6	Больница	1260	0,8%	0,3%
7	Лечить	1023	0,6%	0,2%
8	Помощь	961	0,6%	0,2%
9	Жизнь	958	0,6%	0,2%
10	Медик	953	0,6%	0,2%
11	Ребенок	901	0,5%	0,2%
12	Зарплата	897	0,5%	0,2%
13	Уровень	844	0,5%	0,2%
14	Страна	839	0,5%	0,2%
15	Медицинский	785	0,4%	0,2%
16	Услуга	776	0,4%	0,2%
17	Пациент	721	0,4%	0,2%
18	Лечение	715	0,4%	0,2%
19	Больная	669	0,4%	0,1%
20	Сумма	654	0,4%	0,1%

Таблица 5. Количественный анализ постов по медицине в соцсети Instagram

Table 5. Quantitative analysis of the posts on medicine in the social network "Instagram"

Параметр	Значение
Бессодержательность	56%
Повторяемость слов	13,45
Топ 10 слов	Врач, человек, ребенок, медицина, больница, говорить, поликлиника, бесплатный, платный, ехать
Словарь	1356 слов
Словарь ядра	1058 слов
Тематика	Медицина

Результаты контент-анализа постов по медицине в соцсети Instagram показывают, что ведущими категориями, употребляемыми пользователями, являются участники медицинского взаимодействия (врач, человек, ребенок), действия пациента (говорить, ехать), место получения медицинской услуги (больница,

Таблица 6. Статистика по словам, за исключением стоп-слов (соцсеть Instagram)

Table 6. Word statistics (stop words excluded) for the social network "Instagram"

№ п/п	Слово	Кол-во в тексте	% в ядре	% в тексте
1	Врач	6297	2,7%	1,2%
2	Человек	3973	1,7%	0,7%
3	Ребенок	2640	1,1%	0,5%
4	Медицина	2408	1,0%	0,4%
5	Больница	2342	1,0%	0,4%
6	Говорить	1813	0,7%	0,3%
7	Поликлиника	1748	0,7%	0,3%
8	Бесплатный	1387	0,6%	0,2%
9	Платный	1371	0,6%	0,2%
10	Ехать	1350	0,5%	0,2%
11	Год	1317	0,5%	0,2%
12	Помощь	1265	0,5%	0,2%
13	Работать	1147	0,4%	0,2%
14	Операция	1132	0,4%	0,2%
15	Очередь	1129	0,4%	0,2%
16	Пациент	1091	0,4%	0,2%
17	Слово	1084	0,4%	0,2%
18	Час	1072	0,4%	0,2%
19	Пройти	1063	0,4%	0,2%
20	Лечить	1006	0,4%	0,1%

поликлиника), стоимость услуги (бесплатный, платный). Здесь участники медицинского взаимодействия обсуждаются примерно в равной пропорции: и врачу, и пациенту уделяется внимание, но с большим фокусом на определенной группе пациентов — детей. Действиям пациента также отводится большее значение. Место получения и стоимость медицинских услуг является продолжением дискурса о большей важности для пользователей Instagram аспектов и условий получения медицинских услуг.

Здесь также обнаруживается достаточно высокая бессодержательность постов по медицинской тематике, что может свидетельствовать о том, что тексты пользователей содержат напрямую не относящуюся к медицине информацию. Повторяемость слов в тексте достаточно высока.

Наиболее часто встречаемые слова в постах по медицинской проблематике в соцсети Instagram: врач, человек, ребенок, медицина, больница, говорить, поликлиника, бесплатный, платный, ехать. По данным этой таблицы шире раскрываются актуальные вопросы, обозначенные выше: значимость пациента (человек, ребенок, пациент), его действий (говорить, ехать, пройти), условия получения медицинских услуг (больница, поликлиника, бесплатный, платный, операция, очередь, час). Вме-

сте с тем обязательно присутствуют высокие частоты упоминания самого врача и его действия (работать, помочь, лечить).

Можно предположить, что авторами постов по медицинской тематике соцсети Instagram являются, скорее, сами пациенты, которые обсуждают проблемы получения медицинских услуг: от возможностей приехать в больницу/поликлинику до стоимости процедур.

Топ-10 слов показывает, что по сравнению с изначально заданными поисковыми словами — врач, медицина, медицинский, больница, поликлиника, лекарство — в топ-10 не вошли слова «поликлиника» и «лекарство», но добавились такие слова, как:

- человек;
- ребенок;
- помощь;
- лечить;
- жизнь;
- работать;
- говорить;
- ехать;
- платный;
- бесплатный.

Отсутствие слов «поликлиника» и «лекарство» показывает, что по общим результатам для пользователей соцсетей место оказания медицинских услуг и средства лечения не обладают высокой значимостью. Вместо этого мы можем составить перечень проблем, которые обсуждаются в постах по медицинской тематике: человек в медицинской сфере (врач/пациент), действия в рамках медицинской сферы (как со стороны врача, так и со стороны пациента), стоимость медицинских услуг. Особым случаем здесь можно указать высокую частоту употребления слова «ребенок»: возможно, это означает, что если пользователь обсуждает возможности/проблемы медицинских услуг относительно пациента, то в первую очередь это касается именно ребенка, а не взрослого пациента. Можно предположить, что обеспокоенность здоровьем ребенка выше, чем здоровьем взрослого.

Анализ отношения к различным компонентам российской медицины

1. Тональность упоминания объектов и результаты лечения

На рис. 1 и 2 обозначено соотношение позиций пользователей двух соцсетей относительно медицины и врачей.

Из рис. 1, 2 видно, что тональность упоминания медицины выражено отрицательная, однако отношение к врачам в целом лучше, чем отношение к организации медицинской помощи.

При этом следует обратить внимание на то, что если результаты организации здравоохранения в целом негативные — «не смогли получить направление», «пришлось долго ждать», «пришлось далеко ехать на консультацию», «долго ждали скорую», «пришлось самим покупать лекарства», «не хватает среднего и младшего медицинского персонала в больницах», «грязь и антисанитария в больницах» и т.д., то результаты самого лечения оказываются в большей степени положительными, чем отрицательными. То есть врачи, несмотря ни на что, выполняют свою работу.

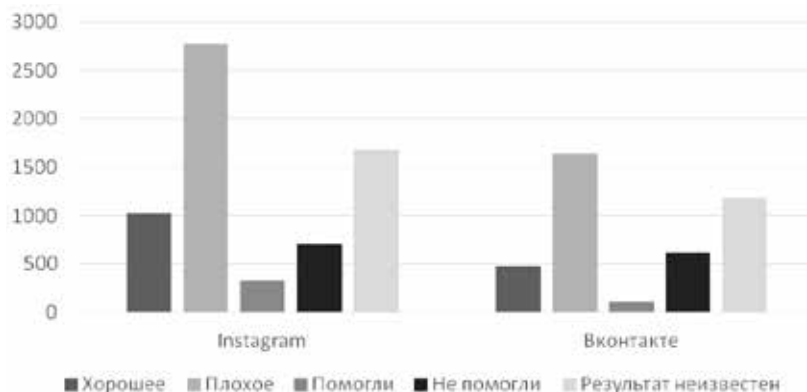

Рис. 1. Отношение к медицине и организации здравоохранения в соцсетях ВКонтакте и Instagram

Fig.1 Attitude to medicine and to healthcare arrangement in social networks "VKontakte" and "Instagram"

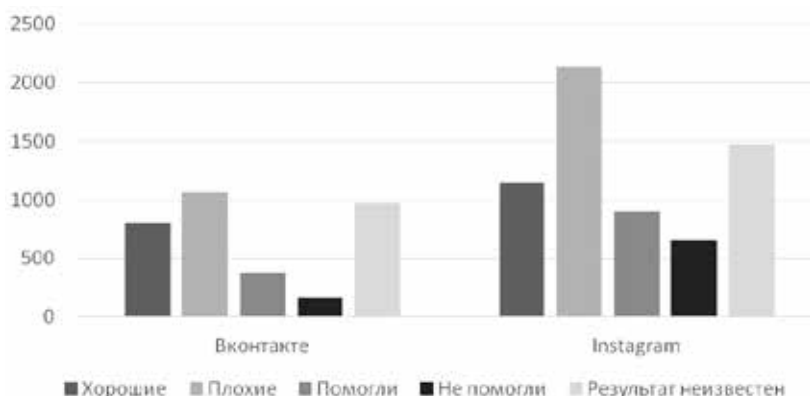

Рис. 2. Отношение к врачам и результаты лечения в соцсетях ВКонтакте и Instagram

Fig. 2 Attitude to doctors and results of medical treatment in social networks "VKontakte" and "Instagram"

Интересным представляется следующий факт: несмотря на высокий показатель негативного отношения к медицине и врачам, первый столбец — «Результат неизвестен», и только потом идут столбцы «Помогли/не помогли». Это означает, что негативное отношение у пользователей соцсетей не всегда (а может и реже) связано не с их личным опытом обращения к врачу и получением медицинских услуг. Пользователи высказывают критику в отношении медицины, не всегда зная и имея представление о том, чем закончится их личное взаимодействие с медицинской сферой. Здесь важен уровень характеристики «Результат неизвестен»: возможно, негативное отношение связано с чем-то другим: новости, рассказы других людей, мнение известного, авторитетного человека. Иными словами, пользователи соцсетей могут руководствоваться в своих постах по медицине социальными стереотипами

и слухами, т.е. индуцированным общественным мнением. Более того, часто сами посты представляют собой яркие примеры стереотипных высказываний. Данное предположение может быть подтверждено текстами постов. Во многих постах не указывается, какая проблема была у автора поста и каким образом она была решена. Приведем выдержки из постов (здесь и далее — сохранен авторский стиль постов и смайлики, как отражение эмоционального содержания поста).

«Уровень нашей медицины на уровне каменного века, скольких уже отправили на тот свет».

«Кругом шарлатаны, которым нужны Ваши деньги, а не Ваше здоровье».

«За границей надо лечиться, Там хоть врачи норм, не то что у нас. У меня знакомый на скорой работает».

«Наши не умеют правильно ставить диагнозы и назначать лечение».

Некоторые посты звучат предвзято, как по отношению к врачам, так и по отношению к организации медицинской помощи и профилактики.

«Мы прошли этот ужас медосмотр в год это жесть кто придумал ЭКГ в год и вообще кто делает медосмотр в обед дети в обед спят идиоты».

«Пихают всем антибиотики и все на этом, а когда спрашиваешь есть ли альтернатива, они с таким важным видом говорят тебе “ну раз вы умные все такие, че вы к нам едете”, обалдеть вообще. В общем сами со всем справились, лечимся дома. Хорошо что я дура такая оказалась, и поняла что приехали мы к ним все таки зря».

Исходя из сказанного, можно предположить, что реальное соотношение (по конкретным результатам обращения за медицинскими услугами) частотности позитивных и негативных высказываний в отношении как врачей, так и организации медицинской помощи, окажется иным, если исключить из рассмотрения мнения тех пользователей соцсетей, которые либо откровенно предвзяты, либо основаны на чужом мнении. Это, в частности, соответствует тем противоречивым результатам опросов ВЦИОМ, в которых негативное отношение ярче выражено у тех респондентов, которые реже пользуются медицинскими услугами, т.е. их негативное отношение обладает инертностью или возникают на не основанном на их опыте источнике.

2. «Хорошие» и «плохие» врачи. «Хорошая» и «плохая» медицина

На основании тональности высказываний были проанализированы характеристики «хороших» и «плохих» врачей, а также характеристики «хорошей» и «плохой» медицины. Результаты приведены на рис. 3 и 4.

Как видно на рис. 3, хорошие врачи характеризуются по двум параметрам: преданность делу и профессионализм. В то же время плохие врачи отличаются главным образом невнимательностью и некачественной диагностикой. При этом количество жалоб на невнимательность в два раза превосходит количество жалоб на неправильно поставленный диагноз. На основании сказанного можно сделать предположение, что большая часть жалоб на врачей, по сути, может быть отнесена к организации предоставления медицинских услуг, в рамках которой врачам выделяется ограниченное время на прием каждого пациента.

Из рис. 4 видно, что хорошая медицина характеризуется хорошей оснащенностью и внимательностью администрации медицинских центров. Интересно отметить, что подобно характеристике врачей здесь также уделяется большое значение внимательности персонала к обращениям пациентов.

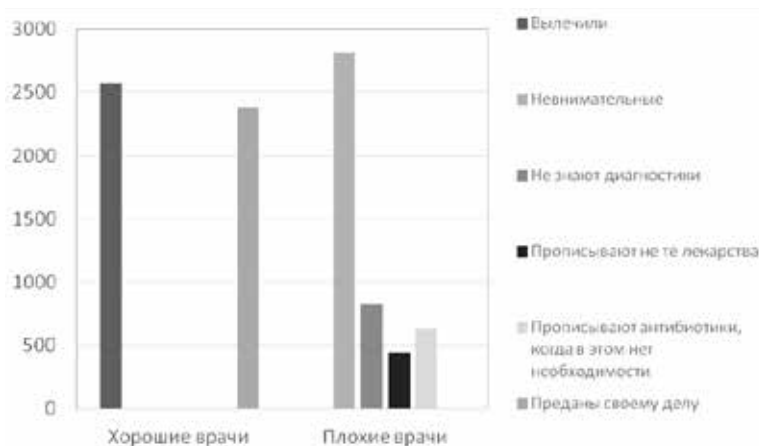

Рис. 3. Характеристики «хороших» и «плохих» врачей соцсетях ВКонтакте и Instagram
 Fig. 3. Characteristics of “good” and “bad” doctors in social networks “VKontakte” and “Instagram”

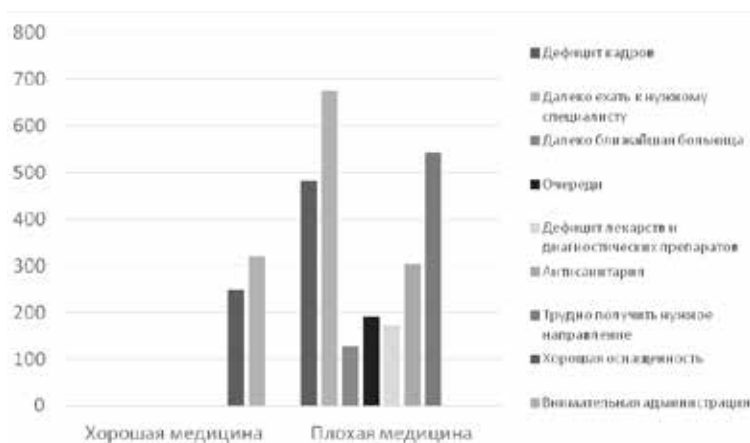

Рис. 4. Характеристики «хорошей» и «плохой» медицины соцсетях ВКонтакте и Instagram
 Fig. 4. Characteristics of “good” and “bad” medicine in social networks “VKontakte” and “Instagram”

Далее рассмотрим претензии к организации здравоохранения.

3. Что не нравится пользователям соцсетей в организации современного здравоохранения.

В целом пользователи соцсетей ВКонтакте и Instagram, выражают негативное отношение к здравоохранению. Отмечаются такие проблемы, как дефицит кадров высшего, среднего и младшего персонала, отдаленность нужных медицинских центров и специалистов, трудности с получением направления к нужным специа-

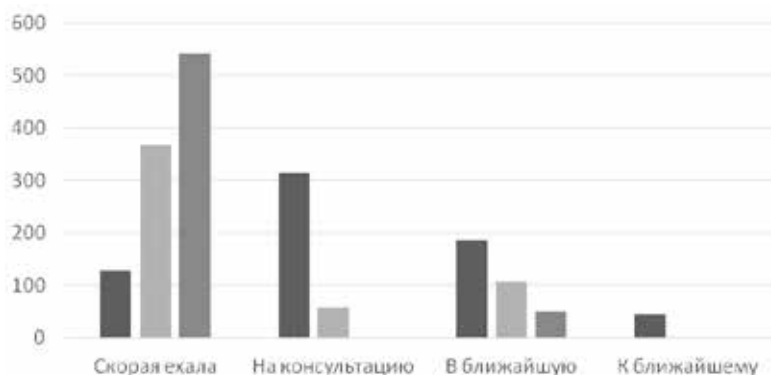

Рис. 5. Контекст употребления слова «ехать» в постах соцсетей ВКонтакте и Instagram
 Fig.5. "Come" and "go" with reference to a doctor's visit or / and calling an ambulance in social networks "VKontakte" and "Instagram"

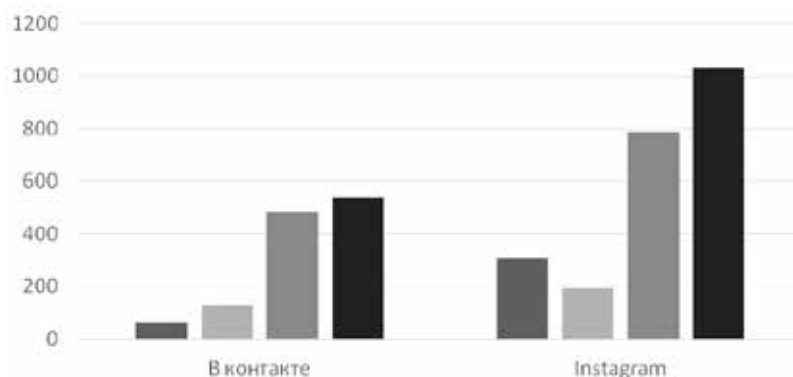

Рис. 6. Отношение к платной и бесплатной медицинской помощи в соцсетях ВКонтакте и Instagram
 Fig.6. Attitude to Commercial and Free Medical Service in social networks "VKontakte" and "Instagram"

листам, очереди, дефицит лекарств и диагностических препаратов, антисанитария в больницах.

Ниже приведены цитаты из постов.

На периферии в глубинках вообще атас, люди вынуждены ехать в областные центры, чтобы получить хоть какую-то мед. помощь, так как в их субъектах больницы может вообще не быть (даже фапы закрываются).

Так же дефицит кадров(всех уровней квалификации) везде, местами аж до 70%+. После указов о повышении зарплат медикам, эти самые зарплаты стали только меньше (оклад повысился, но уменьшились премии и доп. выплаты: вредность, квалификация, переработка и прочее).

Всё выполнимо кроме охвата профосмотрами, на которых рухнул СССР.

Задействование практиков в осмотре здоровых — обнуление навыков (и далее по списку).

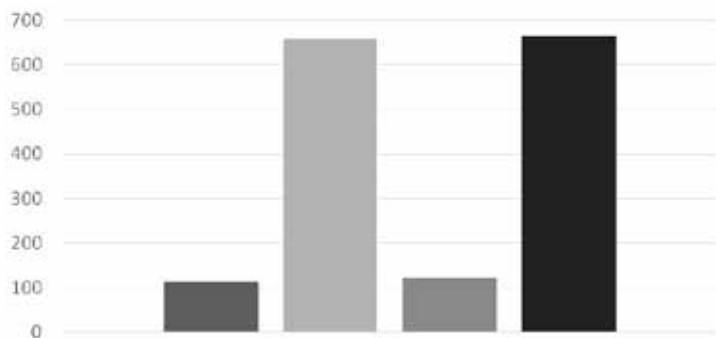

Рис. 7. Показатели бескорыстной помощи и вымогательства денег в Москве и регионах в постах соцсетей ВКонтакте и Instagram

Fig.7. Indices of disinterested aid and money extortion in Moscow and in the regions posted in social networks "VKontakte" and "Instagram"

4. Объяснение появления слов «ехать», «платный», «бесплатный» в списке топ 10 (в целом по массиву).

В рамках дискурса о качестве медицинских услуг в российских медицинских учреждениях представляется важным обратиться к анализу таких часто встречаемых слов, как «ехать», «платный», «бесплатный» (рис. 5, 6 и 7).

Авторы постов часто пишут о ситуациях с вызовом скорой помощи как с положительной, так и отрицательной оценкой. В негативном ключе говорят о поездках к врачу, на консультацию и в ближайшую больницу.

Слова «платный» и «бесплатный» относятся либо к платным медицинским услугам и услугам по полису ОМС, либо к вымогательству денег врачами (рис. 6).

Из рис. 6 можно видеть, что пользователи сети Instagram в целом чаще обращаются к услугам платной медицины. Количество обращений к услугам по полису ОМС приблизительно в 5 раз превышает количество обращений к платным медицинским услугам.

При этом качество предоставляемых бесплатных услуг пользователями обеих соцсетей оценивается одинаково (ответы «не помогли» звучат чаще, чем ответы «помогли»), а вот качество платных медицинских услуг выше оценивается пользователями сети Instagram, в то время как пользователи сети ВКонтакте считают, что платная медицина чаще не помогает, чем помогает, и нацелена на то, чтобы заработать, а не вылечить.

Наконец, жалобы на вымогательство денег врачами чаще звучат в регионах, чем в столице (рис. 7).

Как видим, несмотря на жалобы на вымогательство денег, значительно преобладает помощь, за которую врачи не требуют вознаграждения. Это обстоятельство еще раз заставляет задуматься о реальном соотношении позитивных и негативных результатов лечения в сравнении с имеющимися отзывами пользователей.

Выводы

По результатам пилотного исследования отношения пользователей социальных сетей ВКонтакте и Instagram к качеству оказания медицинских услуг были получены следующие данные.

1. На основе анализа частот употребления слов медицинской тематики можно сделать вывод о том, что наиболее часто встречаемыми категориями являются субъекты медицинского взаимодействия (чаще врачи; однако спецификой постов пользователей Instagram является обращение к проблематике пациента, причем иногда наиболее значимым пациентом является ребенок и детское лечение), деятельность врача (лечение) и пациента (возможность доехать до медицинского учреждения), медицинское учреждение, качество и стоимость медицинских услуг. Несмотря на достаточное разнообразие обсуждаемых вопросов, установлено, что тексты в постах отличаются высокой бессодержательностью и высокой повторяемостью слов, что может означать, что посты носят не информационный характер (факты, цифры, перечисление проблем и др.), а возможно, служат эмоциональной разрядкой после какой-либо ситуации в рамках медицинского взаимодействия. В частности, это может быть связано с неудачным лечением себя или ребенка, высокой стоимостью услуг, неудовлетворительными условиями лечения и др.

2. На основе содержательного анализа постов пользователей соцсетей по медицинской тематике можно сделать выводы об отношении пользователей соцсетей к медицине.

2.1. Наблюдается выраженная критика современного состояния медицины в России. В целом в восприятии качества врачей и организации здравоохранения преобладает негативная тональность. При этом качество профессионализма врачей оценивается выше, чем качество организации здравоохранения. Большая часть жалоб на врачей может быть отнесена к организации предоставления медицинских услуг, в рамках которой врачам выделяется ограниченное время на прием каждого пациента, что воспринимается как невнимательность и незаинтересованность врача в пациенте.

2.2. Многие жалобы основаны не на личном опыте пользователей соцсетей и звучат в рамках выражения общественного мнения либо звучат предвзято, даже если они основаны на личном опыте, что говорит о том, что реальное соотношение случаев эффективного и неэффективного оказания медицинских услуг должно быть пересмотрено.

3. Выдвинутая гипотеза исследования подтвердилась и может быть раскрыта в следующих положениях:

3.1. Тексты пользователей соцсетей ВКонтакте и Instagram характеризуются достаточно высокой бессодержательностью, что может объясняться желанием пользователей просто выразить свою точку зрения, получить эмоциональную разрядку.

3.2. Отношение пользователей соцсетей к медицине часто основано на негативном личном опыте, а также формируется социальными стереотипами или чьим-то индуцированным мнением.

Проведенное исследование показывает важность использования контент-анализа соцсетей по медицинской проблематике в целях мониторинга общественного мнения, а также отзывов о конкретных медицинских учреждениях. Такой срез данных позволяет рассматривать новые проблемы в данной сфере (характеристики «хорошей» и «плохой» медицины, вымогательство денег, потребности, портрет идеального врача и др.), которые часто не охватываются социальными опросами или маркетинговыми исследованиями.

Библиографический список

- Ачкасов, Е. Е., Шурупова, Р. В., Куршев, В. В. (2015). Формирование позитивного имиджа врача в процессе профессионального образования (по материалам контент-анализа СМИ). *Социология образования*, 6, 79–96.
- Вершинин, Е. Г., Ковалёва, М. Д., Хвастунова, Е. П. (2015). Какие новые социальные проблемы медицины интересуют отечественных исследователей? *Международный журнал экспериментального образования*, 8–1, 14–16.
- Всероссийский центр изучения общественного мнения. (2017). Врач в России: доверие пациентов, доходы, положение в обществе. Режим доступа <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3590>
- Всероссийский центр изучения общественного мнения. (2018). Каждому возрасту — свои соцсети. Режим доступа <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691>
- Григорьева, С. В., Дмитриева, Т. В. (2015). Социальные сети как каналы распространения недостоверной информации, формирующие общественное мнение. В Е. А. Ильин (ред.) *Информационное пространство региона: история, современность и актуальные проблемы: сборник научных статей* (с. 46–51). Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева.
- Кузьмин, К. В., Семенова (Павленко), Е. В., Петрова, Л. Е., Закроева, А. Г. (2016). *Коммуникация врача и пациента: прошлое, настоящее, будущее (исторический и медико-социологический анализ)*. Екатеринбург: «Южно-Уральский государственный медицинский университет».
- Ледовая, Я. А., Паничева, П. В., Причисленко, А. Г., Бутаков, Н. А. (2017). Научная составляющая текстов по психологии, публикующихся в социальной сети «ВКонтакте». *Вопросы психологии*, 6, 79–91.
- Литовка, В. А. (2013). Контент-анализ рекламных фотографий клиник репродуктивной медицины. *Теория и практика общественного развития*, 10, 136–138.
- Никитин, П. В., Мурадянц, А. А., Шостак, Н. А. (2015). Мобильное здравоохранение: возможности, проблемы, перспективы. *Клиницист*, 9 (4), 13–21.
- Панова, Е. Л., Турская, М. С. (2018). Социальные сети и организация внеаудиторного обучения студентов в системе высшего медицинского образования. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*, 26 (1), 48–52.
- Полынская, Г. А., Месропян, М. Г. (2018). Выявление моделей и трендов поведения пациентов при использовании электронных приложений и Интернет-ресурсов для самодиагностики. *Бизнес-информатика*, 1 (43), 28–38.
- Савельева, Ж. В. (2011). Потребление медицинских услуг или оказание медицинской помощи: конструирование образов платной и бесплатной медицины средствами массовой коммуникации. *Журнал социологии и социальной антропологии*, Т. XIV (5), 347–355.
- Семенова, О. А. (2016). Региональные СМИ о проблемах здравоохранения и путях их решения. В О. И. Лепилкина, А. М. Горбачев (ред.) *Медиагентства СКФУ: сборник научных статей Всероссийского научного семинара* (с. 169–174). Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет.
- Храбан, Т. Е. (2017). Дискурсивный анализ распространения ложной информации в социальных сетях. *Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова*, 24, 127–132.
- Чижик, А. В. (2016). Факторы формирования социального настроения на основе анализа эмоциональной окраски постов в русскоязычном Twitter. *Новые информационные технологии в автоматизированных системах*, 19, 61–64.
- Bollen, J., Mao, H., & Zeng, X. (2011). Twitter Mood Predicts the Stock Market. *Journal of computational science*, 2 (1), 1–8. DOI: 10.1016/j.jocs.2010.12.007
- Gergen, K. J. (1985). The Social Constructionist Movement in modern Psychology. *American Psychologist*, 40 (3), 266–275. DOI: 10.1037/0003-066X.40.3.266

- Hastie, T., Tibshirani, R., & Friedman, J. (2009). *The Elements of Statistical Learning: Data Mining, Inference, and Prediction*. New York, NY: Springer.
- Pang, B., & Lee, L. (2008). Opinion Mining and Sentiment Analysis. *Foundations and Trends in Information Retrieval*, 2 (1–2), 1–135. DOI: 10.1561/15000000011
- Pennebaker, J. W., Boyd, R. L., Jordan, K., & Blackburn, K. (2007). The Development and Psychometric Properties of LIWC2007. *LIWC2007*, 1–22.

Статья поступила в редакцию 13.07.2018

Статья принята к публикации 20.12.2018

Для цитирования: Никольская А.В., Костригин А.А. Применение метода контент-анализа в изучении отношения пользователей социальных сетей к современной российской медицине. — Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 1. С. 72–90.

CONTENT ANALYSIS AS A METHOD TO RESEARCH THE ATTITUDE TO MEDICINE IN MODERN RUSSIA ON THE BASIS OF THE DATA COLLECTED FROM THE USERS' POSTS IN SOCIAL NETWORKS "VKONTAKTE" AND "INSTAGRAM"

A. V. Nikolskaya, A. A. Kostargin

Anastasia V. Nikolskaya. E-mail: tonokazutoya@gmail.com.
ORCID 0000-0001-8821-5177

Artem A. Kostargin. E-mail: artdzen@gmail.com.
ORCID 0000-0002-5454-7357

Kosygin Russian State University, Sadovnicheskaya Str., 33, Bld. 1, Moscow, 117997, Russia.

Abstract. The article analyzes the Russian readers' attitude to medicine and to healthcare. The research is carried out on the data of public opinion polls on the problem. The reliability of the data is pointed out. Content analysis is suggested as a perspective method to examine the attitude to medicine and healthcare, on the basis of studying social networks' texts and the users' posts. Problems and potentialities of content analysis in this area are touched upon and discussed. The object of the research is to study the public's attitude to medicine. The quantitative and the qualitative varieties of content analysis have been used to study social posts on medical issues in "VKontakte" and "Instagram" social networks. As a result, the authors have singled out various characteristics of the texts posted by the users, namely, the most frequently occurring words, "water" content, "nausea" of the text, stop words and the core of the text. On the basis of the data obtained, the authors have drawn their conclusions concerning the users' attitude to Russian medicine, i.e., what is the users idea of "good doctors" and "bad doctors", of their attitude to commercial and free medicine, and of disinterested aid and money extortion in medical service. On the basis of the data obtained, the authors conclude that content analysis makes it possible to set new research and applied tasks in the area of studying public opinion on various issues, as well as to draw attention to problems that are insufficiently covered in social polling. To name but a few, they are the characteristics of "good" and "bad" medicine and the ideal doctor, money extortion, the public's needs, etc.

Keywords: content analysis, social networks, public opinion, medicine, doctor, commercial medicine, free medicine, attitude to medicine, healthcare.

DOI: 10.31429/26190567-20-1-72-90

References

- Achkasov, E. E., Shurupova, R. V., Kurshev, V. V. (2015). Formirovaniye pozitivnogo imidzha vracha v protsesse professional'nogo obrazovaniya (po materialam kontent-analiza SMI) Formation of Positive Image of the Doctor in the Course of Professional Education (on Materials of the Content Analysis of Mass Media)]. *Sotsiologiya obrazovaniya* [Sociology of Education], 6, 79–96.

- Bollen, J., Mao, H., & Zeng, X. (2011). Twitter Mood Predicts the Stock Market. *Journal of computational science*, 2 (1), 1–8. DOI: 10.1016/j.jocs.2010.12.007
- Chizhik, A. V. (2016). Faktory formirovaniya sotsial'nogo nastroyeniya na osnove analiza emotsional'noi okraske postov v russkoyazychnom Twitter [Factors of Social Mood Formation Revealed through the Analysis of Emotional Coloring of Posts on the Russian-Language Twitter]. *Novye informatsionnye tekhnologii v avtomatizirovannykh sistemakh* [New Information Technologies in Automation Systems], 19, 61–64.
- Gergen, K. J. (1985). The Social Constructionist Movement in modern Psychology. *American Psychologist*, 40 (3), 266–275. DOI: 10.1037/0003-066X.40.3.266
- Grigor'eva, S. V., Dmitrieva, T. V. (2015). Sotsial'nye seti kak kanaly rasprostraneniya nedostovernoi informatsii, formiruyushchie obshchestvennoe mnenie [Social Networks as Channels which Disseminate Unreliable Information and Shape Public Opinion]. In E. A. Il'in (Eds.) *Informatsionnoe prostranstvo regiona: istoriya, sovremennost' i aktual'nye problemy: sbornik nauchnykh statei* [Information Space of the Region: History, the Present and Focal Problems] (46–51). Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. I. Ya. Yakovleva.
- Hastie, T., Tibshirani, R., & Friedman, J. (2009). *The Elements of Statistical Learning: Data Mining, Inference, and Prediction*. New York, NY: Springer.
- Khraban, T. E. (2017). Diskursivnyi analiz rasprostraneniya lozhnoi informatsii v sotsial'nykh setyakh [The Discourse Analysis of Unreliable Information Dissemination in Social Networks]. *Uchenye zapiski UO VGU im. P.M. Masherova* [Bulletin of Vitebsk State University named after P.M. Masherov], 24, 127–132.
- Kuz'min, K. V., Semyonova (Pavlenko), E. V., Petrova, L. E., Zakroeva, A. G. (2016). *Kommunikatsiya vracha i patsienta: proshloe, nastoyashchee, budushchee (istoricheskii i mediko-sotsiologicheskii analiz)* [Doctor-Patient Communication: the Past, the Present and the Future (Historical and Medico-sociological Analysis)]. Ekaterinburg: "Yuzhno-Ural'skii gosudarstvennyi meditsinskii universitet".
- Ledovaya, Ya. A., Panicheva, P. V., Prichislenko, A. G., Butakov, N. A. (2017). Nauchnaya sostavlyayushchaya tekstov po psikhologii, publikuyushchikhsya v sotsial'noi seti "Vkontakte" [A Scientific Component of Psychology Texts Published in the Social Network "VKontakte"]. *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology], 6, 79–91.
- Litovka, V. A. (2013). Kontent-analiz reklamnykh fotografii klinik reproduktivnoi meditsiny [Content-Analysis of Advertisement Photos of Reproductive Medicine Clinics]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Public Development], 10, 136–138.
- Nikitin, P. V., Muradyants, A. A., Shostak, N. A. (2015). Mobil'noe zdravookhranenie: vozmozhnosti, problemy, perspektivy [Mobile Healthcare: Possibilities, Problems, Prospects]. *Klinitsist* [The Clinician], 9 (4), 13–21.
- Pang, B., & Lee, L. (2008). Opinion Mining and Sentiment Analysis. *Foundations and Trends in Information Retrieval*, 2 (1–2), 1–135. DOI: 10.1561/1500000011
- Panova, E. L., Tutorskaya, M. S. (2018). Sotsial'nye seti i organizatsiya vneauditornogo obucheniya studentov v sisteme vysshego meditsinskogo obrazovaniya [Social Networks and the Organization of Out-of-class Teaching in the System of Higher Education (Medicine)]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny* [Problems of Social Hygiene, Healthcare and History of Medicine], 26 (1), 48–52.
- Pennebaker, J. W., Boyd, R. L., Jordan, K., & Blackburn, K. (2007). The Development and Psychometric Properties of LIWC2007. *LIWC2007*, 1–22.
- Polynskaya, G. A., Mesropyan, M. G. (2018). Vyyavlenie modelei i trendov povedeniya patsientov pri ispol'zovanii elektronnykh prilozhenii i Internet-resursov dlya samodiagnostiki [Identification of Models and Trends of Patients' Behavior in Self-Diagnostics with the Help of Electronic Applications and Internet Resources]. *Biznes-informatika* [Business Informatics], 1 (43), 28–38.

- Russian Public Opinion Research Center. (2017). Vrach v Rossii: doverie patsientov, dokhody, polozhenie v obshchestve [A Doctor in Russia: The Patients' Confidence, Incomes, Status]. Retrieved from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3590>
- Russian Public Opinion Research Center. (2018). Kazhdomu vozrastu — svoi sotsseti [An Individual Social Network to Each Age Group]. Retrieved from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691>
- Savel'eva, Zh. V. (2011). Potreblenie meditsinskikh uslug ili okazanie meditsinskoi pomoshchi: konstruirovaniye obrazov platnoi i besplatnoi meditsiny sredstvami massovoi kommunikatsii [Consumption of Medical Services or Medical Care: Constructing Images of Paid and Free Medicine in the Media]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 14 (5), 347–355.
- Semenova, O. A. (2016). Regional'nye SMI o problemakh zdavookhraneniya i putyakh ikh resheniya [Regional Mass Media on Healthcare Problems and Their Solutions]. In O.I. Lepilkina, A.M. Gorbachev (Eds.) *Mediachteniya SKFU: sbornik nauchnykh statei Vserossiiskogo nauchnogo seminara* [Media Readings of the North-Caucasian Federal University: Collected Articles of the All-Russian Scientific Seminar] (169–174). Stavropol': Severo-Kavkazskii federal'nyi universitet.
- Vershinin, E. G., Kovaleva, M. D., Khvastunova, E. P. (2015). Kakie novye sotsial'nye problemy meditsiny interesuyut otechestvennykh issledovatelei? [What New Social Problems of Medicine are Interested for Russian Researchers?]. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education], 8–1, 14–16.

Received 13.07.2018

Accepted 20.12.2018

For citation: Nikolskaya A.V., Kostrigin A.A. Content Analysis as a Method to Research the Attitude to Medicine in Modern Russia on the Basis of the Data Collected from the Users' Posts in Social Networks "Vkontakte" and "Instagram". — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 1. Pp. 72-90.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЕДИНСТВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Я. А. Пономаренко

Пономаренко Ярослав Андреевич, Астраханский государственный университет, ул. Татищева, 20А, Астрахань, 414056, Россия. E-mail: e.kaeva@ya.ru

Аннотация. В современных исследованиях государственной политики по обеспечению национальной безопасности внимание акцентируется на вопросах взаимодействия различных органов власти и проблемах обеспечения единства государственной политики. В условиях России эта проблема приобретает специфический характер вследствие особенностей отечественной модели федерализма и проводимой политики с учетом вертикали управления. На современном этапе научного исследования механизмы и практики взаимодействия различных уровней власти при реализации политики обеспечения национальной безопасности еще не изучены. В условиях Российской Федерации формируются особые механизмы взаимодействия федеральных органов власти и органов власти субъектов Федерации при проведении политики по обеспечению национальной безопасности. На основании изучения эмпирического материала Астраханской и Волгоградской областей выявлено развитие механизмов взаимодействия органов власти разного уровня. Раскрыта роль отдельных органов управления, чья деятельность способствует обеспечению единства государственной политики. Представлена оценка института антитеррористических комиссий как основного механизма обеспечения единства государственной политики Российской Федерации в области национальной безопасности. При проведении исследования использованы метод сравнительного анализа и метод контент-анализа. Метод сравнительного анализа позволил оценить особенности и различия реализации государственных целевых программ Астраханской и Волгоградской областей. Метод контент-анализа использован при изучении официальных документов и нормативно-правовых актов по вопросам национальной безопасности. Эмпирическую основу исследования составили нормативно-правовые акты двух уровней государственной власти, статистические и информационные материалы и ресурсы, отчеты органов государственной власти Астраханской и Волгоградской областей по реализации целевых программ и мероприятий.

Ключевые слова: национальная безопасность, государственная безопасность, правоохранительные органы, противодействие терроризму.

Введение

В условиях федеративного государства особой задачей является обеспечение единства государственной политики и эффективного взаимодействия органов государственной власти разных уровней в решении общественно значимых задач.

В современной системе государственного управления дополнительным вызовом единства государственной политики выступает принцип разделения властей, независимости ветвей власти друг от друга. Взаимодействие органов государственной власти разных уровней при осуществлении политики национальной безопасности относится к числу актуальных научных проблем в зарубежной науке (Alexander, 2013, Buzan, Hansen, 2009, Hijzen, 2014). Современная наука все больше внимания обращает на организационное обеспечение политики национальной безопасности (Williams, 2012, Musco, 2016).

При рассмотрении вопроса о единстве государственной власти принципиальное значение имеет следующее обстоятельство: законодательные органы разных

уровней власти России не провозглашаются элементами единой системы, при этом в единую систему государственной власти входят органы исполнительной власти Российской Федерации и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации (Борискова, 2014, с. 139). Таким образом, в соответствии с конституционными принципами организации власти в России органы законодательной власти обладают большей степенью автономности. По отношению к органам власти Российской Федерации их единственное ограничение заключается в необходимости соблюдения нормативных правовых актов, принятых на федеральном уровне. В отличие от них, органы исполнительной власти субъектов Федерации встроены в систему взаимодействия с органами власти федерального подчинения, и их деятельность соотнобразуется с деятельностью органов власти федерального уровня.

Проблема обеспечения единства и взаимодействия органов государственной власти разных уровней при реализации политики обеспечения национальной безопасности приобретает особую остроту в условиях современной трансформации российского федерализма. Авторский подход к изучению этой проблемы заключается в изучении организационно-правовых основ взаимодействия органов государственной власти при реализации политики обеспечения национальной безопасности на основании рассмотрения опыта двух пограничных субъектов Федерации Южного федерального округа (Астраханской и Волгоградской областей).

Цель исследования — выявить специфику организационных основ взаимодействия органов государственной власти разных уровней при реализации политики обеспечения национальной безопасности на примере указанных регионов. В связи с этим задачами исследования выступают определение развития организационных форм взаимодействия органов государственного управления, изучение представительства субъектов Федерации в составе антитеррористических комиссий, изменение роли оперативных штабов, определение этапов эволюции антитеррористических комиссий в контексте взаимодействия федеральных и региональных органов власти.

С начала 2000-х гг. происходит развитие нормативно-правовых основ взаимодействия органов власти Российской Федерации и субъектов Федерации. В частности, в 2005 г. Президент России подписал Указ «Вопросы взаимодействия и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти» (Указ Президента...). В дальнейшем эти вопросы были конкретизированы в Постановлении Правительства РФ от 5 декабря 2005 г. № 725 г. «О взаимодействии и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти» (Постановление Правительства РФ...).

Состояние проблемы

В отечественной традиции категория «взаимодействие» по отношению к органам государственной власти применяется преимущественно в контексте отдельных, не подчиненных друг другу участников управления, совместно решающих какую-либо общую задачу (Погодина, 2003).

Отечественный исследователь О.А. Челпаченко, обосновывая применение категории «взаимодействие» в сфере обеспечения национальной безопасности, определяет, что взаимодействие органов обеспечения национальной безопасности России — это «согласованная... их совместная деятельность, направленная на

обеспечение национальной безопасности РФ, то есть на создание и поддержание такого экономического, политического, международного и военно-стратегического положения страны, которое бы создавало благоприятные условия для развития личности, общества и государства» (Челпаченко, 2012, с. 17).

В официальных документах Российской Федерации по вопросам национальной безопасности категория «взаимодействие» используется только в контексте отношений органов государственной власти и институтов гражданского общества, но не в контексте отношений органов государственной власти разных уровней.

В зарубежной литературе детально исследован вопрос о взаимодействии с органами, обеспечивающими национальную безопасность, других ветвей государственной власти (Ben-Haim, 2016, Born, Leigh, 2005, Bochel, 2014). Взаимодействию различных органов и ветвей власти при осуществлении политики обеспечения безопасности в Европе (Wright, Kreisel, 2015) и отдельных странах мира (Cairney, 2006, Defty, Bochel, Kirkpatrick, 2014) посвящены отдельные исследования.

В современной научной литературе признается отсутствие в деятельности по обеспечению национальной безопасности надежных механизмов правового регулирования взаимодействия органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Федерации. В частности, О. А. Челпаченко существенным недостатком современной системы обеспечения национальной безопасности называет отсутствие федерального закона, закрепляющего механизм проведения согласительных процедур для устранения разногласий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов (Челпаченко, 2011, с. 18). При этом, если законодательные формы такого взаимодействия являются недостаточными или, по оценке некоторых специалистов, отсутствуют, то фактически развитие таких институтов и механизмов происходит на практике (Новоселов, 2016; Усманов, 2012; Шободоева, 2015).

Тем не менее конкретные механизмы взаимодействия органов государственной власти разных уровней при осуществлении политики обеспечения национальной безопасности в России остаются недостаточно изученными.

Методология и методика исследования

Гипотеза исследования состоит в том, что организационные основы системы взаимодействия органов государственной власти в политике обеспечения национальной безопасности, определяемые в наиболее фундаментальных чертах на федеральном уровне, уточняются и приобретают специфику на уровне отдельных субъектов Федерации.

Метод сравнительного анализа позволил оценить особенности и различия реализации государственных целевых программ Астраханской и Волгоградской областей.

Эмпирической основой исследования послужили нормативные правовые акты Российской Федерации и субъектов Федерации, статистические и информационные материалы и ресурсы, отчеты органов государственной власти Астраханской и Волгоградской областей по реализации целевых программ и мероприятий, относящихся к обеспечению национальной безопасности, материалы периодической печати по вопросам реализации государственной политики обеспечения национальной безопасности.

При изучении официальных документов и нормативных правовых актов по вопросам национальной безопасности был использован метод контент-анализа.

Юридическим основанием для участия органов государственной власти субъекта Российской Федерации в политике, в деятельности по борьбе с экстремизмом, терроризмом, а также в иных вопросах, преимущественно относящихся к компетенции правоохранительных органов власти федерального подчинения, является Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», в котором закрепляется право высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Федерации осуществлять меры по противодействию терроризму и экстремизму в пределах своих полномочий с их финансированием за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации, снижения влияния угроз терроризма и экстремизма на экономическую и социально-политическую обстановку в регионе.

Наряду с этим органы власти субъекта Федерации имеют очевидные ограничения в возможности влиять на государственную правоохранительную политику и т.д. Поскольку в вопросах обеспечения правопорядка, борьбы с преступностью основные полномочия принадлежат федеральным органам власти, органы власти субъекта Федерации должны найти свое место в управлении вопросами обеспечения национальной безопасности. В Астраханской области на официальном уровне еще в 2012 г. были определены основные задачи региональных властей в этом направлении деятельности, среди них — «поддержание комплексной системы мер по профилактике и предупреждению экстремистских и террористических проявлений», «мотивация деятельности граждан, институтов гражданского общества к участию в предупреждении (пресечении) экстремистских и террористических проявлений», «формирование позитивного отношения и создание условий для содействия граждан проведению мероприятий антиэкстремистской и антитеррористической направленности» (Распоряжение Правительства Астраханской области..., 2012).

Результаты исследования

Анализ документов позволил установить, что непосредственными целями участия органов власти субъекта Федерации в деятельности по борьбе с угрозами национальной безопасности в части противодействия экстремизму и терроризму являются скорее косвенные, чем прямые формы борьбы с этими угрозами. К таким формам относятся создание и поддержание условий, затрудняющих преступную деятельность на территории региона, противодействие распространению идей терроризма и экстремизма, активизация информационно-пропагандистской работы.

В системе органов власти Астраханской области развивается институциональная основа их участия в реализации государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности (Усманов, 2015, с. 61). В частности, значительную роль играет такое структурное подразделение администрации губернатора Астраханской области, как управление по взаимодействию с воинскими частями и правоохранительными органами.

Среди задач управления — участие в обеспечении безопасности, противодействие незаконному обороту наркотических средств, профилактика терроризма, минимизация и ликвидация последствий его проявлений на территории области.

В настоящее время уточняются должностные обязанности отдельных руководящих должностных лиц Астраханской области в связи с вопросами, относящимися к национальной безопасности. Так, в 2015 г. были существенно расширены

обязанности вице-губернатора — председателя Правительства области, уточнены его обязанности относительно взаимодействия с территориальными подразделениями федеральных правоохранительных органов, а именно: его ответственность за подготовку оглашений, проведение определенных мероприятий и т.д. Среди заместителей председателя Правительства особые обязанности в сфере обеспечения национальной безопасности были возложены на заместителя председателя Правительства области по функционированию систем жизнеобеспечения и экологической безопасности: это должное лицо организует разработку государственных программ Астраханской области по профилактике терроризма, минимизации и ликвидации последствий его проявлений, принимает меры по устранению предпосылок для возникновения конфликтов, формирования социальной базы терроризма, организует принятие мер по устранению факторов, способствующих возникновению и распространению идеологии терроризма. Уточнены конкретные обязанности в рамках проведения деятельности по борьбе с терроризмом таких должностных лиц, как министр здравоохранения области, министр образования области и т.д.

Таким образом, в 2010-х гг. в руководстве Астраханской области сформированы необходимые институциональные условия для деятельности по взаимодействию с федеральными органами власти в реализации государственной политики по обеспечению национальной безопасности. По нашему мнению, на современном этапе данное распределение функций в системе органов власти субъекта Федерации может быть признано адекватным к необходимым управленческим задачам, достаточным для эффективного взаимодействия на разных уровнях государственного управления.

В Волгоградской области складывается иная конфигурация органов и должностных лиц региона, ответственных за решение вопросов, относящихся к национальной безопасности. Основными двумя структурными подразделениями администрации Волгоградской области, ответственными за политику в этом направлении, являются Комитет по делам национальностей и казачества Волгоградской области и Комитет по обеспечению безопасности жизнедеятельности населения Волгоградской области.

Комитет по делам национальностей и казачества Волгоградской области «участвует в организации мер, направленных на предупреждение и разрешение межэтнических конфликтов, противодействие экстремистским и другим противоправным проявлениям в сфере межэтнических отношений (Постановление губернатора Волгоградской области..., 2013).

В 2010 г. Комитет также получил функции по обеспечению безопасности населения региона. Одна из основных задач Комитета — содействие профилактике и предупреждению правонарушений, межэтнических конфликтов. Комитет является ответственным исполнителем программы «Укрепление единства российской нации и развитие казачества на территории Волгоградской области».

Комитет по обеспечению безопасности жизнедеятельности населения Волгоградской области в своей деятельности ориентирован на решение задач по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, пожарной безопасности, безопасности людей на водных объектах, гражданской обороны (Постановление губернатора Волгоградской области..., 2012). Функциональная ориентация этого структурного подразделения администрации Волгоградской области обуславливает необходимость его постоянного сотрудничества с Главным управлением МЧС России по региону.

Одним из новых институциональных инструментов координации деятельности органов власти при проведении политики к сфере обеспечения национальной безопасности являются региональные антитеррористические комиссии.

Создание системы антитеррористических комиссий в России на федеральном и региональном уровнях управления берет свое начало в 1997 г (Постановление Правительства РФ..., 1997). В январе 1997 г. Постановлением Правительства России была образована Межведомственная антитеррористическая комиссия Российской Федерации, а руководителям органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации было рекомендовано создать межведомственные антитеррористические комиссии на региональном уровне. В Астраханской области такая межведомственная антитеррористическая комиссия была создана нормативным правовым актом губернатора области в феврале 1997 г. В Волгоградской области соответствующий институт был образован более чем на полгода позже — в октябре 1997 г.

В последующий период структура и статус соответствующих комиссий претерпели существенные изменения как на федеральном, так и на региональном уровне управления.

В принятом в ноябре 1998 г. Постановлении Правительства России комиссия на федеральном уровне была реорганизована в Федеральную антитеррористическую комиссию, руководителям органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации было рекомендовано создать региональные антитеррористические комиссии до 1 сентября 1999 г. В Волгоградской области соответствующая реорганизация и переименование комиссии произошло в августе 1999 г. В Астраханской области реорганизация межведомственной антитеррористической комиссии области в региональную антитеррористическую комиссию была произведена Постановлением губернатора в 2001 г. (Постановление главы администрации Астраханской области..., 2001).

Антитеррористическая комиссия в Астраханской и Волгоградской областях в существующем формате, как в большинстве субъектов Федерации, была создана в 2006 г. во исполнение подписанного в том же году Указа Президента России «О мерах по противодействию терроризму». В отличие от предыдущих реорганизаций, антитеррористические комиссии нового формата были образованы в каждом субъекте Федерации непосредственно соответствующим Указом Президента России. В Астраханской области она была организована апреле 2006 г. (Постановление Правительства Астраханской области..., 2006), в Волгоградской области — в мае 2006 г. При этом, в отличие от всех предыдущих реорганизаций, глава администрации Волгоградской области своим Постановлением передал данную комиссию под полный нормативный правовой контроль федерального центра, указав федеральные нормативные правовые акты в качестве единственной нормативной базы существования и деятельности комиссии.

Можно предложить следующую периодизацию развития системы антитеррористических комиссий России:

- 1) 1997–1999 гг. — деятельность системы межведомственных антитеррористических комиссий;
- 2) 1999–2006 гг. — деятельность системы федеральной и региональных антитеррористических комиссий;
- 3) с 2006 г. по настоящее время — деятельность системы Национального антитеррористического комитета и антитеррористических комиссий субъектов Федерации.

Создание в 2006 г. Национального антитеррористического комитета можно рассматривать как начало современного этапа в развитии системы антитеррористических комиссий в России. Принципиальное отличие от предыдущих этапов (этапов деятельности межведомственных и региональных антитеррористических комиссий) заключается в том, что решения центрального органа, называющегося сегодня Национальным антитеррористическим комитетом, обязательны для исполнения нижестоящими комиссиями. Также важным признаком нового формата антитеррористических комиссий в субъектах Федерации является то, что с 2006 г. положение о соответствующей комиссии не принимается на уровне региона, но определяется централизованно решением Национального антитеррористического комитета. Данное типовое положение без изменений используется во всех субъектах Федерации. Между тем до 2006 г. Астраханская и Волгоградская области, равно как и другие субъекты Российской Федерации, самостоятельно устанавливали положения о региональных антитеррористических комиссиях.

Главным вектором развития системы антитеррористических комиссий является тенденция к их централизации. Помимо того, по сравнению с периодом 1990-х гг. существенно возросла роль представителей ФСБ России в деятельности комиссий на всех уровнях.

Состав комиссии позволяет ее квалифицировать как институт оперативного взаимодействия представителей органов власти субъекта Федерации, территориальных отделений федеральных органов и органов местного самоуправления. Региональные антитеррористические комиссии входят в единую систему, которую на федеральном уровне возглавляет Национальный антитеррористический комитет. Таким образом, система этих инстанций обеспечивает единую вертикаль управления в оперативной деятельности разных уровней и ветвей власти в борьбе с террористическими угрозами. Задача комиссии, определенная как «проведение на территории области единой государственной политики Российской Федерации борьбы с терроризмом», позволяет оценить ее как важный институт управления, решения которого обязательны для исполнения органами власти Астраханской области.

Координация работы различных органов власти может быть названа в качестве одной из главных задач в деятельности этого института управления.

Уникальный статус антитеррористической комиссии отражает также обязательный характер принимаемых ею решений для территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, представители которых входят в состав комиссии. Поскольку часть членов комиссии, включая председателя комиссии, являются представителями органов власти субъекта Федерации, антитеррористическая комиссия выступает инструментом воздействия органов власти субъекта Федерации на реализацию государственной политики в сфере безопасности в той части, в какой за нее отвечают территориальные органы федеральных органов власти. Но значит ли это, что институт антитеррористической комиссии в действительности обеспечивает механизм влияния субъекта Федерации на работу территориальных подразделений федеральной власти? Очевидно, что в работе комиссии приоритет принадлежит представителям территориальных подразделений федеральных органов власти. В настоящем составе Антитеррористической комиссии Астраханской области 8 из 13 членов комиссии являются представителями федеральных органов власти. В Волгоградской области 5 из 9 членов областной антитеррористической

Соотношение представителей федеральных органов власти и органов власти субъекта Федерации и МО в составе антитеррористических комиссий некоторых субъектов Федерации Южного федерального округа

Ratio of the representatives of federal government bodies, regional bodies of power and municipalities in antiterrorist committees of some constituent territories in the Southern federal district

Субъект Федерации	Общее число членов комиссии	Доля представителей федеральных органов власти (5),%	Доля представителей органов власти субъекта Федерации и МО, (%)
Астраханская область	13	62	38
Волгоградская область	9	56	44
Ростовская область	19	53	47
Краснодарский край	30	57	43
Севастополь	28	40	60
Адыгея	12	50	50

Примечание. Таблица составлена на основе данных о составе антитеррористических комиссий в субъектах Федерации ЮФО.

Note. The table is drawn up on the basis of data about the structure of antiterrorist committees in Southern federal district

комиссии представляют федеральные органы власти. Распределение состава комиссии между представителями органов власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в некоторых регионах Юга России представлено в таблице.

Текущая работа Антитеррористической комиссии Астраханской области определяется, в частности, в принимаемых ежегодно сводных перечнях мероприятий по противодействию идеологии терроризма в регионе.

Сводный перечень мероприятий по противодействию идеологии терроризма в Астраханской области 2017 г. отражает масштаб современного подхода к пониманию проблем профилактики терроризма и экстремизма. Мероприятия охватывают 9 из 23 действующих областных государственных программ, которые касаются широкого спектра социально-экономического и культурного развития региона — от мер по обеспечению безопасности до развития туризма.

Областной сводный перечень мероприятий в Астраханской области включает два основных блока – мероприятия, направленные на реализацию Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013–2018 гг. на территории региона, и мероприятия по созданию условий для идеологического противодействия терроризму. Таким образом, структура регионального плана также отражает механизм взаимодействия и дополнения федеральных и региональных органов государственного управления: если первый блок ориентирован на реализацию задач утвержденного Президентом России Комплексного плана, то второй блок выходит за его пределы и предусматривает дополнительные мероприятия в сфере противодействия терроризму, которые областная власть предлагает по своей инициативе.

На уровне субъекта Федерации действует также Оперативный штаб в Астраханской области, который может быть охарактеризован как орган непосредственного управления силами и средствами в рамках проведения антитеррористических операций и ликвидации последствий террористической деятельности на территории субъекта Федерации. Если Антитеррористическую комиссию возглавляет губернатор области, то Оперативный штаб – начальник Управления ФСБ по области. В состав Оперативного штаба входят представители территориальных отделений федеральных органов власти. Штаб обладает особыми полномочиями во взаимоотношениях с органами власти субъекта Федерации и органами местного самоуправления.

Антитеррористическая комиссия и Оперативный штаб работают в тесном взаимодействии и могут быть определены как взаимодополняющие институты управления.

В Астраханской области Оперативный штаб впервые был создан по решению высшего должностного лица субъекта Федерации одновременно с созданием первой формы антитеррористической комиссии в 1998 г. (Постановление Главы администрации Астраханской области..., 1998). На первоначальном этапе Оперативный штаб имел статус органа при антитеррористической комиссии.

Обсуждение результатов исследования

Созданные антитеррористические комиссии в субъектах Российской Федерации и муниципалитетах могут быть оценены как механизм эффективного централизованного управления в сфере безопасности. По нашему мнению, появление этих институтов вызвано особенностями административно-территориального устройства государства. Федеративное устройство России предполагает независимость органов власти субъекта Федерации и муниципальных образований. Система антитеррористических комиссий преодолевает барьеры во взаимодействии разных уровней власти при реализации политики в сфере обеспечения национальной безопасности.

Институт антитеррористических комиссий обеспечивает вертикальное соподчинение в системе взаимодействия федеральных органов власти и органов власти субъектов Федерации.

Острым и неоднозначным остается вопрос о характере участия органов власти субъектов Федерации в составе антитеррористических комиссий. Хотя губернатор области является руководителем комиссии, а администрация губернатора обеспечивает работу аппарата комиссии, можно предположить, что приоритет в работе комиссии принадлежит федеральной власти. Решающим аргументом в пользу этой характеристики служит не только то обстоятельство, что начальник Управления ФСБ по субъекту Федерации занимает пост заместителя председателя комиссии и большинство членов комиссии представляют федеральные органы управления. Кроме того, областная комиссия фактически подчинена комиссии федерального уровня — Национальному антитеррористическому комитету, которую возглавляет директор ФСБ России. В частности, согласно п. 2 Положения об антитеррористической комиссии в субъекте Российской Федерации областная комиссия в своей деятельности руководствуется решениями Национального антитеррористического комитета (Положение...). Следовательно, антитеррористические комиссии субъектов Федерации являются дополнительным институциональным механизмом включения органов власти субъекта Федерации и муниципальных образований в единую государственную политику обеспечения национальной безопасности, в которой очевидный приоритет принадлежит федеральным органам власти.

Таким образом, проблемы взаимодействия органов власти различного уровня при осуществлении политики обеспечения национальной безопасности требуют дальнейшего исследования.

Заключение

Подводя итоги анализа организационных основ единства деятельности органов власти в России по вопросам обеспечения национальной безопасности, необходимо сформулировать следующие выводы. Хотя принцип единства органов государственной власти был провозглашен в Конституции России, принятой в 1993 г., потребовалось определенное время для становления и развития конкретных организационных форм, способных эффективно обеспечить единство и взаимодействие органов государственной власти (Шаваев, 2015, с. 85). При реализации государственной политики обеспечения национальной безопасности основной институционально-организационной формой взаимодействия органов государственной власти является институт антитеррористических комиссий и оперативных штабов. На протяжении трех этапов развития этого института последовательно повышалась роль федеральных органов власти, что ставит под сомнение вопрос о полноценном использовании потенциала органов власти субъекта Федерации и муниципальных образований. Антитеррористические комиссии в субъектах Федерации формально обеспечивают их органам власти участие в формировании и проведении мероприятий по предотвращению терроризма и экстремизма. В 2010-х гг. в органах исполнительной власти субъектов Федерации получают развитие новые организационные формы, обеспечивающие взаимодействие с федеральными органами власти по вопросам обеспечения национальной безопасности. В результате данных организационных изменений происходит дальнейшая централизация системы обеспечения национальной безопасности.

Библиографический список

- Борискова, И. В. (2014). Конституционный принцип единства системы государственной власти в Российской Федерации. *Территория науки*, 1, 138–146.
- Новоселов, С. В. (2016). Особенности современной системы региональной безопасности в Каспийском регионе. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 4, 103–111.
- Погодина, И. В. (2003). Управление в юридической практике правоохранительных органов. Владимир: ВГПУ.
- Усманов, Р. Х. (2012) Проблемы и перспективы этнополитической безопасности и стабильности государства. Прикаспийский вектор Юга России. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 4, 443–452.
- Усманов, Р. Х. (2015). Геополитические процессы Каспийского региона в контексте национальной безопасности. *Государственное и муниципальное управление: ученые записки СКАГС*, 3, 58–63.
- Челпаченко, О. А. (2011). *Административно-правовые основы взаимодействия федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности* (Автореферат канд. диссертации). Саратов.
- Челпаченко, О. А. (2012). Взаимодействие и координация органов исполнительной власти в сфере обеспечения национальной безопасности. *Административное и муниципальное право*, 2, 53–58.

- Шаваев, А. Х. (2015). Сущность национальной безопасности и подходы к ее определению. *Военный академический журнал*, 3 (7), 80–87.
- Шободоева, А. В. (2015). *Основы теории национальной безопасности*. Иркутск: Изд-во БГУЭП.
- Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2005 г. № 773 «Вопросы взаимодействия и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти». Режим доступа <http://kremlin.ru/acts/bank/22573>
- Положение об антитеррористической комиссии в субъекте Российской Федерации. Режим доступа https://61.mvd.ru/upload/site62/folder_page/006/421/036/2011_1130_pologen_antiterror.pdf
- Постановление Правительства РФ от 16.01.1997 г. N45 «О создании Межведомственной антитеррористической комиссии Российской Федерации». Режим доступа <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102056311&backlink=1&&nd=102045220>
- Постановление Правительства РФ от 5.12.2005 г. N725 «О взаимодействии и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти». Режим доступа <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102103299>
- Постановление Губернатора Волгоградской области от 2.05.2012 г. N260 «Об утверждении Положения о комитете по обеспечению безопасности жизнедеятельности населения Волгоградской области». Режим доступа <http://docs.cntd.ru/document/460003398>
- Постановление Губернатора Волгоградской области от 19.11.2013 г. N1175 «Об утверждении Положения о комитете по делам национальностей и качества Волгоградской области» Режим доступа <http://docs.cntd.ru/document/460220180>
- Постановление Главы администрации Астраханской области от 16.02.1998 г. № 63 «О создании межведомственной антитеррористической комиссии Астраханской области». Режим доступа <https://adm.astrobl.ru/razdel/upravlenie-po-vzaimodeystviyu-s-voinskimi-chastyami-i-pravoohranitelnyimi-organami>
- Постановление Главы администрации Астраханской области от 11.03.2001 г. № 112 «О региональной антитеррористической комиссии Астраханской области». Режим доступа <http://www.kolev.ru/index.php?ds=4259>
- Постановление Правительства Астраханской области от 26. 08. 2005 года N308-П «О региональной антитеррористической комиссии Астраханской области». Режим доступа <http://docs.cntd.ru/document/802037004>
- Распоряжение Правительства Астраханской области от 08.06.2012 г. № 250-ПП О концепции комплексной долгосрочной целевой программы «Профилактика экстремизма и терроризма в Астраханской области на 2013–2017 годы». Режим доступа https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/81_113084
- Alexander, M. S., Dylan H. (2013). A Century of Intelligence (1909–2009): International Perspectives. *Intelligence and National Security*, 38 (3), 297–298.
- Ben-Haim, Y. (2016). Policy Neutrality and Uncertainty: an Info-Gap Perspective. *Intelligence and National Security*, 31, 978–992.
- Bochel, H., Defty, A. & Kirkpatrick, J. (2014). *Watching the Watchers: Parliament and the Intelligence Services*. London: Palgrave Macmillan.
- Born, H., Leigh, I. (2005) *Making Intelligence Accountable: Legal Standards and Best Practice for Oversight of Intelligence Agencies*. Oslo: Publishing House of the Parliament of Norway.
- Buzan, B., Hansen L. (2009) *The Evolution of International Security Studies*. New York: Cambridge University Press.
- Cairney, P. (2006) The Analysis of Scottish Parliament Committees: Beyond Capacity and Structure in Comparing West European Legislatures. *European Journal of Political Research*, 45, 2 181–208.

- Defty, A., Bochel, H. & Kirkpatrick, J. (2014). Tapping the Telephones of Members of Parliament: The 'Wilson Doctrine' and Parliamentary Privilege'. *Intelligence and National Security*, 29, 675–97.
- Hijzen, C. (2014). More Than a Ritual Dance: The Dutch Practice of Parliamentary Oversight and Control of the Intelligence Community. *Security and Human Rights*, 24, 227–238.
- Musco, S. (2016). Intelligence Gathering and the Relationship Between Rulers and Spies: Some Lessons from Eminent and Lesser-Known Classics. *Intelligence and National Security*, 31, 1025–1039.
- Williams, P. D. (2012). *Security Studies: an Introduction*. London: Routledge.
- Wright, D., Kreisel, R. (2015). *Surveillance in Europe*. Oxon: Routledge.

Статья поступила в редакцию 17.07.2018

Статья принята к публикации 15.01.2019

Для цитирования: Пономаренко Я.А. Организационные основы единства государственной политики Российской Федерации по обеспечению национальной безопасности. — Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 1. С. 91–104.

THE ORGANIZATIONAL BASIS FOR THE UNITY OF THE RUSSIAN FEDERATION STATE POLICY IN ENSURING NATIONAL SECURITY

Y.A. Ponomarenko

Yaroslav A. Ponomarenko, Astrakhan State University, Tatishchev Str., 20A, Astrakhan', 414056, Russia, E-mail: e.kaeva@ya.ru.

ORCID

Abstract. In modern studies of national security policy, attention is drawn to the interaction of various authorities and the problem of ensuring the unity of security policy. In the conditions of Russia, this problem takes on a specific due to the peculiarities of the national model of federalism and the policy pursued to ensure the vertical of governance. At the present stage of scientific research, the mechanisms and practices of interaction between various levels of government in the implementation of national security policies have not yet been studied. In the conditions of the Russian Federation, special mechanisms are formed for the interaction of the federal authorities and the authorities of the constituent units in pursuing the policy of ensuring national security. Based on the analysis of the institutions of the Astrakhan and Volgograd regions, the development of mechanisms for interaction between authorities at different levels was revealed. The role of specific government bodies whose activities contribute to ensuring the unity of security policy is disclosed. The importance of the institution of the antiterrorist commissions as the main mechanism for ensuring the unity of the state policy of the Russian Federation in ensuring national security is disclosed. In conducting the study, the method of comparative analysis and the method of content analysis were used. The method of comparative analysis made it possible to assess the characteristics and differences in the implementation of state target programs in the Astrakhan and Volgograd regions. The method of content analysis was used in the study of official documents and regulatory acts on national security issues. The empirical basis of the study was constituted by legal acts of two levels of state power, statistical and information materials and resources, reports of state bodies of the Astrakhan and Volgograd regions on the implementation of targeted programs and activities.

Keywords: national security policy, national security, law enforcement, counteracting terrorism.

DOI: 10.31429/26190567-20-1-91-104

References

- Usmanov, P. Kh. (2015). Geopoliticheskiye protsessy Kaspiiskogo regiona v kontexte natsional'noi bezopasnosti [Geopolitical Processes of the Caspian Region in the Context of National Security]. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye: Uchyonye zapiski SKAGS* [State and Municipal Management: Proceedings of South-Caucasian Academy of Government Service], 3, 58–63.

- Chelpachenko, O. A. (2011). *Administrativno-pravovye osnovy vzaimodeistviya federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti Rossiiskoi Federatsii v sfere obespecheniya natsional'noi bezopasnosti* [Administrative and Legal Foundations of the Interaction of the RF Federal Executive Bodies in the Sphere of Ensuring Security] (Abstract of the Cand. Dissertation). Saratov.
- Chelpachenko, O. A. (2012). Vzaimodeistviye I koordinatsiya organov ispolnitel'noi vlasti v sfere obespecheniya natsional'noi bezopasnosti [Interaction and Coordination of Executive Bodies of Power in Ensuring National Security]. *Administrativnoye i munitsipal'noye pravo* [Administrative and Municipal Law], 2, 53–58.
- Shavayev, A. Kh. (2015). Sushchnost' natsional'noi bezopasnosti b podkhody k ee opredeleniyu [National Security Essence and Method of its Definition]. *Voennyi akademicheskii zhurnal* [Academic Military Journal], 3 (7), 80–87.
- Shobodoyeva, A. V. (2015). *Osnovy teorii natsional'noi bezopasnosti* [Foundations of the Theory of National Security]. Irkutsk: Izd-vo BGUEP.
- Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 02.07.2005 g. No 773 “Voprosy vzaimodeistviya i koordinatsii deyatel'nosti organov ispolnitel'noi vlasti subjektov Rossiiskoi Federatsii i territorial'nykh Federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti [Decree of the RF President of 02.07.2005, No 773, “Problems of Interaction and Coordination in the Activities of the Executive Bodies of Power of the RF Federal Subjects and Territorial Executive Bodies”]. Retrieved from <http://kremlin.ru/acts/bank/22573>
- Polozheniye ob antiterroristicheskoi komissii v subjekte Rossiiskoi Federatsii [Statute of Anti-terrorist Committee in a RF Subject]. Retrieved from https://61.mvd.ru/upload/site62/folder_page/006/421/036/2011_1130_pologen_antiterror.pdf
- Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 16.01.1997g. No 45 “O sozdanii Mezhvedomstvennoi antiterroristicheskoi komissii Rossiiskoi Federatsii” [RF Government Regulation of 16.01.1997, № 45, “On Establishing Interdepartmental Antiterrorist Committee of the Russian Federation”]. Retrieved from <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102056311&backlink=1&&nd=102045220>
- Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 5.12.2005 g. No 725 “O vzaimodeistvii i koordinatsii deyatel'nosti organov ispolnitel'noi vlasti subjektov Rossiiskoi Federatsii i territorial'nykh Federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti” [RF Government Regulation of 5.12.2005, № 725, “On Interaction and Coordination in the Activities of the Executive Bodies of Power of the RF Federal Subjects and Territorial Executive Bodies”]. Retrieved from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=10210329>
- Postanovleniye Gubernatora Volgogradskoi oblasti ot 2.05.2012 g. No 260 “Ob utverzhdenii Polozheniya o komitete po obespecheniyu bezopasnosti shiznedeyatel'nosti naseleniya Volgogradskoi obkasti” [Regulation of the Governor of Volgograd Region of 2.05.2012, № 260, “On Validating the Provisions on the Committee on Ensuring Vital Functioning of the Local Population”]. Retrieved from <http://docs.cntd.ru/document/460003398>
- Postanovleniye Gubernatora Volgogradskoi oblasti ot 19.11.2013 g. No 1175 “Ob utverzhdenii Polozheniya o komitete po delam natsional'nostei i kazachestva Volgogradskoi obkasti” [Regulation of the Governor of Volgograd Region of 19.11.2013, № 1175, “On Validating the Provisions on the Committee on Nationalities and the Cossacks in Volgograd Region”]. Retrieved from <http://docs.cntd.ru/document/460220180>
- Postanovleniye Glavy administratsii Astrakhanskoi oblasti ot 16.02.1008 g. No 63 “O sozdanii mezhvedomstvennoi antiterroristicheskoi komissii Astrakhanskoi oblasti” [Regulation of the Head of the Administration of Astrakhan Region of 16.02.1998, № 63, “On Establishing Interdepartmental Antiterrorist Committee of Astrakhan Region”]. Retrieved from <https://adm.astrobl.ru/razdel/upravlenie-po-vzaimodeystviyu-s-voinskimi-chastyami-i-pravoohranitel'nyimi-organami>
- Postanovleniye Glavy administratsii Astrakhanskoi oblasti ot 11.03.2001 g. No 112 “O regional'noi antiterroristicheskoi komissii Astrakhanskoi oblasti” [Regulation of the Head of the Administration of Astrakhan Region of 11.03.2001, № 112, “On the Regional Antiterrorist Committee of Astrakhan Region”]. Retrieved from <http://www.kolev.ru/index.php?ds=4259>

- Postanovleniye Pravitel'stva Astrakhanskoi oblasti ot 26.08.2005 g. № 308-P "O regional'noi antiterroristicheskoi komissii Astrakhanskoi oblasti" [Regulation of the Astrakhan Region Government of 26.08.2005, No308-II, "On the Regional Antiterrorist Committee of Astrakhan Region"]. Retrieved from <http://docs.cntd.ru/document/802037004>
- Rasporyazheniye Pravitel'stva Astrakhanskoi oblasti ot 08.06.2012 g. № 250-PR "O kontseptsii kompleksnoi dolgosrochnoi tselevoi programmy "Profilaktika ekstremizma i terrorizma v Astrakhanskoi oblasti na 2011–2017 gody" [The Astrakhan Regional Government Instruction of 08.06.2012, No250-IIP, "On the Concept of Complex Long-term Target Program "The Prophylactics of Extremism and Terrorism in Astrakhan Region for 2013–2017"". Retrieved from https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/81_113084
- Alexander, M. S., Dylan H. (2013). A Century of Intelligence (1909–2009): International Perspectives. *Intelligence and National Security*, 38 (3), 297–298.
- Ben-Haim, Y. (2016). Policy Neutrality and Uncertainty: an Info-Gap Perspective. *Intelligence and National Security*, 31, 978–992
- Bochel, H., Defty, A. & Kirkpatrick, J. (2014). *Watching the watchers: Parliament and the Intelligence Services*. London: Palgrave Macmillan.
- Born, H., Leigh, I. (2005). *Making Intelligence Accountable: Legal Standards and Best Practice for Oversight of Intelligence Agencies*. Oslo: Publishing House of the Parliament of Norway.
- Buzan B., Hansen L. (2009) *The Evolution of International Security Studies*. New York: Cambridge University Press.
- Cairney, P. (2006) The Analysis of Scottish Parliament Committees: Beyond Capacity and Structure in Comparing West European Legislatures. *European Journal of Political Research*, 45, 2 181–208.
- Defty, A., Bochel, H. & Kirkpatrick, J. (2014). Tapping the Telephones of Members of Parliament: The 'Wilson Doctrine' and Parliamentary Privilege'. *Intelligence and National Security*, 29, 675–97.
- Hijzen, C. (2014). More Than a Ritual Dance: The Dutch Practice of Parliamentary Oversight and Control of the Intelligence Community. *Security and Human Rights*, 24, 227–238.
- Musco, S. (2016). Intelligence Gathering and the Relationship Between Rulers and Spies: Some Lessons from Eminent and Lesser-Known Classics. *Intelligence and National Security*, 31, 1025–1039.
- Williams, P. D. (2012). *Security Studies: an Introduction*. London: Routledge.
- Wright, D., Kreisel, R. (2015). *Surveillance in Europe*. Oxon: Routledge.

Received 17.07.2018

Accepted 15.01.2019

For citation: Ponomarenko Y.A. The Organizational Basis for the Unity of the Russian Federation State Policy in Ensuring National Security. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 1. Pp. 91–104.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ДИНАМИКА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ АСТРАХАНСКОГО РЕГИОНА: ОТ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ФОРМЫ К ТРАНСКУЛЬТУРНОЙ¹

Е. В. Хлыщева

Хлыщева Елена Владиславовна, Астраханский государственный университет,
ул. Татищева, 20а, г. Астрахань, 414056, Россия. Эл. почта: culture_mar@mail.ru
ORCID 0000-0001-6586-019X

Аннотация. В статье рассматривается процесс трансформации идентичностей в современном мире на примере конкретного поликультурного региона. Проблема межкультурной коммуникации в подобных районах стоит очень остро, появляются альтернативные общепринятым нормам стили жизни, открыто позиционирует себя инаковость, а групповые различия становятся своеобразным маркером современного пространства. Однако под влиянием социальных трансформаций и межкультурных взаимодействий фиксируется изменение социокультурной идентичности в направлении многоуровневости. Глобализационные и миграционные процессы ведут к появлению «размытой идентичности» с фрагментированным представлением о своей этнической принадлежности. Поэтому анализ культурного взаимодействия народов связан с первичным осмыслением этнокультурных различий. Цель статьи — изучение уровней и форм взаимодействия разных народов и выявление изменений, происходящих в процессе трансформации традиционной картины мира отдельных культур, ведущих к формированию новых уровней идентичности. Особое внимание уделяется постепенному изменению соотношения региональных, национальных и общегражданских ценностей и соответствующей самоидентификации на всех уровнях. При этом учитывается, что уровни идентичности, связанные с национальной, этнической, конфессиональной сферами, не проявляются в чистом виде и корректируются иными формами — цивилизационной, субкультурной, расовой, гендерной, сексуальной. Наиболее показателен процесс формирования разноуровневой идентичности в гетеротопных территориях, поэтому для анализа был выбран Астраханский регион, отличающийся поликультурным составом населения. Предлагаемые теоретические конструкты выработки адекватных механизмов сосуществования культур требуют тщательного анализа, который невозможен без выявления индикаторов этнического, конфессионального и регионального уровней самосознания. Кросскультурные исследования перемен, происходящих в обществе, выводят на инновационное понимание идентичности, что определяет необходимость выявления и обоснования новых принципов построения идентичности, основанных как на истории, религии, ментальности, так и на общем гражданстве. Процесс формирования подобной транскультурной идентичности хорошо демонстрирует Астраханский регион.

Ключевые слова: идентичность, глобализация, этноконфессиональность, межкультурная коммуникация, трансформация, транскультурность.

Введение

Центростремительные и центробежные тенденции современного мира обуславливают сложный синтез глобальных и локальных тенденций культурной динамики. Как это ни парадоксально, но именно глобализационные процессы вызвали к жизни «не только стирание различий, но и их усиление» (Малахов, 2014). Такой своеобразный «праздник различий» (Хлыщева, 2011) обостряет и без того

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта 18-78-10064 «Трансформация механизмов формирования посттрансгрессионной модели религиозной идентичности в современном информационном пространстве».

нелегкую проблему идентичности, которая является ключевой в современном мире, становясь мощным фактором мобилизации населения. Объясняется это необходимостью для человека, группы, социальной общности упорядочить свою жизнедеятельность через принятие норм и образцов поведения в соответствии с культурными характеристиками, принятыми в конкретном обществе (группе).

В глобализируемом пространстве наблюдается пересечение множества идентичностей, которые ярко проявляются в процессе межкультурной коммуникации. Процесс глобализации ведет к расширению «религиозных и цивилизационных идентичностей, которые приобретают все большую значимость для индивидов и народов в целом» (Хантингтон, 2004).

Идентичность — трансформирующаяся структура, что подтверждается историческим опытом, когда живущие на одной территории разные этнокультурные группы со временем создают особый культурный тип, как правило, отличающийся толерантностью к иноэтническим компонентам. К этому ведет длительное проживание разных этносов в близком соседстве и одинаковых природных условиях, сходные пути исторического развития и общая хозяйственная деятельность. В результате такого взаимодействия оформляются и функционируют граничные культурные ландшафты, происходит объективация и репрезентация культурно-ландшафтных структур, которые в условиях границы отличаются многослойностью и динамичностью.

Однако «запрос на различие» (Малахов, 2014) в 1990-е гг. привел к этническому ренессансу, «второму рождению культурных меньшинств» (Малахов, 2014), которые заявляют о себе, открыто и даже в определенной степени навязчиво помещая в публичное поле практически вытесненные первыми поколениями иммигрантов элементы своей традиционной культуры.

На этой ступени четко прослеживается трансформация идентификационных форм с государственного уровня на этноконфессиональный. «Чужое» начинает себя открыто позиционировать, уже не стремясь стать «своим иным», и переходит к методам противостояния практикам ассимиляции. В границах подобной «многокультурности» значимыми становятся разделение зон экономического влияния, система культурных связей, основанных на принципах восприятия «чужого» как «другого», и взаимопроникновение культур от семантического до институционального уровня» (Романова, 2010). Появляются изолированные территории, жители которых, замкнутые на себе посредством своего языка и культурных символов, постепенно начинают утрачивать способность выхода на общекommunikационный уровень, что создает пригодную почву для межэтнических и межконфессиональных столкновений.

Зоны пересечения культур — наиболее уязвимые точки стабильности гетерогенного общества, особенно приграничного. Здесь острее стоят проблемы коммуникации во всех сферах, а отношение к «чужому» и основные характеристики его имиджа являются «важными показателями уровня социальной организации и состояния любого общества» (Topchiev, Romanova, Yakushenkov, 2016). Необходимость сосуществования в едином культурном поле различных традиций и менталитетов выводит на значимость кросс-культурного анализа индикаторов этнического, конфессионального и регионального уровней самосознания, а также процесса самоидентификации, что в современных условиях становится острой проблемой.

Понимание идентичности как явления «культурно и исторически опосредованного, изменчивого, получающего специфическое содержательное наполнение в конкретном культурном, социальном, политическом, цивилизационном контексте» (Костина, 2009), т.е. обладающего конкретной привязкой к определенной культурной системе, приводит к пониманию ситуативного характера формирования ее форм: они могут проявляться «и как взаимодополняющие, и как конфликтные, противоречивые, а подчас антагонистические» (Костина, 2009). При этом уровни идентичности, связанные с национальной, этнической, конфессиональной сферами, не проявляются в чистом виде и корректируются иными формами — цивилизационной, субкультурной, расовой, гендерной, сексуальной.

Существующие модели идентичности дестабилизируются под влиянием иммиграционных процессов, ослабляя традиционные связи и нарушая сложившиеся структуры. Идентичность размывается, теряет четкие границы и становится гетеротопной, выходя через традиционные формы в инновационное коммуникативное пространство. Востребованным становится опыт управления многоэтничностью в рамках одного государства, одной республики и даже области. Именно эти проблемы выходят сегодня на первый план, требуют осмысления соотношения региональных, национальных и общегражданских ценностей, проблемы идентификации на всех уровнях, анализ индикаторов регионального самосознания.

Маркером современной культуры становится трансгрессия, вызванная переплетением глобального и локального, когда исторически сложившиеся культурные ареалы перекраиваются по-новому, «запуская новые, выходящие за пределы привычного опыта, а потому непредсказуемые процессы, которые трудно поддаются контролю по причине своей полной неизученности» (Topchiev, Dryagalov, Yakushenkova, 2016).

Население гетеротопного региона (особенно пограничной гетеротопии) вынуждено приспосабливаться к новым условиям и «совершать акт трансгрессии» (Topchiev, Dryagalov, Yakushenkova. Religious transgression, 2016), т.е. выходить за пределы традиционного поведения. А это в свою очередь запускает процессы изменения традиционной картины мира и зачастую приводит к появлению новых форм идентичности, слому стереотипов и выходу на новый уровень межкультурного диалога. В какой-то степени нарушение старого соответствует «инстинкту выживания индивида» (Topchiev, Dryagalov, Yakushenkova. Religious transgression, 2016), а акты трансгрессии представляют собой определенную форму реакции на встречу с «чужим», позволяющей человеку адаптироваться к новым социокультурным условиям.

Все это определяет необходимость выявления новых принципов построения идентичности, основанных «в равной степени как на истории, религии, ментальности» (Костина, 2009), так и на общем гражданстве. В процессе трансгрессии «чуждость», как правило, преодолевается, но для этого реальность должна быть либо «узнана» с учётом современных корректив, либо перетолкована заново, создавая новые контуры обжитого пространства. Иммигранты, «исторические» национальные меньшинства, культурные меньшинства ждут признания своих культур, идентичности, особого образа жизни составной частью культуры определенного общества, что приводит к взаимодействию многоуровневых идентичностей в едином пространстве поликультурных пограничных регионов.

Состояние межэтнических отношений во многом зависит от динамики трансформации идентичности различных социальных, территориальных и этнических

групп. При этом под трансформацией понимается процесс качественного изменения идентичности под влиянием различных факторов, как внутренних, так и внешних. Сегодня можно говорить не просто о трансформации идентичности, но и о направленном конструировании идентификационных структур, особенно в обществах, подвергающихся иммиграционному нажиму.

Для анализа динамики процесса трансформации идентичности при вхождении в новую этнокультурную среду был взят поликультурный Астраханский регион, представляющий собой разновидность геокультурного пространства со специфическим типом культурогенеза, определившим формирование взаимопроникающих геополей: этнокультурного, природно-хозяйственного, конфессионального, лингвистического, политического, психологического и др.

Методология исследований связана с аналитическим подходом, позволяющим рассматривать социум как объект управления на различных уровнях. Проблемы этноконфессионального диалога, культурной политики, анализ динамики социокультурных связей народов, населяющих конкретный регион, выходят на первый план, акцентируя новые тенденции во взаимоотношениях между культурными субъектами как внутри региона, так и между отдельным регионом и центром. Это требует структурно-функционального подхода в исследовании, который позволяет изучить уровень и формы взаимодействия разных народов и выявить изменения, происходящие в процессе трансформации традиционной картины мира отдельных культур, ведущих к формированию новых уровней идентичности.

И если вопросы социального и экономического развития регионов анализировались и раньше, то исследование формирования региональной культуры и региональной социокультурной идентичности стало относительно новым направлением исследований постсоветской России, имеющим практическую значимость. Для анализа многоуровневой идентичности используется комплексная система методов, в основе которой лежит диахронный метод, применяемый для выявления основных этапов формирования этноконфессиональных идентичностей и синхронный метод, позволяющий проанализировать динамику трансформации современных идентичностей в Нижнем Поволжье.

Для выявления конкретных тенденций изменения уровней и форм идентичности в конкретном регионе был использован метод социологического опроса.

Формирование региональной идентичности как результат поликультурных процессов

У каждого народа в процессе развития складывается разноуровневая идентичность (родовая, этническая, конфессиональная и т.д.), но когда эти народы встречаются на одной территории и обустраивают совместную жизнь, речь идет уже не просто о развитии, но о конструировании новой идентичности, что подразумевает качественное изменение идентификационных структур на основе формирования новой, разделяемой всеми, картины мира. Процесс трансформации социокультурной идентичности сложен и происходит достаточно медленно. Для понимания механизмов данного процесса необходим анализ этноконфессионального взаимодействия народов как со стороны осмысления этнокультурных различий, так и со стороны формирования общих ценностей.

Для исследования был взят поликультурный регион Нижнего Поволжья, где процессы заселения и взаимодействия народов проходили достаточно своеобразно,

учитывая тот факт, что здесь отсутствовало аборигенное население. Каждый народ осваивал «свою нишу», а пересечение происходило в основном в хозяйственной жизни.

Царское правительство проводило ассимиляционную политику в отношении населения окраин. Географическое расположение и природные особенности Астраханского края привлекали торговых и промышленных людей, прибывавших сюда на рыбный лов в устьях Волги и на разработку соли. Оседали иноземцы (немцы, шведы, поляки), которые, будучи захвачены в плен ногаями или казаками, искали «удобного случая спастись от рабства под защиту русской власти» (Указ камер-коллегии... ГААО). Многих привлекала отдаленность Астраханского края от центра и свобода от произвола приказных в коренной Руси. Большой наплыв торговцев объяснялся еще и тем, что Астрахань была единственным русским городом, где восточные купцы платили минимальные пошлины. Бухарские, хивинские, персидские, индийские купцы останавливались в Астрахани в караван-сараях, представляющих «отдельные мирки со своими культурными традициями» (Небольсин, 1852).

Русское население сосредоточивалось в городах и их ближайших окрестностях. Степные пространства края были населены кочевыми племенами ногайцев, калмыков, казахов, урегулирование отношений между которыми входило в обязанности астраханского воеводы, а с 1717 г. губернатора. Противоречия кочевых племен обусловили незатухающую борьбу за земли, этническое равновесие часто нарушалось. Русскому правительству постоянно приходилось вмешиваться в конфликты кочевых народов и мирить их. Мероприятия же властей по переводу к оседлому образу жизни не вызывали у кочевников, особенно калмыков, никакого сочувствия.

Пестрота населения и определенная вольность нравов, представляющая сплав нравов Востока и России, заставляли управлять окраиной в определенной степени самостоятельно: надеяться на скорую помощь Москвы в случае восстания иноверцев не приходилось. Поэтому задача местных властей заключалась не столько в военном противостоянии кочевникам, сколько в дипломатической деятельности — мирном урегулировании конфликтных ситуаций, привлечении кочевников «под руку Белого царя» (Наказ..., 1947), налаживании торговых отношений со Степью. Иными словами, создавались условия для мирного сосуществования и культурного обмена.

В то же время, сохраняя общий дух царских наказов, астраханские воеводы поддерживали этнокультурные традиции приходящих народов, но проявляли при этом крайнюю осторожность, так как «один неверный шаг мог привести к неудаче, которая за собой принесет царскую опалу» (Астраханская воеводская канцелярия, ГААО). Тесные культурные контакты власти не поощряли. Так, если и разрешались межнациональные браки, то это касалось только меньшинств (армян, грузин, татар, калмыков), но «браки с православными были редкостью и допускались только с соблюдением многих формальностей» (Саввинский, 1900).

Процесс заселения края, начавшийся в глубокой древности сарматскими и савроматскими племенами, с тех пор не останавливался. Все новые и новые народы приходили, приезжали в низовье реки Волги, следовали дальше или оставались здесь навсегда. При Екатерине II для заселения окраин России (в том числе и Астраханских земель) приглашались иностранцы, среди которых особое благоволение получили немцы. Им были даны свобода вероисповедания, свободный выбор места поселения, самоуправление, освобождение от податей, налогов и всякого рода повинностей (Указы императрицы Екатерины II, 1775). Поэтому на местах своего

нового проживания многие немцы сохранили немецкий язык, веру (как правило, лютеранскую) и элементы национального менталитета.

Большое значение для края имела миграция киргиз-кайсаков, прибывших в Нижнее Поволжье по договоренности с русским правительством в начале XIX в. и представляющих сегодня вторую по численности этногруппу Астраханского региона. Помимо государственной политики ассимиляции кочевого населения в русскую культуру ассимиляционные процессы шли внутри самих народов: калмыки распространили свое культурное влияние на попадавших в плен во время вооруженных конфликтов киргизов, казахов, туркмен. Вместе с казахами кочевали крымско-кубанские ногайцы, которые вошли в орду буковцев, составив здесь новый «ру» (род) «нугай-казак» (Кидирнязов, 1999). Казахи подпали под влияние татарской культуры. Именно татары способствовали распространению ислама среди казахов, а в появившихся медресе долгое время обучали исключительно татарскому языку.

В буковской степи скрывались солдаты-дезертиры из числа татар, уроженцев селений на стыке нынешних Татарстана, Башкортостана и Оренбуржья. По характерным высоким черным шапкам у мужчин они получили название «калпак» (Урастаева, 2000) («кара-калпак»). Они хорошо знали казахский язык, но сохраняли и татарский диалект. Зачастую их потомки ощущают себя казаками рода «калпак».

В Нижнем Поволжье прослеживается смешение языков и наречий (тюрский, персидский, татарский, калмыцкий, казахский, армянский, русский, немецкий и другие лингвистические пласты), нашедшее отражение в топонимах и повседневной речи обитателей данного ареала.

Контакты между народами носили характер широких заимствований, которые проявляются в астраханской жизни повсеместно: степняки-калмыки осваивали рыбные промыслы, русские учились огородничеству и бахчеводству у татар, заимствовали культуру коневодства у ногайцев, скотоводства — у калмыков и казахов. Армянская традиция загородного отдыха становится традицией всех астраханцев. Каждое воскресенье Великого поста в степи за Паробичевым бугром («майдане») татарские и русские мужчины собирались на кулачные бои — одно из любимых развлечений.

Особенно следует отметить традиционную веротерпимость астраханцев, проявившуюся не только в строительстве храмов различных конфессий и уважении их обрядовости, но и в широко распространенной практике межнациональных браков (особенно в советский период), которые способствуют укреплению взаимопонимания между народами края. Отмечены случаи принятия калмыками магометанства и других религий (например, католицизма), однако русские власти вели с ними работу, чтобы «склонить к православию» (Пальмов, 1926). В Астрахани действовало Кирилло-Мефодиевское общество, деятельность которого была направлена на распространение православия среди кочевых народов.

Миссионерские общества часто организовывали школы при православных миссиях. В 1898 г. на Калмыцком базаре в Астрахани открылась миссионерская школа для калмыцких детей, снабжавшая губернию кадрами для просветительской работы в среде калмыцкого народа. В школах учили не только грамоте, прежде всего русской, но и преподавалось «Слово Божье», читались православные Евангелия, переведенные на калмыцкий язык. С целью нахождения общего языка с инородцами в духовной семинарии Астрахани изучались многие языки, в том числе и калмыцкий, казахский, туркменский и др. Бурную просветительскую деятельность

развили в городе и католики, открыв славяно-греко-латинскую школу при соборе. Распространены были школы для католиков, лютеран, мусульман. Активно велась борьба с религиозным расколом.

Свободно владели русским языком представители купечества, особенно индийцы. Иногда индийцы даже принимали православие, записывались в разряд астраханского купечества и практически становились российскими подданными. В документах эти купцы называли себя «подлинно астраханскими жителями» (Дело о прибывших из-за границы людей разных национальностей, ГААО), что позволяло им рассчитывать на большие привилегии. Самые тесные контакты у индийцев были с татарским населением. Некоторые индийцы даже женились на татарках, поселялись в собственные дома, покинув пределы Индийского гостиного двора. Дети, родившиеся от таких браков, назывались агрыжанами² (или агрыжанскими татарами). В начале XVIII в. в районе Земляного города существовала особая Агрыжанская слобода (Ревизские сказки, ГААО), обнесенная общей оградой.

Постепенно складывалась региональная общность, представляющая исторически «веками сложившуюся многокультурность с разделением зон экономического влияния, устоявшейся системой культурных связей, основанных на принципах толерантного отношения к «чужому» как к «другому» и взаимопроникновении культур от семантического до институционального уровня» (Романова, 2010). Именно так совершался переход от узкоэтнической идентичности к ее расширенной форме, которая сложилась в крае к концу XVIII в., когда «земля одержала верх над природными и расовыми качествами их и все они стали точно они одного рода, оттого, что поселились на одной земле, вступали в брак друг с другом и оставались жить в этой земле» (Отчет Петровского общества, 1889).

Подтверждением сформировавшейся региональной идентичности, а на ее основе и региональной культуры являлись действия меценатов, старавшихся сделать свой город уникальным и вывести его на уровень столичного развития. Это были купцы и промышленники разных национальностей и верований. Среди самых известных — грек Варваций, немцы братья Нобель, Карл Оссе, русские купцы и промышленники Губины, Сапожниковы, Беззубиковы, Воробьевы, Репины, армяне Н. Агабабов, С. Лионозов и др.

Значимым маркером становится заинтересованность в самобытной культуре края в среде ученых (С.Г. Гмелин, К. Бэр, И.И. Лепёхин, П. Паллас, П. Небольсин и др.), музыкантов, писателей (А. Дюма, В. Хлебников, Я. Потоцкий, Т. Шевченко, Н. Чернышевский и др.). Собираением народных музыкальных произведений русских, калмыков, казахов, татар, армян Астраханского края занимались М. Балакирев — один из основателей «Могучей кучки», И.В. Добровольский, издатель «Азиатского музыкального журнала» и др. Такой интерес к культуре населения Астраханского края свидетельствует не только о богатстве народных традиций, но и о сложившейся региональной культуре края, что сформировала особую общность — «астраханцы», которая фактом своего существования доказывает происходящую в регионе трансформацию этноконфессиональной идентичности отдельных групп в единую, сплоченную общность со сложным переплетением мировоззрения всех групп населения, имеющую определенное сходство с культурными ценностями российского общества и одновременно обладавшую своей уникальностью. Это

² От тюрско-татарского «оглы» — ребенок.

хорошо заметно в традиционных верованиях и праздниках. У татар и казахов это празднование некоторых православных праздников: Пасха, Рождество. Популярны и русские праздники Масляница, Троица, День славянской письменности и культуры, татарский Сабантуй, праздник тюркских народов Наурыз, калмыцкий праздник Цаган-Сар.

В конечном итоге в Астрахани сложилась традиция доброго соседства между народами, повлекшая за собой существование своеобразного быта, межнациональных связей, самобытной культуры и транскультурной идентичности. Многоликая Астрахань до сих пор являет собой разнообразие одежд и языков, разных культур и их мирное сосуществование, что придает особый, неповторимый колорит крупному российскому городу.

Трансформация региональной идентичности под влиянием этноконфессионального ренессанса

Относительная устойчивость социальной и этнокультурной ситуации, характерная для региона, в 1990-е гг. была нарушена центробежными процессами, радикально изменившими положение многих этнических групп, вызвав резкое усиление этнических миграций. Исторически сложившаяся поликультурность Астраханского края привела к тому, что такое культурное противостояние проявилось своеобразно: не по религиозному или этническому принципу, а по принципу «свой» как представитель традиционно проживающего на данной территории этноса, вне зависимости от его религиозной принадлежности, и «чужой», вновь прибывший. «Старые» этнические группы, исторически проживающие на территории региона, хоть и различались по своему языку, культуре, но, так или иначе сформировали общие ценности, а вот приехавшие мигранты, далекие от традиций, сложившихся в крае, были восприняты местным населением как «иные», отношения с которыми проецируются через призму «свои – чужие» (Мукомель, 2005). В такой ситуации естественно встал вопрос о границах допустимости сохранения всех культурных традиций как опоры традиционной картины мира, где демонстрация этноконфессиональных отличий является основой сохранения своей культуры, но не способствует социальной интеграции, замыкая представителей конкретных групп в узкие рамки традиционного мышления. Охранительная культурная политика в этом случае не эффективна и создает лишь видимость консолидации общества, провоцируя априорное недоверие к «другим» и усиливая социокультурный хаос.

Между тем границы между местными и приезжими пересекаются и даже размываются в ходе коммуникации, требуя более широких форм самоидентификации. Реальный диалог своих и чужих внутри принимающих обществ требует от официальной культуры трансформации параметров самоидентификации и изменения образа самого общества. Но иногда дистанция между представителями разных культур настолько велика, что договориться между собой бывает крайне сложно. Кроме того, такие группы характеризуются общностью экономической деятельности, что придает каждой группе четкую маркировку.

По мере того, как окружающий мир становится более сложным, человек традиционной культуры все сильнее стремится вернуть привычные, традиционные формы социокультурной идентификации. Возрождение религиозных, этнокультурных ценностей во многом объясняется именно этим фактором. Ведущиеся дискуссии о «кризисе идентичности, об утрате исторической памяти или разрушении куль-

турного наследия наглядно иллюстрируют фобии и устремления традиционного человека» (Пономарев, 2010). Как следствие, наблюдается возрождение национализма, хотя и в новом значении «явления, имеющего объективный характер и не связанного с ситуативными или субъективными моментами» (Боришполец, 2001), что в определенной степени констатирует факт утраты государством монополии на исключительное представительство или распоряжение культурной и эмоциональной лояльностью граждан. Актором, с которым государство разделяет данную монополию, является этнополитическая элита, представляющая «локальные сегменты многосоставных общественных систем» (Боришполец, 2001). Этот «новый коллективизм» (Бек, 2003) связан с попыткой свести роль индивида к его существованию в качестве носителя культуры меньшинства. Наблюдается парадоксальное сочетание процессов глобализации, модернизации и фундаментализма, поскольку возрождение национализма стало глобальным феноменом.

За таким этноконфессиональным возрождением скрывается нарастающая конфликтность традиционной картины мира, которая по-прежнему служит «обеспечением воспроизводства порядка социально-бытовых и культурных отношений» (Костина, 2011), но сегодня ее формы и механизмы функционирования втянуты в пространство массовой культуры, позиционирующей региональную глокализацию, что делает просто невозможным реконструкцию полностью закрытого общества.

В связи с растущими миграционными потоками в последние годы отмечается увеличение конфликтов, начинающихся с бытовых разборок и заканчивающихся «межнациональным противостоянием» (Новичкова, 2010), что негативно отражается на восприятии мигрантов местным населением. Страхи вторжения «иного» в определенной степени заставляют рассматривать приезжих как «чужеродных, незваных гостей» (Рыбаковский, 2009). Тем более что Астрахань сегодня является приграничным регионом и принимает значительную тяжесть миграционных волн из новых независимых государств, а также из конфликтных регионов Российской Федерации, прежде всего из районов Северного Кавказа. В то же время внутри региона идут свои процессы роста этнического самосознания, который сопровождается усилением интереса к традициям и проявлением в той или иной степени национализма и этноконфессионального противостояния.

Это учитывается в региональной стратегии национальной политики на основе государственной программы «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России на территории Астраханской области». Реализуется комплекс мер по социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов. Планируется создание регионального сегмента федеральной системы электронного мониторинга межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтов. Дополнением системной деятельности по формированию патриотизма и гражданского единства станет «Дом дружбы», открытие которого запланировано на 2019 г. на базе Областного научно-методического центра народной культуры.

Исследования показали, что большинство населения региона остается на позиции облегченного восприятия традиционной культуры в «кулинарно-фольклорной» форме, когда интерес к экзотике сохраняется до тех пор, пока не мешает собственной жизни. В обязательном порядке возрождение традиционных обрядовых форм наблюдается лишь в минорити-группах переселенцев из Чечни и отдельных областей Дагестана, а также у фундаменталистов. Однако само существование таких групп создает очаги напряженности: здесь отчетливо проявляется изменение идентич-

ности в сторону этно-конфессиональной формы, что ведет к изоляции самих этих обществ и негативно сказывается на взаимоотношениях народов, проживающих в России и в Астраханском регионе в частности.

Часто проблема заключается в отсутствии четкого понимания такими группами значимости региональных культурных ценностей и их соотношения с национальным и мировым культурным наследием. Для дальнейшего развития необходимо создание целостной концепции развития региональной культуры, которая учитывала бы инновационные процессы и традиции местных народов. В противном случае усиление частных этнических идентичностей может привести к созданию изолированных территорий, жители которых окажутся неспособными выйти на общегосударственный уровень, что непременно создаст пригодную почву для межэтнических столкновений.

В 2010 г. в Астраханской области, одном из первых субъектов Российской Федерации, была разработана собственная Концепция государственной национальной политики, где говорится о необходимости противодействовать «попыткам извне воздействовать на сознание граждан разных национальностей, направленным как бы на формирование их этнической идентичности, но фактически нередко несущим угрозу межнациональному согласию и духовному единству граждан России. Это выражается в распространении в Интернете продукции, тенденциозно трактующей историю народов России и формирования российской государственности» (Шантимиров, 2018).

Для культурного диалога важны не размеры территории или численность населения, а уровень национального самосознания и способность к выходу за границы своей этноконфессиональной идентичности, потому что групповые особенности в контексте культурного многообразия приводят к разным оценкам одного и того же факта носителями разных культур. И только человек со множеством идентичностей сможет свободно адаптироваться и выстраивать культурный диалог с представителями разных культурных групп. «Старое» население Астраханского региона обладает такой идентичностью, так как является носителем различных культур — этнической, региональной, общероссийской, что становится основой для преодоления этнических противоречий за счет наднациональной идентичности и региональной самоидентификации людей разных национальностей.

Сегодня ведущая роль в формировании идентичности как на групповом, так и индивидуальном уровнях принадлежит сетевой структуре современного политического и культурного пространства. Особого внимания требует система религиозных сетей, которые отражают специфику Астраханского региона как перекрестка трех мировых религий и иудаизма. Повсеместное распространение Интернета облегчает доступ к сайтам религиозных организаций. В последнее время все большую роль начинают играть сайты, чаты или группы по интересам, связанные с трансгрессионными процессами перехода из одной религии в другую — уход в нетрадиционные культы или принятие ислама (Romanova, Yakushenkov, Topchiev, Bicharova, Lebedeva, 2016). Идет активное обсуждение проблемы «русского ислама».

В мае 2013 г. Институт национальных стратегий назвал Астрахань «южным центром ваххабизма» (Карта этнорелигиозных угроз, 2013). Поэтому сегодня для региона сохраняют актуальность проблемы, связанные с проявлениями ксенофобии, межэтнической нетерпимости, этнического и религиозного экстремизма, терроризма. Ежегодно через Астраханскую область в Россию въезжает более по-

лумиллиона иностранных граждан, в хозяйственной деятельности здесь занято несколько десятков тысяч трудовых мигрантов.

Это обстоятельство, а также большой приток в регион жителей южных республик привели к формированию новых этнических общностей из числа граждан России и иностранцев. В ряде населенных пунктов появились группы последователей нетрадиционных для Астраханской области конфессий: неопятидесятники, отделенные баптисты, суфисты, вайшнавы. По итогам 2018 г. силами кибердружинников регионального агентства по делам молодёжи в Интернете выявлено 163 случая распространения информации экстремистской направленности (Шантимиров, 2018).

Для решения существующих проблем нужны дополнительные усилия по формированию механизмов для адаптации внутренних и внешних мигрантов, их вовлечению в социально-культурную жизнь и предотвращению формирования замкнутых этноконфессиональных анклавов. Важным представляется организация изучения русского языка как иностранного для семей мигрантов из-за рубежа. К этой работе предлагается привлекать общественные и религиозные организации.

Особое внимание обращается на реализацию мероприятий, направленных на «урегулирование разногласий, возникающих в связи с возведением объектов этнического и религиозного назначения в регионе, установкой памятников, памятных знаков, мемориальных досок, а также увековечением памяти выдающихся общественных деятелей в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений» (Морозов, 2018).

В рамках данного исследования автора интересовала проблема трансформации исконной идентичности в процессе межкультурных контактов с другими народами, населяющими одну территорию. Анализ разноуровневых идентичностей, носителями которых являются представители разных национальностей, проживающих в Астраханском регионе, поможет понять процессы изменения самоидентификации, формирующейся на основе образов «мы» и «они», позволит описать особенности процесса конструирования такого многосоставного феномена, как транскультурная идентичность.

В качестве основного метода сбора эмпирической информации использовался социологический опрос различных слоев населения города и области. Возраст опрашиваемых варьировался от 18 до 70 лет. Всего в опросе приняло участие 186 человек.

В результате исследования было выявлено, что у подавляющего большинства доминирует этническая идентичность. 80% отождествили себя с этносом по факту рождения. Лишь 5% считают себя россиянами, а 14% назвались астраханцами. Интересно, что 1% опрошенных идентифицирует себя с «советским народом». Были названы признаки, по которым происходит такое отождествление. Ведущими здесь оказались знание языка (96%), причастность к своей культуре (79%) и происхождение (80%). Практически у всех дома имеются предметы национального быта, но далеко не все задумываются над их происхождением, «просто пользуются» (98%).

На вопрос о соблюдении традиций своего народа молодое поколение (в основном студенты) ответили, что если и соблюдают, то делают это ради своих близких старшего возраста (75%) либо неосознанно (пекут куличи, кайнары, участвуют в проведении Сабантуя, этноярмарки, Наурыза и т.д.). А вот те, кто приехал в область после 1990-х гг. (дагестанцы, чеченцы, узбеки, таджики, туркмены), держатся за свои обычаи и строго их соблюдают. Они не столь открытые, как их соотечественники,

давно проживающие в Астрахани, и позиционируют себя исключительно через национальные атрибуты. Видимо именно поэтому местное население испытывает к ним чувство недоверия (91%), а иногда и открытой неприязни (8%). Последнее проявляется преимущественно у молодежи.

Практически аналогично была оценена ситуация с религиозностью в области. Примечательно, что старшее поколение старожилов не являются религиозными (сказывается идеология советского времени). Падает интерес к религиозной атрибутике и у молодежи, кроме вышеперечисленных народов.

И наконец, на вопрос об изменении своей идентичности старшее поколение назвало триаду «советский (до 1990-х гг.) — по этническому признаку (после 1990-х гг. — астраханец (настоящее время)». У студентов преобладает самоидентификация по региональному типу — астраханец (86%), у приезжих доминирует этническая принадлежность.

Исследование показало, что иммиграция (образовательная, рабочая и т.д.) пошатнула существовавшее этническое равновесие в регионе. Поэтому предстоит серьезная работа по конструированию транскультурной идентичности, объединяющей население региона. А это «не только праздники, субботники и фестивали, но и прежде всего серьёзная, порою скрытая от посторонних глаз, работа по профилактике и противодействию идеологии экстремистской и террористической направленности, национального и религиозного сепаратизма» (Морозов, 2018).

Дискуссия и выводы

Перемены, происходящие в обществе, конструируют инновационное понимание идентичности, «отсылая к динамике времени, акцентируя активные, рефлексивные и конструктивные аспекты психологического развития индивидуума или культурного формирования личности» (Ассман, 2017). Идентичность не является «статичной данностью» (Малахов, 2015), она меняется под влиянием процессов адаптации и интеграции, социальных трансформаций и взаимодействий. Она и должна меняться, ибо «ненормально, когда идентичность застывает, не реагируя на вызовы времени» (Федоров, 2013). Каждый человек несет сегодня «целый портфель идентичностей» (Федоров, 2013) и пользуется ими по мере необходимости.

Тем не менее сегодня большая часть людей первичной считает все-таки этническую идентичность, которую каждый индивид несет с собой всю жизнь, четко зная, какая этническая культура ему ближе, пусть он даже по воле обстоятельств живет в другом месте. Стремление сохранить изначальную этноконфессиональную идентичность в новой среде создает адаптационные сложности.

Сегодня есть смысл говорить о формировании множественной идентичности, что позволяет, с одной стороны, «мобилизовать опыт прежней жизни для нужд настоящей и, с другой стороны, использовать коллективный опыт новой общности для собственной адаптации» (Тернова, 2004). Такую форму идентичности можно назвать транскulturой, которая представляет собой особое состояние человека, открытого «универсуму различий» (Мальковская, 2008), где культурное разнообразие и универсальность становятся достоянием одной личности, формируется чувство виртуальной принадлежности одного индивида многим культурам. Все это означает выход за пределы своей этнокультуры и диффузию исходных культурных идентичностей.

Исходные уровни идентичности связаны с традиционной культурой, поэтому их устойчивость ведет к противостоянию с инновационными процессами. В то же время глобализационные процессы в современной культуре — это развитие нового типа культурных связей, который делает возможным понимание, принятие и уважение иной культурной модели мышления и поведения при сохранении ценностного основания своей индивидуальной и национальной культуры, а значит, унификация культуры, равно как и унификация сознания невозможны в силу своей несостоятельности.

Современная Астрахань — промышленный и культурный центр, где легко угадываются очертания прошлых времен. Сохранившиеся исторические артефакты, особый архитектурный рисунок города позволяют назвать современную Астрахань музеем под открытым небом, где создана культура, основанная на сплаве западно-восточных традиций. Парадокс семантики Астраханского края заключается в том, что он одновременно выступает как граница (разграничитель) и скреп (соединитель), периферия и центр. Здесь «пограничье географическое порождает пограничье культурное» (Казакова, 2009), на котором уже длительное время взаимодействуют разнообразные этноконфессиональные группы.

Сегодня знаковым маркером становится переосмысление картины мира, что особенно актуально для традиционных культур. Суть происходящего заключается в необходимости изменения способа мышления в глобальном аспекте, предполагая признание культурного разнообразия неотъемлемой частью современного глобального процесса. А это влечет за собой более широкие формы самоидентификации. Хотя именно на этом пути возникают большие сложности в силу устойчивых паттернов традиционной картины мира.

Библиографический список

- Ассман, А. (2017) *Распалась связь времен?* М.: Новое литературное обозрение.
- Бек, У. (2003) Космополитическое общество и его враги. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 6 (1). Режим доступа http://ecsocman.hse.ru/data/537/877/1219/002_Bek.pdf
- Бенхабиб, С. (2003). *Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру*. М.: Логос.
- Боришполец, К. П. (2001) Национализм как вызов глобальному развитию. В *Мир и Россия на пороге XXI века: Вторые Горчаковские чтения. МГИМО МИД России*. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).
- Годовой отчет Астраханского губернского комитета попечительства о народной трезвости. ГААО. Ф. 582, оп.9, д. 18.
- Годовой отчет о состоянии Астраханской губернии за 1839 год. ГААО. Ф.2, оп.1, д. 320.
- Дело о прибывших из-за границы людей разных национальностей. ГААО. Ф.542, оп.1, д. 135.
- Казакова, Г. М. (2009). *Регион как субкультурный локус* (Автореферат докторской диссертации). Москва.
- Карта этнорелигиозных угроз*. (2013). Режим доступа <http://www.interfaxreligion.ru/?act=analysis&div=195>
- Кидирнязов, Д. С. (1999). *Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XVI–XVIII вв.* Махачкала: Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН.
- Костина, А. В. (2009). Кризисное состояние идентичности в современном мире: причины и предпосылки. *Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение»*, 4. Режим доступа http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina_Recessionary/

- Костина, А. В. (2011). *Массовая культура как феномен постиндустриального общества*. М.: Издательство ЛКИ.
- Малахов, В. С. (2015). *Интеграция мигрантов: концепции и практики*. М.: Мысль.
- Малахов, В. С. (2014). *Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций*. М.: Новое литературное обозрение.
- Мальковская, И. А. (2008). *Многоликий Янус открытого общества: Опыт критического осмысления ликов общества в эпоху глобализации*. М.: Изд-во ЛКИ.
- Морозов, С. (2018). *Учитывать вызовы и угрозы в сфере межнациональных отношений*. Заседание этноконфессионального совета при губернаторе Астраханской области по итогам реализации концепции государственной национальной политики в Астраханской области в 2016–2018 годах. (2018, Декабрь 25.). Retrieved from <https://etnokonf.astrobl.ru/press-release/sostoyalos-zasedanie-etnokonfessionalnogo-soveta-pri-gubernatore-astrahanskoy>.
- Мукомель, В. И. (2005). Грани интолерантности (мигрантофобия, этнофобия). *Социологические исследования*, 2, 56–66.
- Мурзина, И. Я. (2003). *Феномен региональной культуры: бытие и самосознание* (Автореферат докторской диссертации). Екатеринбург.
- Наказ Астраханским воеводам 1677 года. (1947). Астрахань (библиотечный фонд ГААО).
- Небольсин, П. (1852). *Очерки Волжского Низовья*. СПб.: Тип. м-ва внутренних дел.
- Новичкова, А. Скажи, в чем сила, брат? (2010, Декабрь 15). *Комсомолец Каспия*, 99 (6640).
- Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края* (1889). Астрахань.
- Пальмов, Н. Н. (1926). *Этюды по истории приволжских калмыков XVII и XVIII веков*. Ч. 1. Изд. Калмыцкого областного исполнительного комитета. Астрахань. VI.
- Пономарев, М. В. (2010). *История стран Европы и Америки в Новейшее время*. М.: Проспект.
- Ревизские сказки татар Агрыжанского двора. ГААО. Ф.687, оп.2, д. 1343.
- Романова, А. П. (2010). Толерантное отношение к «Другому» в молодежной среде полиэтнического региона. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 25, 15–20.
- Рыбаковский, Л. Л. (2009). *Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве*. М., РАН. Ин-т соц.-полит. исследований.
- Рыбушкин, М. С. (1841). *Записки об Астрахани*. М.: Тип. С. Селивановского.
- Саввинский, И. (1900). *Армяне в Астраханской епархии и отношение к ним местных архипастырей в 18 веке*. Астрахань, Типография В.Л. Егорова, против Окружного Суда.
- Тернова, Л. О. (2004). Глобализация и проблема формирования новых идентичностей. *Власть*, 4, 27–32.
- Указ камер-коллегии о разрешении шведским пленным жить в городах. ГААО, ф.394, оп.4, л.43.
- Указы императрицы Екатерины II (1775). ГААО. Ф.1, оп.1, д. 948.
- Урастаева, Г. Д. (2000). *Астраханские казахи: история и современность*. Астрахань.
- Федоров, В. (2013). *Российская идентичность и вызовы времени*. М.: ВЦИОМ. Режим доступа <https://wciom.ru/fileadmin/file/reports>.
- Хантингтон, С. (2004) *Кто мы?* М.: АСТ.
- Хлыщева Е.В. (2011). *Динамика культурных моделей в глобализирующемся мире* (Докторская диссертация). Астрахань.
- Шантимиров, К. З. (2018). *О реализации государственной национальной политики в регионе*. Доклад на заседании этноконфессионального совета при Губернаторе Астраханской области по вопросу «О реализации государственной национальной политики в Астраханской области: итоги и перспективы» (2018, Декабрь 25). Retrieved from <https://etnokonf.astrobl.ru/press-release/doklad-kz-shantimirova-na-zasedanii-etnokonfessionalnogo-soveta-pri-gubernatore>.

- Romanova, A., Yakushenkov, S., Topchiev, M., Bicharova, M., Lebedeva, L. *Religious networks in the context of cultural safety of the south of Russia*. 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016, DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B32/S11.107
- Topchiev, M. S., Dryagalov, V. S., Yakushenkova, O. S. The Problem of the Youth's Religious Identity Formation in the Frontier Territories of the Northern Caspian Sea Region: Contemporary Aspect. *Man In India*, 96 (12).
- Topchiev, M. S., Dryagalov, V. S., Yakushenkova, O. S. (2016). *Religious transgression on frontier heterotopia*. 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016, Aug 24–31, Book 3. Vol. 2, (815–820) DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B32/S11.108
- Topchiev, M., Romanova, A., Yakushenkov, S. *Transformation of the alien image in the post-soviet space*. In 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016. Aug 24–31, Book 3. Vol. 2, (949–954). DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B32/S11.127

Статья поступила в редакцию 13.02.2019

Статья принята к публикации 2.03.2019

Для цитирования: Хлыщева Е.В. Динамика идентичностей в культурном ландшафте Астраханского региона: от этноконфессиональной формы к транскультурной. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 1. С. 105–122.

DYNAMICS OF ETHNO-CONFESSIONAL IDENTITIES IN THE CULTURAL LANDSCAPE OF THE ASTRAKHAN REGION

E. V. Khlysheva

Elena V. Khlysheva, Astrakhan State University, Tatishcheva Str., 20A, 414056, Russia,
Astrakhan. E-mail: culture_mar@mail.ru
ORCID 0000-0001-6586-019X

Abstract. The article discusses the process of transformation of ethno-confessional identities in the modern world on the example of a particular multicultural region. The problem of cross-cultural communication in similar areas is particularly acute very much, there are lifestyles alternative to the standard norms, the aspiration to adjoin to other which begins to position itself openly increases. The difference in valuable representations closes representatives of specific groups in a narrow framework of traditional thinking, and group distinctions become a peculiar marker of modern space. The identity is not static and changes under the influence of social transformations and cross-cultural interactions. Emergence of new transcultural communities updates for science the searching of the samples developed and approved during historical development and scenarios of coexistence in the uniform cultural space of various traditions and mentalities. The changes in society design innovative understanding of identity. Globalization and migration processes lead to emergence of “indistinct identity” with the fragmented idea of the ethnic origin. As a result, the need for recognition which major line is “a claim on originality, fight for identity” increases (Malakhov, 2014). In this situation it is possible to speak about a cultural distance which is shown in the form of opposition of the cultural worlds of traditional and innovative forms. Therefore the analysis of cultural interaction of the people is connected with primary judgment of ethnocultural distinctions. The aim of the article is to study the levels and forms of interaction between different peoples and to identify changes occurring in the process of transforming the traditional worldview of the separate cultures, leading to the formation of new levels of identity. Special attention is paid to the gradual change in the ratio of regional, national and civil values and corresponding self-identification at all levels. It takes into account that the levels of identity associated with the national, ethnic, confessional spheres do not manifest themselves in pure form and are adjusted by other forms — civilizational, subcultural, racial, gender, sexual. In addition, the complex interweaving of cultural worlds makes it difficult to define one's own identity and becomes an acute problem. The process of forming a multi-level identity in the multicultural regions is most indicative; therefore, the Astrakhan region, which is notable for the diverse composition of the population and the absence of the aboriginal population, was chosen for

analysis. The author traces the dynamics of identity changes among the peoples inhabiting the region from the time of its settlement to the present. The proposed theoretical constructs of development adequate mechanisms for the coexistence of cultures require careful analysis. Such problem demands a complex system of methods, which is based on comparative analytics. A cross-cultural analysis of identification problems is required, and this cannot be done without identifying indicators of ethnic, confessional and regional levels of self-awareness. We used both diachronic and synchronous research methods. The changes in society create an innovative understanding of identity. The emergence of new transcultural formations actualizes the search for patterns and scenarios of coexistence in the common cultural space of various traditions and mentalities developed and tested in the course of historical development. All this determines the need to identify new principles of building identity, based both on history, religion, mentality and on general citizenship. The formation of such transcultural identity is well demonstrated by the Astrakhan region.

Keywords: identity, globalization, ethnoconfessionalism, intercultural communication, transformation, transculturation.

DOI: 10.31429/26190567-20-1-105-122

References

- Assman, A. (2017). *Raspalas' svyaz' vremen?* [Is the Time Out of Joint?]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Bek, U. (2003). Kosmopoliticheskoe obshchestvo i ego vrugi [Cosmopolitan Society and its Enemies]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 6 (1). Retrieved from http://ecsocman.hse.ru/data/537/877/1219/002_Bek.pdf
- Benxabib, S. (2003). *Prityazaniya kul'tury'. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nomu e'ru* [The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era]. M.: Logos.
- Borishpolecz, K. P. (2001). Nacionalizm kak vy'zov global'nomu razvitiyu [Nationalism as a Challenge to Global Development]. In *Mir i Rossiya na poroge XXI veka: Vtory'e Gorchakovskie chteniya. MGIMO MID Rossii* [The World and Russia on the Threshold of the 21st Century: 2nd Gorchakov Readings]. M.: "Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya" (ROSSPE'N).
- Delo o priby'vshix iz-za granicy lyudej razny'x nacional'nostej [The Case of New Foreign Arrivals of Different Nationalities]. *GAAO*. F.542, op.1, d.135.
- Fedorov, V. (2013). *Rossiyskaya identichnost' i vy'zovy' vremeni* [Russian Identity and the Challenges of Time]. M.: VCIOM. Retrieved from <https://wciom.ru/fileadmin/file/reports>.
- Godovoj otchet Astraxanskogo gubernskogo komiteta popechitel'stva o narodnoj trezvosti [The Annual Report of Astrakhan Provincial Committee on Guardianship of Popular Sobriety]. *GAAO*. F.582, op.9, d.18.
- Godovoj otchet o sostoyanii Astraxanskoj gubernii za 1839 god [The Annual Report on the State of Astrakhan Province for 1839]. *GAAO*. F.2, op.1, d.320. s.47.
- Hantington, S. (2004). *Kto my?* [Who are We?]. M.: AST.
- Karta etnoreligioznyh ugroz [The Map of Ethno-religious Threats] (2013). Retrieved from <http://www.interfaxreligion.ru/?act=analysis&div=195>
- Kazakova, G. M. (2009). *Region kak subkul'turnyj lokus* [Region as a Subcultural Locus] (Abstract of the Cand. Dissertation). Moskva.
- Khly'sheva E. V. (2011). *Dinamika kul'turny'x modelej v globaliziruyushhemsya mire* [The Dynamics of Cultural Patterns in the World Becoming Global]. (Abstract of the Doct. Dissertation). Astrakhan'.
- Kidirniyazov, D. S. (1999). *Nogajcy v izvestiyax russkix, zapadnoevropejskix i vostochny'x avtorov XVI-XVIII vv* [The Nogays in the News of the Russian, Western European and Eastern Authors of the 16th-18th Centuries]. Makhachkala.
- Kostina, A. V. (2009). *Krizisnoe sostoyanie identichnosti v sovremennom mire: prichiny' i predposylki* [Recessionary Condition of Identity in the Contemporary World: Causes and Prerequisites].

- Informacionnyj gumanitarnyj portal "Znanie. Ponimanie. Umenie"* [Informational Humanitarian Portal "Knowledge. Understanding. Skill"], 4. Retrieved from http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina_Recessionary/
- Kostina, A. V. (2011). *Massovaya kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshhestva* [Mass Culture as a Phenomenon of Post-industrial Society]. M.: Izdatel'stvo LKI.
- Mal'kovskaya, I. A. (2008). *Mnogolikij Yanus otkry'togo obshhestva: Opy't kriticheskogo osmysleniya likov obshhestva v e'poxu globalizacii* [Janus of Many Faces as a Symbol of Open Society: Experience of Critical Comprehension of the Society's Images in the Epoch of Globalization]. M.: Izd-vo LKI.
- Malakhov, V. S. (2015). *Integraciya migrantov: koncepcii i praktiki* [Migrant Integration: Concepts and Practices]. M.: My'sl'.
- Malakhov, V.S. (2014). *Kul'turny'e razlichiya i politicheskie granicy v e'poxu global'ny'x migracij* [Cultural Differences and Political Boundaries in the Era of Global Migration]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Morozov, S. (2018). *Uchityvat' vy'zovy' i ugrozy' v sfere mezhe'tnicheskix otnoshenij. Zasedanie e'tnokonfessional'nogo soveta pri Gubernatore Astraxanskoy oblasti po itogam realizacii koncepcii gosudarstvennoj nacional'noj politiki v Astraxanskoy oblasti v 2016–2018 godax* [To Take Into Account Challenges and Threats in the Sphere of Inter-ethnic Relations. The session of the Astrakhan Governor's Ethno-confessional Committee on the Results of Implementation of the State National Policy Conception in Astrakhan region in 2016–2018]. (December 25, 2018). Retrieved from <https://etnokonf.astrobl.ru/press-release/sostoyalos-zasedanie-etnokonfessionalnogo-soveta-pri-gubernatore-astrahanskoy>.
- Mukomel', V. I. (2005). Grani intolerantnosti (migrantofobiya, e'tnofobiya) [Facets of Intolerance (Migrantophobia, Ethnophobia)]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2, 56–66.
- Murzina, I. Ya. (2003). *Fenomen regional'noj kul'tury: by'tie i samosoznanie* [The Phenomenon of Regional Culture: Being and Self-consciousness] (Abstract of the Doct. Dissertation). Ekaterinburg.
- Nakaz Astrahanskim voevodam 1677 goda. (1947) (bibliotechnyj fond GAAO)* [Mandate Astrakhan voivode 1677. (1947) (library fund GAAO)]. Astraxan'.
- Nebol'sin, P. (1852). *Ocherki Volzhskogo Nizov'ya* [Essays on the Volga Lower Reaches]. SPb.: Tip. m-va vnutrennix del.
- Novichkova, A. (2010, December 15). Skazhi, v chem sila, brat? [Tell Me Where the Strength is, Brother]. *Komsomolets Kaspiia* [Komsomolets Kaspiia], 99 (6640).
- Otchet Petrovskogo obshhestva issledovatelej Astraxanskogo kraja* [Report of the Petrovskii Society of the Astrakhan Territory Researchers] (1889). Astraxan'.
- Pal'mov, N. N. (1926). E'tyudy' po istorii privolzhskix kalmy'kov XVII i XVIII vekov [Studies on the History of the Volga Kalmyks of the XVII and XVIII Centuries]. In Ch. 1. *Izd. Kalmy'czkogo oblastnogo ispolnitel'nogo komiteta* [Part 1. Astrakhan': Kalmyk Regional Executive Committee printing shop]. Astraxan'. VI.
- Ponomarev, M. V. (2010). *Istoriya stran Evropy' i Ameriki v Novejshee vremya* [The History of European and American Countries in the Current Times]. M.: Prospekt.
- Revizskie skazki tatar Agry'zhanskogo Dvora [Census of the Tatars in Agryzhansk homestead]. GAAO. F.687, op.2, d.1343.
- Romanova, A. P. (2010). Tolerantnoe otnoshenie k "Drugomu" v molodezhnoj srede polie'tnichnogo regiona [Tolerant Attitude to the "Other" Among the Youth in a Poly-ethnic Region]. *Kaspijskij region: politika, e'konomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economy, Culture], 25, 15–20.
- Romanova, A., Yakushenkov, S., Topchiev, M., Bicharova, M., Lebedeva, L. (2016). Religious networks in the context of cultural safety of the south of Russia. In *3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016*. DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B32/S11.107

- Ry'bakovskij, L. L. (2009). *Transformaciya migracionny'x processov na postsovetском prostranstve* [The Transformation of Migration Processes in the Post-Soviet Space]. M., RAN. In-t socz.-polit. issledovanij.
- Ry'bushkin, M. S. (1841). *Zapiski ob Astraxani* [Writings on Astrakhan']. M.: Tip. S. Selivanovskago.
- Savvinskij, I. (1900). *Armyane v Astraxanskoj eparxii i otnoshenie k nim mestny'x arxipasty'rej v 18 veke* [The Armenians in the Astrakhan' Diocese, and the local Archpastors' Attitude to Them in the 18th Century]. Astraxan', Tipografiya V.L. Egorova, protiv Okruzhnogo Suda.
- Shantimirov, K. Z. (2018). O realizacii gosudarstvennoj nacional'noj politiki v regione [On the Implementation of the State National Policy in the Region]. In *Doklad na zasedanii e'tnokonfessional'nogo soveta pri Gubernatore Astraxanskoj oblasti po voprosu "O realizacii gosudarstvennoj nacional'noj politiki v Astraxanskoj oblasti: itogi i perspektivy"* [Report at the Session of the Astrakhan Governor's Ethno-confessional Committee "On the Results of Implementation of the State National Policy in Astrakhan' Region: Outcomes and Prospects"] (2018. December 25). Retrieved from <https://etnokonf.astrobl.ru/press-release/doklad-kz-shantimirova-na-zasedanii-etnokonfessionalnogo-soveta-pri-gubernatore>.
- Ternova, L. O. (2004). Globalizaciya i problema formirovaniya novy'x identichnostej. *Vlast'* [Power], 4, 27–32.
- Topchiev, M. S., Dryagalov, V. S., Yakushenkova, O. S. (2016). *Religious transgression on frontier heterotopia. 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016*, Aug 24–31, Book 3. Vol. 2, (815–820) DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B32/S11.108
- Topchiev, M. S., Dryagalov, V. S., Yakushenkova, O. S. The Problem of the Youth's Religious Identity Formation in the Frontier Territories of the Northern Caspian Sea Region: Contemporary Aspect. *Man In India*, 96 (12).
- Topchiev, M., Romanova, A., Yakushenkov, S. Transformation of the alien image in the post-soviet space. In *3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016*. Aug 24–31, Book 3. Vol. 2, (949–954). DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B32/S11.127
- Ukaz kamer-kollegii o razreshenii shvedskim plenny'm zhit' v gorodax [The Kamer-Kollegiia's Decree on Permission for the Swedish Prisoners-of-war to Reside in the Cities]. GAAO, f. 394, op.4, l.43.
- Ukazy' imperatricy Ekateriny' II [Decrees of the Empress Catherine the II]. (1775). GAAO.F.1, op.1, d.948.
- Urastaeva, G. D. (2000). *Astraxanskije kazaxi: istoriya i sovremennost'* [Astrakhan' Cossacks: History and Modernity]. Astraxan'.

Received 13.01.2019

Accepted 2.03.2019

For citation: Khlysheva E.V. Dynamics of Ethno-Confessional Identities in the Cultural Landscape of the Astrakhan Region. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 1. Pp. 105-122.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

«СТРАСТИ ПО ПЕРЕСТРОЙКЕ» В ПАМЯТИ И СУДЬБАХ ВЫПУСКНИКОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА КУБАНСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА 1992 И 1993 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ИНТЕРВЬЮ)¹

И. Г. Тажидинова

Тажидинова Ирина Геннадьевна, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, 350040, Россия. Эл. почта: tajidinova@yandex.ru
ORCID 0000-0002-1356-6623

Аннотация. Перестройка как поворотный момент в развитии общества, стремительный конец советской эпохи и вступление в период «постсоциализма» — вехи недавнего прошлого, требующие научного осмысления. Особенно актуально рассмотрение человеческого измерения переходного периода, т.е. социокультурных, социально-психологических процессов рубежа 1980–1990-х гг. С учетом состояния документальной базы по периоду перестройки важным источником о ней являются устные свидетельства очевидцев. В настоящей статье представлены результаты проведенного в 2018 г. социологического исследования, направленного на выявление отношения к перестройке тех, кто в позднесоветский период принадлежал к студенческой молодежи, и того, каким образом перестроечные перемены отразились на их ценностях, жизненных планах, быте. Проанализированы материалы 22 глубинных интервью, проведенных нами среди выпускников дневного отделения исторического факультета Кубанского государственного университета 1992 и 1993 гг. Перестроечные перемены имели для многих из них особое значение, поскольку вносили коррективы в профессиональные планы (как минимум, исчезала перспектива карьерного роста по партийной линии). Результаты интервью позволяют заключить, что восприятие общественных перемен студенческой молодежью имело свою динамику, но сводилось преимущественно к позиции наблюдателей. Первоначально перестройка была маркирована положительно, но позднее возникающие в ходе ее социальные проблемы породили скептические настроения. При этом, имели место демократические веяния на самом историческом факультете, расширились возможности научно-исследовательской работы. Самым тяжелым последствием перестройки называется распад СССР, тем не менее, личные воспоминания информантов о повседневности конца 1980 — начала 1990-х гг. окрашены позитивно, что объясняется оптимизмом молодости, интересной студенческой жизнью на истфаке.

Ключевые слова: перестройка, конец 1980 — начало 1990-х гг., исторический факультет КубГУ, студенты, преподаватели, декан, повседневность, профессиональное самоопределение, общественные настроения.

Введение

Поиск стратегий исследования недавнего прошлого — один из интеллектуальных трендов западной и российской социогуманитаристики. Среди предлагаемых идей — рассмотрение человеческой ситуации в новейшей истории на материале пристального анализа (close reading) локальных временных отрезков, и, надо отметить, данный подход оправдывает себя все чаще (Прохорова, 2007; Piretto, 1998). В этом ракурсе актуально обращение к уникальному опыту очевидцев тектонических исторических сдвигов эпохи перестройки, т.е. тех нескольких лет, которые уже разобраны на этапы и вехи, но все еще недостаточно изучены. Особенно назрело исследование социально-психологических эффектов перестройки, и для этого есть, как минимум, два основания. Во-первых, общественный интерес ко второй

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина» в рамках проекта «Социальная история России (1990-е годы)».

половине 1980-х – началу 1990-х гг. как поворотному этапу в развитии страны по-прежнему обострен, но далеко не удовлетворен. Во-вторых, академическим сообществом осознана проблема источниковой базы для исследования периода перестройки, поскольку политологи, социологи, историки уже столкнулись с тем, что документальный материал о нем не так богат, а порой неполон или искажен.

В этих условиях обращение к свидетелям перестройки, которые в какой-то мере являлись и участниками связанных с нею событий, представляется шагом на пути детализации и осмысления социокультурных, социально-психологических процессов, имевших место в переходный период. Предпринимая этот шаг, мы возлагали определенные надежды на то, что участники нашего опроса – историки по полученной в вузе специальности (в годы перестройки – студенты исторического факультета), а значит, кроме непосредственной включенности в события, освоения новых жизненных практик они могли параллельно рефлексировать по поводу переживаемого, или их профессиональная память сохранила особую информацию о происходившем (Копосов, 2001). В целом же мы исходили из положения о психологической достоверности свидетельств устных источников, не менее важной, чем фактологическая достоверность (Portelli, 1991), а также из того, что частная судьба позволяет увидеть точки бифуркации, актуальные для большой, социологически значимой группы лиц.

О предпосылках и ходе перестройки, оценке ее итогов написано немало, в том числе с позиций исторического опыта минувших с того времени лет (Коэн, 2007; Пок де Фелиу, 2005; Прорыв к свободе..., 2005). В контексте нашей темы наиболее полезны исследования, связанные с анализом общественных настроений в период реформ 1985–1991 гг. Здесь стоит отметить опубликованную в 1991 г., т.е. по горячим следам, статью Л. Гудкова и Б. Дубина, где социологами уже зафиксированы такие явления, как усталость от перемен, нестабильности жизни, необходимости распорядиться пришедшей свободой (Гудков, Дубин, 1991). Начиная с 1988 г. динамику оценок и переживаний населения СССР по поводу происходивших в обществе трансформаций отслеживали опросы ВЦИОМ (Всесоюзного центра изучения общественного мнения, образованного в 1987 г.). Опираясь на данные этих масштабных опросов, А. Левинсон восстанавливал спектр настроений (преимущественно драматических), которые испытывали различные категории населения страны в изменчивой ситуации рубежа 1980–90-х гг. В частности, студенты как молодая и образованная часть населения демонстрировали наиболее высокий градус оптимизма по поводу перемен, и это отмечалось даже в 1990 и 1991 гг., когда настрой общества в целом сместился в зону скепсиса (Левинсон, 2011).

О настроениях и впечатлениях перестроечных лет (в том числе и в среде молодежи) свидетельствуют результаты проекта «Напишем историю вместе...», в ходе которого жителям одного из регионов России было предложено написать небольшое сочинение о своей повседневности в период 1985–1991 гг. (Ковалевская, 2014). По своему информативны материалы интервью с преподавателями и выпускниками вузов или отделений вузов исторического профиля, благодаря которым также появляется возможность хотя бы фрагментарной реконструкции человеческого измерения перестройки (Последнее советское..., 2011; Сборник воспоминаний..., 2016; Тажидинова, Уфимцева, 2012). Собственно, этой цели подчинено и наше исследование, проведенное методом глубинного интервью. Данное исследование было направлено на выявление отношения к перестройке тех, кто в позднесоветский период принадлежал к студенческой молодежи, а также влияния перестроечных

перемен на их ценности, жизненные планы, повседневность. Интервью строились как биографические и одновременно экспертные; наши собеседники описывали и оценивали перемены, происшедшие в период перестройки и далее в 1990-е гг. в разных сферах жизни общества, наложившие отпечаток на их судьбы. Приступая к исследованию, мы отталкивались от гипотезы, что восприятие перестроечных перемен студентами дневного отделения исторического факультета Кубанского госуниверситета (выпуски 1992 и 1993 гг.) имело свою динамику, но отличалось поверхностностью, вследствие чего соответствующие общественным трансформациям коррективы в индивидуальные профессиональные и жизненные стратегии вносились молодыми людьми с запозданием, а последствия перестройки переживались и переживаются до сих пор достаточно драматично.

Студенты исторического факультета КубГУ и реалии перестройки

Знакомство с личными делами выпускников дневного отделения исторического факультета Кубанского госуниверситета 1992 и 1993 гг. (123 дела, находящихся на хранении в архиве КубГУ) и серия проведенных с выпускниками интервью (22 в течение 2018 г.), позволяют заключить, что перестроечные реалии особым образом воздействовали на жизненные траектории многих из них. Начиная свое исследование, мы исходили из предположения, что, поступив во второй половине 1980-х гг. на престижный факультет лучшего вуза Кубани, эти юноши и девушки в большинстве своем претендовали на достаточно высокие стартовые позиции после его окончания. Будучи идеологическим факультетом и к тому же при отсутствии на тот момент в структуре университетского образования факультетов управления, истфак потенциально открывал перспективы занятия руководящих должностей (главным образом в партийной номенклатуре) и, соответственно, достойной по меркам советского времени материальной обеспеченности. Однако именно такие ожидания в итоге оказались перечеркнуты перестройкой.

Действительно, по результатам проведенных интервью выяснилось, что у значительной части поступивших на дневное отделение истфака КубГУ в 1987 и 1988 гг. (а это те, кто завершит обучение в 1992 и 1993 гг.) ориентации на карьерный, в первую очередь номенклатурный, рост были выражены в той или иной степени. Так, практически все наши собеседники подтвердили свою хорошую осведомленность о престижности исторического факультета (помнят, к примеру, что конкурс на юридический факультет был ниже) и о том, какие именно горизонты диплом истфака открывал. Треть информантов без лишнего смущения заявили, что поступали из соображений продвижения по партийной лестнице; некоторых на этот счет проинструктировали родители, других подтолкнуло военно-политическое начальство во время службы в армии. Что касается комсомольских активистов, к середине 1980-х гг. уже массово торивших дорогу на истфак, то их влекли туда не только карьерные амбиции, а зачастую искреннее желание продолжать самореализацию в сфере общественной работы, организовывать будни и праздники советской молодежи, своих же друзей и товарищей (Тажидинова, 2018). В любом случае вытекавший из комсомольского активизма шанс на дальнейшее приложение своих сил именно в руководящих эшелонах КПСС был логичен и подтвержден множеством конкретных примеров. Сказанное, разумеется, не означает, что на истфак не попадали ребята, мечтавшие стать школьными учителями или археологами. Таких тоже было немало, однако «не большинство», на чем настаивают наши информанты. Кроме того, важно, что увлеченность историей, любовь к ней со школьной скамьи,

и особенно в студенческие годы, подтвердили почти все опрошенные выпускники, независимо от карьерных установок или отсутствия таковых при поступлении.

Для начала нам предстоит разобраться в вопросе, как именно маркирована перестройка в памяти наших информантов, большую часть этого периода находившихся в статусе студентов (основная масса выпускников 1992 и 1993 гг. — это рожденные в 1969, 1970 и 1971 гг.). А именно: в каких сферах они заметили перемены в первую очередь, какова была валентность эмоций по поводу тех или иных явлений, к каким действиям трансформации побуждали? Особенно важно выяснить реакцию тогдашних студентов истфака на падение престижа выбранной специальности, разрушение карьерных перспектив (если таковые имели место), так как от характера и скорости этой реакции напрямую зависело профессиональное самоопределение после окончания университета.

Что касается общей оценки перемен, то она в большинстве случаев на момент проведения политики перестройки помнится информантам как позитивная. Во-первых, привлекала неизмеримо возросшая по сравнению с предыдущими периодами советской истории степень свободы. Во-вторых, в обществе чувствовался большой интерес к истории. Это отозвалось введением в научный оборот новых исторических источников, возможностью исследовать новые, ранее запретные либо замалчиваемые темы (некоторые из наших респондентов разрабатывали их в курсовых и дипломных работах).

Д.И., которая была дочерью партийного работника краевого уровня, воспринимала общественно-политические новации с любопытством: «*“Надо же, как интересно...”*», — *вот так я реагировала*. Поскольку папина опека вселяла уверенность в завтрашнем дне (правда, в номенклатуру девушка не стремилась, а подумывала о работе в музее), то последствия перемен на свою жизнь она не проецировала. Тем не менее избегать вторжения этих последствий в частную сферу не удавалось, о чем свидетельствует приведенный нашей собеседницей пример: «*1988 год. Папа отправил меня отдыхать в Крым. Это был какой-то дом отдыха. Там я это на себе испытала. Помню, что был жуткий интерес к истории со стороны вообще большинства населения. И когда кто-то узнавал со стороны, что я учусь на истфаке, то это даже иногда была агрессия. Что как будто во всех каких-то бедах страны виноваты мы... Это был какой-то ужас. Что могла я им ответить после 1-го курса?! В глубинных процессах исторических я еще не разбиралась. Я чувствовала вот этот негатив*» (Интервью 10).

О реакции удивления по поводу перестроечных перемен свидетельствует и другой выпускник — выходец из семьи политработника. Отец Т.А. возглавлял Институт марксизма-ленинизма в Краснодаре и, следовательно, «*конспектировал все съезды*», «*многое через себя пропускал*». Поэтому дома в связи с перестройкой, по воспоминаниям Т.А., сложилась «непростая» обстановка: «*Потому что рушились очень многие устоявшиеся каноны, нормы. Неизвестность вся эта...*» (Интервью 17).

Вообще сложности переживания перестройки старшим поколением своих семей упомянули многие наши собеседники. М.О. помнит, как это происходило с ее отцом — главным инженером одного из кубанских совхозов: «*...Он начал сникать, и я видела его реакцию на происходящее. Негативную реакцию. Я видела его опасения. Он делал такие прогнозы, которые, как он говорил, все это, к сожалению, было осуществлено. Замечала именно по папе. Потому что папа был достаточно умным человеком. Видела, что ему больно. Так как [происходили] какие-то вещи, которые не соотносились с понятием “справедливость”, “социальное общество”. И как он резко на это реагировал. Я прожи-*

вала вместе с ним это. Не так как он, потому что моего возраста не хватало [чтобы понять]. Кроме того, молодость, юность, вот это опьянение свободой...» (Интервью 13).

Для Г.Т. одним из знаков перестроечного времени стали заседания съездов или конференций, которые теперь выглядели «неформально», вплоть до «непарламентских выражений» и анекдотичного поведения их участников, над которым вместе с отцом «смеялись, рыдая» у телевизора. Другой чертой времени для Г.Т., чья мать работала в торговле, остался вид пустых полок в магазинах, и то, что обычные практики обмена товарами между продавцами различных торговых точек давали сбой, так как обмениваться стало практически нечем (Интервью 18).

Из положительного в повседневной жизни К.Д. особенно запомнил изменения в содержании телевидения и появление видеофильмов: «Поздний Советский Союз, он очень интересен. Потому что начало все по чуть-чуть, дозировано [появляться]. По телевизору там каждый день “Взгляды” эти все... Тут же и музыка пошла, тут же пошли первые видеоклипы (Билли Джоэл, Майкл Джексон), фильмы. И все это народ впитывал. Для меня открылся Голливуд» (Интервью 16).

Тенденции демократизации на историческом факультете

Интересно, как в связи с перестройкой менялось течение жизни на самом историческом факультете, в студенческой и преподавательской среде. К.Д. вспоминает, что впервые столкнулся с проявлениями перестройки в колхозе, куда первокурсников направили собирать яблоки осенью 1988 г. К студентам обратился сопровождавший их преподаватель кафедры педагогики, который провозгласил в духе времени, что «мы ждем перемен», и в данном случае они будут заключаться в полном самоуправлении. Действительно, из состава первокурсников выбрали комсорга, коменданта и начальника лагеря, а курировать самоуправление прислали старшекурсников. Все это, как помнит К.Д., принималось студенческой молодежью с восторгом (Интервью 16).

Ш.Г. особенно отчетливо помнит неформальное восприятие студентами истфака июньской конференции ЦК КПСС 1988 г.: «Мы жили в общежитии, и крыло у нас было чисто историческое, и было удивительно... и это был действительно глоток свободы... когда шли прямые трансляции и, как правило, в каждой комнате были открыты двери, и в каждой комнате у историков звучали вот эти заседания партийной конференции. <...> Я поняла, что что-то меняется, когда был “открытый микрофон” в зале заседания этой конференции, и то, что мы все это слушали. Мы это все обсуждали, несмотря на то, что была сессия. Абсолютно другие экзамены, «Древний мир» мы сдавали. Но мы обсуждали то, что происходит в стране» (Интервью 14).

Ш.Г. утверждает, что все перемены оценивала тогда однозначно положительно, а особенно возможность работать с рассекреченными документами. На уровне курсовых работ в течение трех лет она продвигалась к написанию прежде невозможной темы дипломного проекта «Творческая деятельность советских политзаключенных в 1930-х — первой половине 1940-х гг.» (встречалась с репрессированными, записывала их воспоминания), планировала кандидатскую диссертацию по этой проблематике. Похоже, в случае Ш.Г. произошла не вполне осознанная ею самой (но позитивная с точки зрения изменения внешних условий) переориентация с партийной карьеры на научную. Дело в том, что девушка из кубанской глубинки поступала на истфак в 1987 г. с амбициозной целью подниматься вверх по номенклатурной лестнице, однако к 1992 г., когда она заканчивала университет, от этого стремления не оста-

лось и следа, и не только по объективной причине отсутствия искомой лестницы, но главным образом из-за увлеченности Ш.Г. научными исследованиями.

В.О. вспоминает, что в период перестройки «резких изменений» в жизни страны не замечал (за исключением распада Советского Союза в 1991 г.), хотя иногда над происходящим «задумывался». Считает, что лично его затронуло только решение I Съезда народных депутатов (1989 г.) о досрочной демобилизации студентов, потому что служить в армии ему довелось немногим больше года вместо двух лет (Интервью 15). Об этом опыте досрочного возвращения из армии либо о том, что была получена отсрочка от армии (поступившим в 1988 г.), вспомнили почти все наши информанты-мужчины, причем без огорчения.

Ц.А., напротив, припоминает свое восприятие перестройки как негативное. До поры до времени перестройка, по его словам, «была в телевизоре», но непосредственно «коснулась [истфака], когда начали забирать преподавателей воевать в Карабах. <...> Был митинг, после которого всех резервистов вернули домой в Краснодар. Я участвовал. Это же не было дебошем, не было никакого Майдана. Это просто... Там много было женщин, которые не пускали своих мужей на эту войну, потому что это было начало гражданской войны. Нас это никого не устраивало, и, естественно, мы начали протестовать. Но тогда уже дух, ну не свободы, дух протеста витал в воздухе. Уже люди начали возмущаться. И я думаю, что отсутствие колбасы в магазине — это не главный был толчок. А людей возмущала какая-то глупость власти. И Горбачева, которого я смотрел по телевизору» (Интервью 7).

Свой негативный отклик на отдельные явления перестройки вспомнила и С.Т. Лично ее поразили невыплаты зарплат, о которых регулярно сообщалось в новостях: «Потому что когда я смотрела телевизор: шахтеры касками тарабанили на Красной площади, на этом Горбатом мосту. Для меня это было... Ну как так?! Такой тяжелый труд. Чем же им кормиться, если это только шахтер. Там больше негде работать, ну как так? Вот это меня даже не то чтобы возмущало, я была шокирована. Я никак не понимала, почему так происходит» (Интервью 3).

Т.А., выпускник истфака 1993 г., в настоящее время практикующий частным образом как психолог, объясняет, что в тот момент у его сверстников происходило совпадение психологического возраста («максимализма 20 лет») и изменений в стране, т.е. «они наложились друг на друга». Отсюда у части студентов возникло настроение, которое выражалось так: «Мы живем в новом [обществе], теперь мы можем по-другому». Этот настрой воплощался в конкретных действиях. Например, Т.А. (и не только он) вспомнил историю, когда группа студентов пришла к тогдашнему декану исторического факультета Петру Яковлевичу Угриновичу и озвучила свое нежелание участвовать в первомайской демонстрации, что, разумеется, трудно вообразить в доперестроечный период. Т.А. поведал о том, как характерно (можно сказать, в духе времени) завершилась эта история: «Угринович к нам пришел и обратился с просьбой к курсу. Он объяснил: “Ну, вы же понимаете ситуацию, от меня требуют, чтобы были люди. И, соответственно, я требую от вас. Поэтому у меня к вам просьба. Пожалуйста, приходите. Да, пускай вы не верите в это...” Просьба Петра Яковлевича была гораздо важнее, нежели давление партийных структур по поводу того, пойдем мы или нет. Когда он сказал, что “меня накажут”, мы сказали: “Ну, чтобы вас не наказали, мы придем... Ну, пиво мы сможем с собой взять?” Он говорит: “Однозначно, берите»» (Интервью 17).

Вообще имя Петра Яковлевича Угриновича, на должности декана истфака КубГУ (1978–1992 гг.) завершавшего свое продвижение по партийной лестнице, в наших

интервью возникало неоднократно и не случайно. Судя по тем историям, которыми поделились выпускники, декану, отличавшемуся демократизмом, было безразлично мнение молодежи относительно перестроечных трансформаций в партии и стране. В этом смысле внимания заслуживает рассказ Г.Т. о том, как однажды в аудитории, где Угринович проводил лекцию по «Истории КПСС» для студентов вечернего отделения, погасло электричество. Но декан продолжил пару в темноте необычным образом. *«Угринович, он же такой, очень заводной товарищ был, — вспоминает Г.Т. — И он давай провокационные вопросы задавать, а темно же, не видно, кто отвечает, кто говорит... Поэтому такой хороший разговор, [хотя] ничего как бы такого не политкорректного не было. Какие вопросы? Ну, вы считаете ли правильным, что вот сейчас какие перемены грядут? Или надо было все-таки сохранить все? Ну, вот такого рода вопросы. Как вы относитесь...? Тогда же был 1987 год»* (Интервью 18). По твердому убеждению выпускницы Угринович использовал ситуацию для более-менее откровенного разговора со студентами, недопустимого при свете дня, и в этом проявилась его «неортодоксальность».

При этом ряд выпускников отметили собственное равнодушие к общественным переменам. К.Н. утверждает, что не замечала их вообще, точнее, они перекрывались *«занятиями, общагой, какими-то своими личными [делами], влюбленностями, эмоциональными порывами»*. Сегодня она вспоминает об этой индифферентности с усмешкой: *«Я как абсолютно нормальный человек что-то для себя фиксировала, какие-то отдельные факты, но сказать, что они как-то влияли на меня — вообще нет! То есть они прошли мимо окон, скажу честно. Хотя я училась на истфаке»* (Интервью 12).

Н.И., в студенческие годы чрезвычайно активная в общественных, в том числе комсомольских, делах, также подтвердила, что к перестроечным переменам *«никак не относилась»* (Интервью 11). Это равнодушие она объясняет как захватившим ее водоворотом веселой студенческой жизни (*«Нам сильно не до этого было»*), так и ранним замужеством (в конце 1-го курса, в 1989 г.). Кроме того, семья Н.И. *«никоим образом не была связана с номенклатурой»* (родители — беспартийные), поэтому информация о реформах, исходивших из верхов КПСС, дома почти не обсуждалась. В любом случае никаких особых политических дискуссий по поводу происходившего в стране среди истфаковцев Н.И. припомнить не может, за исключением разве что *«войны»* двух карьерно-ориентированных лидеров за пост факультетского секретаря комитета комсомола.

Зато благодаря интервью с Н.И. мы располагаем ценным наблюдением студентки за реакцией преподавателей исторического факультета Кубанского госуниверситета на ход перестройки. *«Вся вот эта ситуация в стране — она была таким неким на нашем факультете спектаклем из преподавателей, — рассказывает Н.И. — Потому что на глазах у нас доцент Громов из простого парня пашковского превратился... в атамана Всекубанского казачьего войска [в 1990 г.]... пришел на 3-м курсе в папахе, в бурке, бросил все, и начал уже как атаман с нами разговаривать... не в плане хамства... а был обыкновенным, а тут... Я помню очень хорошо, как вышел из партии Ждановский, вышел из партии Смертин. А Павловский, наоборот, вошел в партию. Они же очень хорошие друзья были. И Смертин, и Павловский. И есть, и всегда будут. Но как они спорили, и очень при этом друг друга уважали. Потому что они, когда приходили на лекции, то первым делом они выплескивали все то, что у них там на душе. Я просто помню, насколько это было интересно. Но я не помню сути, что они говорили. Ну, понятно, что суть примерно ясна»* (Интервью 11).

Динамика восприятия перестроечных перемен и их последствий

Для части наших собеседников ощутим водораздел в собственном восприятии начала перестройки и ее неожиданных последствий вплоть до бесславного финиша. Б.В. прошел в связи с этим несколько этапов, и первым из них был *«интерес и подъем»*: *«Я читал газету “Московские новости”, там в колхозе прямо обсуждали между собой. Вот эта статья Пола Саймона “Три [грядущих] кризиса Михаила Горбачева” в 1987 году — я прям хорошо ее помню. <...> Перестройка не воспринималась как крушение чего-то. Наоборот, воспринималась как что-то положительное, открытие. Потом вот эта вот борьба с пьянством, алкоголизмом. Многие старшие потешались над этим, но вот я-то знал (я же в рабочем районе жил), где и кто выпивает и прочее. И я, действительно, был убежден, что вот такая мера необходима. Мы привыкли свято верить в то, что говорит Пленум ЦК КПСС. И когда я уходил в армию, тоже у меня не было ощущения [несогласия с перестройкой]»*. Такое ощущение пришло к Б.В., в чьей семье были *«военные традиции»*, спустя полгода службы в армии, когда он увидел разложение этих традиций и то, что *«старшие товарищи, офицеры называли развалом армии»*, а командировка в Среднюю Азию только усилила тревогу. Б.В. продолжает: *«И это все почему-то у меня сложилось, что вот эти вот явления все, они вылезли как будто из-за перестройки. То есть... она послужила причиной этих явлений. Хотя потом я понял, что нет. Это просто вскрылось»* (Интервью 2).

Несмотря на возникающие сомнения, в армии Б.В. стал кандидатом в члены КПСС (не без давления со стороны непосредственных командиров), а по возвращении на учебу возглавил комсомольскую организацию факультета. И вот тогда, на рубеже 1980–1990-х гг. перемены стали казаться ему *«слишком резкими»*, что, например, заметно отразилось на районе его проживания (тесно связанном с деятельностью крупного предприятия Краснодара — завода радиоизмерительных приборов) и жизни собственной семьи (отец информанта занимал должность заместителя Генерального директора завода РИП). Б.В., который с 1990 г. стал подрабатывать на заводе испытателем радиоаппаратуры, помнит, как начались сокращения работников завода, распродажа ценных металлов (*«валом (лопатой) грузили детали, содержащие драгметаллы»*) и сдача в аренду заводских помещений. И хотя семья замдиректора завода РИП не бедствовала, а даже получила *«чуть-чуть больше материальных возможностей»* (к примеру, знаковым событием стало приобретение видеомагнитофона в 1989 г.), но ощущение подъема, с которым первоначально была принята перестройка, стремительно улетучивалось (Интервью 2).

Хотя таких и меньшинство, но некоторые запомнили перестройку в первую очередь как ухудшение собственной житейской ситуации. П.В., приехавшая учиться в Краснодар из станицы, говорит о нараставшем в тот период беспокойстве: *«Поскольку жила я в общежитии, заботы о том, как и что я покушаю, они ложились на меня саму. Поэтому то, что я видела на прилавках магазинов... а видела я там все меньше и меньше продуктов... и необходимость добывать себе еду в длинных очередях, каким-то образом менять талоны, которые нам выдавались в профкоме на еду в столовой университетской, т.е. это все пугало, это все настораживало»*. Размышления на бытовые темы приводили к более серьезным выводам: *«То есть было ощущение некоего внутреннего ...не скажу испуга, но какая-то трещина пошла. Потому что если раньше я четко понимала, что в ближайшие лет 50 у меня все понятно в моей жизни, и вот те небольшие денежки, которые у меня [будут], я понимала, на что они, и для меня было понятно, что я буду делать после окончания, я точно понимала, что я буду*

трудоустроена, что у меня будет свое жилье, и как, собственно, будет происходить моя жизнь. Это работа, это отпуск, когда я буду куда-то уезжать. Это моя общественная жизнь, помимо профессиональной непосредственной деятельности. Это будет востребованность какая-то. То есть я точно понимала, что это будет...» (Интервью 1).

Ближе к финалу перестройки студентам-историкам все сложнее было уклоняться от понимания того, что данный процесс напрямую отразится на их карьерных планах (а такие, как мы выяснили, имелись у многих). Смягчающими этот удар обстоятельствами, судя по всему, были оптимизм, свойственный молодежи, и активное построение личной жизни, в которое обычно погружены 20-летние юноши и девушки. С.Т. рассказывает об этом так: *«Когда стало понятно, что Коммунистическая партия потеряла свой, скажем так, удельный вес в обществе, весомый. Когда стало понятно, что коммунистом быть не то чтобы не престижно, а уже даже в некоторых моментах и некрасиво. То есть вот этот переломный момент, он, может быть, на меня какое-то впечатление негативное бы и произвел. Но дело все в том, что это молодость, что это первые, скажем так, отношения близкие. И я попала в такое вот положение, когда об этом я даже не задумывалась»* (Интервью 3).

П.С. поделился уверенностью, что какого-то более-менее синхронного понимания воздействия общественно-политических перемен на собственную судьбу у его однокурсников не было и быть не могло. Объяснил так: *«Не понял. Потому что мы не знали ничего другого. Если тебе кто-то скажет, что понимали, куда мы идем — вранье. Не понимал никто это. Понимаешь, мы попали в тот период, когда было что-то, был у нас Бог, скажем так, в виде партии. Когда, извини меня, все учили цитаты этих съездов, которые я знал наизусть. И когда появляется новый Бог... деньги... мы не знали, как молиться этому Богу. У нас и получилось, что мы заканчиваем [университет] в 1992 г., и я думаю: “Да ладно, все еще наладится”»* (Интервью 8). Как верно заметил Ц.А., для большинства *«начало все по швам трещать, [только] когда рухнул Советский Союз»,* и в 1992 году он и его однокурсники *«получили дипломы еще с гербом несуществующей страны... советские дипломы»* [Интервью 7].

Здесь уместно рассмотреть рассуждения информантов об итогах перестроечного времени, причем высказались они об этом не в политическом или экономическом разрезе, а преимущественно в человеческом. В главном их мнение не отличается от преобладающего в массовой памяти в настоящее время, поскольку тоже сфокусировано на «развале СССР» (Левинсон, 2011; Raviot, 2016). «Развал страны» как трагическая, ощутимая до сих пор потеря, — это то, что практически половина наших информантов считает прямым следствием перестройки, причем все-таки неожиданным. Между тем в этом моменте результаты наших интервью расходятся с основным выводом книги А. Юрчака «Все было навечно, пока не кончилось. Последнее советское поколение» о том, что, несмотря на восприятие большинством советских людей советской системы как вечной и неизменной, они в принципе были всегда готовы к ее распаду (Yurchak, 2006). Здесь стоит вспомнить, что ранее Стивен Коткин обратил внимание на то, что глубокую драму распада СССР в 1991 г. в свое время оценили отнюдь не так, как она того заслуживала. Более того, будучи «продуктом советской действительности, Россия унаследовала от Советского Союза все, что стало причиной его распада, равно как и само состояние распада» (Kotkin, 2001).

Среди потерь, которые были понесены населением страны и непосредственно нашими информантами, начиная с перестроечных лет, называются: стабильность, уверенность в завтрашнем дне, наполненность жизни, гордость за свою страну. Но-

стальгически высказалась об этом П.В.: «Меня жутко интересовали все происходящие события в мире, в нашей стране. Я была активна социально. Это тоже наполняло. Гармонично. Моя востребованность как человека, у которого есть какие-то знания, который ими может поделиться, который может быть полезен людям... Мир крутился вокруг. И я четко понимала, где я в этом мире. И все было на своих местах. Моя мечта была со школы — это объехать все 15 республик. Потому что это “15 сестер”. И для меня таджик, узбек, грузин, белорус — это было все родное, мое. И мне от этого так классно было. От того, что я живу на просторах этой огромной страны. Кожей я чувствовала, что я та самая девочка, которая живет в Этой Большой Стране. У меня оно было... И для меня это, конечно, большая потеря. Статус страны, статус человека советского. Это же то, с чем я росла и жила» (Интервью 1).

Этим словам вторит Ш.Г., останавливаясь на идентичных болевых моментах. Во-первых, на том, что сегодня ей лично крайне не хватает статуса страны, который та имела в мире до 1990-х гг. Во-вторых, на том, что в эпоху перемен был нанесен удар по востребованности человека, что повлекло и влечет за собой неизмеримые потери. Ш.Г. рассуждает: «Вот нет [сейчас] идеологии, которая [тогда] заставляла человека чувствовать себя нужным. Мы поступали в вуз в 1987 году — мы знали, что мы нужны своей стране. Я могла распланировать, что я в 1992 закончу университет высококласным специалистом, меня распределят, я смогу иметь квартиру. То есть я нужна. И оказалось, что мы никому не нужны» (Интервью 14). В данном случае перед нами совпадающие человеческие (не экспертные) оценки успеха проведенных в стране на рубеже 1980–1990-х гг. реформ, которые, между прочим, даны крупным менеджером в сфере ресторанного бизнеса из столицы Кубани и учителем гимназии с многолетним стажем из провинциального кубанского города. Совпадение представляется симптоматичным, и не исключено, что подобное тождество взглядов представителей разных социальных и профессиональных групп, по которым распределились к настоящему времени выпускники истфака 1992 и 1993 гг., возникнет в последующих интервью, запланированных на ближайшие годы.

Заключение

Подводя итоги, следует констатировать, что доминирующей позицией наших собеседников в перестройку стало наблюдение. На вопрос, сопровождалось ли оно пониманием, что перестройка способна как-то изменить личный путь, большинство ответило отрицательно. Это большинство воспринимало перестройку как «ветер перемен» для страны, а не как нечто судьбоносное для конкретного советского человека (Интервью 17). Проницательности студентов-историков странным образом мешала своего рода профессиональная деформация, что доказывает следующая цитата: «Я видела происходящее в стране как материал исторический. И воспринимала это как объективную действительность. И что от этого, вроде, никуда не уйти» (Интервью 11). Также сказывалась специфика взгляда из провинции, когда перестройка представлялась хроникой «из телевизора», весьма посторонней повседневной жизни жителей Кубани (Интервью 6; Интервью 7). Однако самым мощным фактором, оттянувшим отрезвление, стала молодость наших информантов, захватывающе интересная атмосфера учебы и досуга на истфаке. В подтверждение — пассаж из интервью В.О.: «Когда путч был, то я в лагере был пионервожатым или спасателем, практику проходили. В лагере было намного веселее, чем думать о путче» (Интервью 15). Кроме того, некоторые уже в студенческие годы создали семьи, и для них общественное заслонило личным насущным.

В самом скором времени последствия перестройки и рыночные реформы внесли серьезные коррективы в профессиональные и жизненные планы выпускников исторического факультета КубГУ 1992 и 1993 гг. Свои профессиональные траектории они формировали уже в новых социально-экономических условиях, под их непосредственным влиянием. Результаты исследования социальной мобильности наших информантов в 1990-е гг. будут опубликованы нами в дальнейшем, а что касается человеческого измерения перестройки, которому, собственно, и посвящена настоящая статья, то одна из проблем данного периода реформ кроется как раз в отношении к перестроечным переменам молодежи. Сложно не согласиться с М.М. Мухамеджановым, что судьба перестройки, которая проводилась под руководством старшего поколения в лице КПСС и органов советской власти, самым серьезным образом зависела от позиции молодежи (Мухамеджанов, 2008). Но дело в том, что именно перестройка обнажила подспудно протекавший в советском обществе конфликт поколений, дошедший до глобального разрыва (Ильинский, 2001). В итоге при положительном в целом отношении к перестроечным свободам молодые люди испытывали к перестройке своего рода недоверие, граничившее с отрешенностью.

Источники

- Интервью 1. Респондент: П. В., женщина, 1968 г.р., выпуск истфака 1992 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 15 апреля 2018 г.
- Интервью 2. Респондент: Б. В., мужчина, 1970 г.р., выпуск истфака 1993 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 22 апреля 2018 г.
- Интервью 3. Респондент: С. Т., женщина, 1969 г.р., выпуск истфака 1992 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 8 мая 2018 г.
- Интервью 6. Респондент: С. И., мужчина, 1966 г.р., выпуск истфака 1992 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 4 июня 2018 г.
- Интервью 7. Респондент: Ц. А., мужчина, 1967 г.р., выпуск истфака 1992 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 5 июня 2018 г.
- Интервью 8. Респондент: П. С., мужчина, 1966 г.р., выпуск истфака 1992 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 12 июня 2018 г.
- Интервью 10. Респондент: Д. И., женщина, 1969 г.р., выпуск истфака 1992 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 5 июля 2018 г.
- Интервью 11. Респондент: Н. И., женщина, 1969 г.р., выпуск истфака 1993 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 6 июля 2018 г.
- Интервью 12. Респондент: К. Н., женщина, 1970 г.р., выпуск истфака 1993 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 12 июля 2018 г.
- Интервью 13. Респондент: М. О., женщина, 1969 г.р., выпуск истфака 1992 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 17 июля 2018 г.
- Интервью 14. Респондент: Ш. Г., женщина, 1970 г.р., выпуск истфака 1992 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 25 июля 2018 г.
- Интервью 15. Респондент: В. О., мужчина, 1969 г.р., выпуск истфака 1993 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 6 августа 2018 г.
- Интервью 16. Респондент: К. Д., мужчина, 1971 г.р., выпуск истфака 1993 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 1 ноября 2018 г.
- Интервью 17. Респондент: Т. А., мужчина, 1969 г.р., выпуск истфака 1993 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 5 ноября 2018 г.

Интервью 18. Респондент: Г. Т., женщина, 1970 г.р., выпуск истфака 1993 г. Интервьюер: И.Г. Тажиудинова. Запись 1 декабря 2018 г.

Библиографический список

- Вебер, А. Б. (2005) (ред.). *Прорыв к свободе: о перестройке двадцать лет спустя (критический анализ): Сборник статей*. М.: Альпина Бизнес Букс.
- Гудков, Л. Д., Дубин, Б. В. (1991). Уже устали? Социологические заметки о литературе и обществе. *Литературное обозрение*, 10, 97–99.
- Ильинский, И. М. (2001). *Молодежь и молодежная политика*. М.: Голос.
- Ковалевская, Ю. Н. (2014). Перестройка в обыденном сознании дальневосточников: тридцать лет спустя. *Россия и АТР*, 1, 66–79.
- Копосов, Н. Е. (2001). *Как думают историки*. М.: Новое литературное обозрение.
- Коэн, С. (2007). «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? М.: АИРО-XXI.
- Левинсон, А. Г. (2011). 1990-е и 1990-й: социологические материалы. В *1990-й: опыт изучения недавней истории: Сборник статей и материалов*. (с. 489–503). М.: Новое литературное обозрение.
- Мухамеджанов, М. М. (2008). *Комсомол: последние десять лет (1981–1991)*. Режим доступа http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Mukhamedzhanov_Komsomol
- Пок де Фелиу, Р. (2005). *Эпоха перемен: Россия глазами испанского журналиста*. М.: Время.
- Последнее советское поколение в жизнеописаниях его представителей*. Юрий Бесчастный (2011). Краснодар: Кубанькино.
- Прохорова, И. Д. (2007). Недавнее прошлое как вызов историку. *Новое литературное обозрение*, 83, 7–10.
- Сборник воспоминаний, составленный А. Ю. Клименко на основе интервью, взятых ею у выпускников и преподавателей Историко-Архивного института*. (2018). Режим доступа <https://www.rsuh.ru/iai/about/genius/memories-of-institute-of-history-and-archives/>
- Тажиудинова, И. Г. (2016). Карьера или призвание: зачем комсомольские активисты второй половины 1980-х гг. поступали на истфак? В *Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия*. Сборник статей 34 Адлерских чтений. (214–225). Краснодар: Традиция.
- Тажиудинова, И. Г., Уфимцева, Ю. А. (2012). Проблемы профессионального самоопределения вузовского преподавателя (на материалах интервью с преподавателями ФИСМО). *Голос минувшего*, 1, 58–70.
- Kotkin, S. (2001). *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000*. Oxford.
- Piretto, G.-P. (1998). *1961: il sessantotto a Mosca*. Bergamo: Moretti & Vitali.
- Portelli, A. (1991). *The Death of Luigi Trastulli and Other Stories: Form and Meaning in Oral History*. Albany, NY.
- Raviot, J.-R. (2016). *La civilisation soviétique, de l'URSS à la Russie, de 1917 à nos jours*. Paris: Editeur: Ellipses Marketing.
- Sokoloff, G. (2003) *Metamorphose de la Russie, 1984–2004*. Paris: Editeur: Fayard.
- Yurchak, A. (2006). *Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation*. Princeton, N.J.

Статья поступила в редакцию 05.11.2018

Статья принята к публикации 19.12.2018

Для цитирования: Тажиудинова И.Г. «Страсти по перестройке» в памяти и судьбах выпускников исторического факультета Кубанского госуниверситета 1992 и 1993 гг. (на материалах интервью). — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 1. С. 123–136.

“THE PERESTROIKA PASSION” IN THE MEMORIES AND FATES OF THE DEPARTMENT OF HISTORY GRADUATES (THE CLASSES OF 1992 AND 1993) AT KUBAN STATE UNIVERSITY, BASED ON THEIR INTERVIEWS

I. G. Tazhidinova

Irina G. Tazhidinova, Kuban State University, Stavropolskaya Str., 149, Krasnodar, 350040, Russia. E mail: tajidinova@yandex.ru.

ORCID 0000-0002-1356-6623

Acknowledgements. This article is a result of the study supported by the Boris Yeltsin Presidential Center Foundation within the framework of the project ‘The Social History of Russia (1990s)’

Abstract. Perestroika as a watershed in the development of Soviet society, as well as the collapse of the Soviet Union and entering the “post-socialism” period, are the milestones of the recent past that need a scientific reflection. It is especially important to consider the “human dimension” of the transition period, that is, the socio-cultural and socio-psychological processes at the turn of the 1980s — 1990s. If we take into account the poor state of the document database for the period of Perestroika, the oral testimony of eyewitnesses is an important source of knowledge about it. The research contains the results of the sociological survey carried out in 2018 and aimed at identifying the younger generation of Soviet people’s attitude towards Perestroika. Besides, the interviewees were asked in what way the changes had affected their values and life prospects, and their way of life. We have analyzed 22 in-depth interviews of the full-time Historical Department graduates’ (the classes of 1992 and 1993) at Kuban State University. For many of the graduates, changes brought about by Perestroika were of particular significance, since they amended their professional growth plans (at the very least, their career development as party members collapsed). The results of the research allow us to conclude that the student youth’s perception of social changes had its dynamics but mainly came down to passive observation. At its first stages, Perestroika was perceived with enthusiasm, yet social problems on its way gave rise to skepticism. On the other hand, democratic trends at the Department of History itself have improved the scope of research work. According to the interviewees, the worst aftereffect of Perestroika was the collapse of the USSR. Yet, their personal recollections concerning daily routine in the late 1980s — early 1990s are positive, which is due to young age optimism and diverse student life at the Department.

Keywords: perestroika, late 1980s-early 1990s, Department of History at KubSU, students, lectures, the Dean, daily routine, vocational self-determination, public sentiment.

DOI: 10.31429/26190567-20-1-123-136

References

- Gudkov, L. D., Dubin, B. V. (1991). Uzhe ustali? Sociologicheskie zametki o literature i obshchestve. [Already tired? Sociological Notes on Literature and Society]. *Literaturnoe obozrenie* [Russian Studies in Literature], 10, 97–99.
- Il’inskij, I. M. (2001). *Molodezh’ i molodezhnaya politika* [Youth and Youth Policy]. M.: Golos.
- Koehn, S. (2007). “Vopros voprosov”: pochemu ne stalo Sovetskogo Soyuz? [The Cardinal point: Why has the Soviet Union Collapsed?] M.: AIRO-HKHI.
- Koposov, N. E. (2001). *Kak dumayut istoriki* [In the Historians’ View]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kotkin, S. (2001). *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000*. Oxford.
- Kovalevskaya, Yu. N. (2014). Perestrojka v obydennom soznanii dal’nevostochnikov: tridcat’ let spustya. [Perestroika as the Everyday Experience (According to the Memorials in the Far East of Russia)]. *Rossiya i ATR*. [Russia and the Pacific], 1, 66–79.
- Levinson, A. G. (2011). 1990-e i 1990-j: sociologicheskie materialy. [1990 and 1990s: Sociological Materials]. In *1990-j: opyt izucheniya nedavnej istorii: Sbornik statej i materialov* [1990: the

- Experience of Studying Recent History: A Collection of Articles and Materials] (489–503). M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Muhamedzhanov, M. M. (2008). Komsomol: poslednie desyat' let (1981–1991) [Komsomol: the Last Ten Years (1981–1991)]. Retrieved from http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Mukhamedzhanov_Komsomol
- Piretto, G.-P. (1998). *1961: il sessantotto a Mosca*. Bergamo: Moretti & Vitali.
- Pok de Feliu, R. (2005). *Ehpoha peremen: Rossiya glazami ispanskogo zhurnalista* [The Era of Change: Russia through the Eyes of a Spanish Journalist]. M.: Vremya.
- Portelli, A. (1991). *The Death of Luigi Trastulli and Other Stories: Form and Meaning in Oral History*. Albany, NY.
- Poslednee sovetskoe pokolenie v zhizneopisaniyah ego predstavitelej*. YUrij Beschastnyj (2011). [The Last Soviet Generation in the Biographies of its Representatives. Yury Beschastnyj]. Krasnodar: Kuban'kino.
- Prohorova, I. D. (2007). Nedavnee proshloe kak vyzov istoriku [The Recent Past as a Challenge to a Historian]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [Russian Studies in Literature], 83, 7–10.
- Raviot, J.-R. (2016). *La civilisation soviétique, de l'URSS à la Russie, de 1917 à nos jours*. Paris: Editeur: Ellipses Marketing.
- Sbornik vospominanij, sostavlennyj A. Yu. Klimenko na osnove interv'yū, vzyatyh eyu u vypusknikov i prepodavatelej Istoriko-Arhivnogo instituta*. (2018). [A Collection of Memoirs Compiled by A. Yu. Klimenko on the Basis of Her Interviews of the Graduates and Lecturers of the Institute of History and Archives.]. Retrieved from <https://www.rsuh.ru/iai/about/genius/memories-of-institute-of-history-and-archives/>
- Sokoloff, G. (2003). *Metamorphose de la Russie, 1984–2004*. Paris: Editeur: Fayard.
- Tazhidinova, I. G. (2016). Kar'era ili prizvanie: zachem komsomol'skie aktivisty vtoroj poloviny 1980-h gg. postupali na istfak? [Career or Vocation: Why did Komsomol Activists Enter the Department of History]. In *Lichnost'. Obshchestvo. Gosudarstvo. Problemy razvitiya i vzaimodejstviya. Sbornik statej 34 Adlerskih chtenij* [Personality. Society. State. Problems of Development and Interaction. Collection of Articles 34 Adler Readings]. (214–225). Krasnodar: Tradiciya.
- Tazhidinova, I. G., Ufimceva, Yu. A. (2012). Problemy professional'nogo samoopredeleniia vuzovskogo prepodavatelya (na materialakh interv'yū s prepodavatelyami FISMO) [Problems of Professional Self-determination of a University Teacher (Based on Interviews with FISMO Teachers)]. *Golos minuvshogo* [The Voice of the Past], 1, 58–70.
- Veber, A. B. (2005). *Proryv k svobode: o perestrojke dvadcat' let spustya (kriticheskij analiz): Sbornik statej* [Breakthrough to Freedom: on Perestroika Twenty Years after (A Review): Collected Papers]. M.: Al'pina Biznes Buks.
- Yurchak, A. (2006). *Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation*. Princeton, N.J.

Received 05.11.2018

Accepted 19.12.2018

For citation: Tazhidinova I. G. "The Perestroika passion" in the Memories and Fates of the Department of History Graduates (the Classes of 1992 and 1993) at Kuban State University, Based on Their Interviews. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 1. Pp. 123–136.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

МАСКУЛИННОСТЬ / ФЕМИНИННОСТЬ И МОТИВАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ

Л. Н. Ожигова, Т. О. Богомолова

Ожигова Людмила Николаевна, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, 350040, Россия. Эл. почта: topvolna@mail.ru. ORCID 0000-0002-4513-0234

Богомолова Татьяна Олеговна, Краснодарский техникум управления, информатизации и сервиса, ул. Е. Бершанской, 19 А, г. Краснодар, 350991, Россия. Эл. почта: bogomolovatatyana0212@mail.ru. ORCID 0000-0002-9567-247X

Аннотация. Подростковый период — это сложный, биологически обусловленный половым созреванием этап, когда физиологические изменения тотальны, во многом неконтролируемы, требуют от личности особой гендерной компетентности — умения осознать степень принятия ею (личностью) гендерных стереотипов, готовности к адаптивному пониманию образцов маскулинного или фемининного поведения. В это момент личности подростка претерпевает кризисный переход от мира детства к миру взрослых: изменяются представления о себе, повышается социальная ответственность, кристаллизуются представления о себе как о мужчине или женщине. Вся система мотивов личности изменяется под действием (давлением) гендерных норм и стереотипов. В исследовании рассматривается вопрос о связи гендерных характеристик с мотивацией личности младших и старших подростков, а именно связи маскулинности/фемининности с ведущими мотивами подросткового возраста: достижение (успех), аффилиация, ответственность, коммуникативно-социальная компетентность. Выборка составила 200 подростков: 100 младших подростков 11–12 лет, (50 мальчиков и 50 девочек) и 100 старших подростков 14–15 лет (50 мальчиков и 50 девочек). В результате математической обработки данных, полученных с помощью пяти стандартизованных методик, была подтверждена гипотеза о существовании взаимосвязи маскулинности/фемининности с мотивацией личности подростков. Выявлено, что среди мальчиков 11–12 лет показатель маскулинности увеличивается при снижении ориентации на принятие других (снижение тенденции к аффилиации), а среди мальчиков 14–15 лет показатель маскулинности увеличивается при усилении стремления к успеху. Среди девочек 11–12 лет высокие показатели фемининности усиливают стремление к признанию, уважению и к власти. Среди девочек 14–15 лет показатели гендерных характеристик не имеют значимых взаимосвязей с мотивацией. Подтверждено, что стремление к успеху у мальчиков является характеристикой, подкрепляющей стереотип маскулинности, в отличие от групп девочек.

Ключевые слова: личность подростка, гендерные характеристики, маскулинность/фемининность, мотивация, аффилиация, ответственность.

Введение

Современный мир существенно изменил социально-психологические условия социализации, формирования и развития личности подростка. С одной стороны, это колоссальная гуманизация образовательной и семейной среды: возможность выбора вариативных программ обучения; техническая доступность информации; развитие инклюзии; ювенальная забота о ребенке; повышающийся уровень педагогических и психологических компетенций родителей, включенных в жизнь ребенка и т.д. С другой — мы наблюдаем серьезные угрозы здоровью и психике подростка: небезопасные урбанистические или сельские условия жизни в связи с повышением криминального, экономического, этнического или военного конфликтов; бесконтрольное использование интернета и компьютерная зависимость; эмоциональное давление на фоне итоговых форм оценивания школьной успеваемости (КСР, ГИА, ЕГЭ и др.); детская безнадзорность как по причине социального

неблагополучия семьи, так и по причине ненормированной профессиональной занятости родителей и т.д. Подростки начинают утрачивать коммуникативные навыки и становятся менее общительными, появляется страх открытого выражения чувств (Норкулова, 2014).

В итоге жизнь современного подростка изменилась, но осталась по-прежнему сложной, как и много веков назад: подросток живет на пике острых изменений своей физиологии, социального статуса и психологических переживаний. Подросток стремится найти себя, бесконечно конфликтуя и конструируя себя в отношениях с другими, в переосмыслении своего Я, своей личности (Родштейн, 2017).

Именно личность является той интегрирующей психологической составляющей, которая позволяет подростку выдержать «натиск» внешнего (организма и социума) и найти адекватные формы выражения внутреннего (мотивов, ценностей, целей и мечтаний). Можно сказать, что все основные феномены подросткового периода находятся внутри или на стыке личностной проблематики и факторов, определяющих ее формирование и развитие.

Состояние психологической безопасности подростка определяется объективными и субъективными факторами (социальным, информационным, биологическим, психологическим и др.), но сам подросток также способен влиять на происходящее путём проявления своих жизненных ценностей, установок и принципов посредством действенной активности (Просвирина, 2015). К факторам, влияющим на изменение и становление личности подростка, можно отнести существенный список медицинских, социально-экономических и культурных агентов, но каким бы внушительным ни был этот список, наиболее значимым остается гендерный фактор, т.е. влияние образов, установок и норм поведения, социально одобряемых (или разрешаемых) для репрезентации личностью своего биологического пола.

Гендер — это сложная базовая характеристика человека, которая несет в себе отпечаток социальных стереотипов и эталонов, которые должны быть осмыслены, поняты и приняты личностью для решения задачи выбора, конструирования и манифестации своего социально-психологического пола. Гендерные индивидуумы не только ведут переговоры о своей идентичности в общественных институтах, но эти же социальные образования порождают те самые различия, которые мы принимаем в качестве особенностей отдельных лиц, при этом сохраняя гендерную толерантность (Урсова, 2015). Таким образом, степень, в которой женщины и мужчины выполняют различные социальные роли и задачи, сильно влияет на то, в какой степени оба пола будут развиваться и проявлять свои личностные и поведенческие характеристики (Урсова, 2016).

Личность подростка проходит очередной кризисный период переинтерпретации представлений о себе в целом и в большей степени о себе как о мужчине или женщине. Подростковый период — это последний этап в половом (биологическом) созревании, когда физиологические изменения тотальны, во многом неконтролируемы, требуют от личности особой гендерной компетентности — умения осознать степень принятия ею (личностью) гендерных стереотипов, готовности к адаптивному пониманию образцов маскулинного или фемининного поведения (Марченко, 2015).

Современное общество, как сложная динамично развивающаяся система подвергает представления мужественности и женственности постоянной переоценке и расширению. Сегодня получили распространение и признание новые гендерные

сценарии, которые ещё в недалёком прошлом рассматривались как девиантные или были неактуальны. Посредством институтов социализации транслируется большое количество разнообразных гендерных моделей, предъявляются часто весьма противоречивые требования к «современному мужчине» или «современной женщине», образ которой определяется как ещё достаточно устойчивыми традиционными представлениями, так и новыми, рождающимися в процессе развития идей преодоления гендерной асимметрии. Биполярные (противопоставляющие) модели гендерной социализации сменились андрогинными (ориентированными на сочетание мужских и женских качеств), а иногда уже мультиполярными моделями гендерной социализации, когда личности предоставляется самой определить (категоризировать) свои гендерные качества как мужчины или женщины (Ожигова, 2006).

Таким образом, важно отметить, что личность подростка, уже имеющая определенные представления о себе как о мужчине или женщине, решает задачу переосмысления своих гендерных характеристик, в основе которых лежат социокультурные представления о маскулинности и фемининности. Часть этих представлений к подростковому возрасту имеет устойчивый для личности характер и, в свою очередь, влияет на другие аспекты личности и жизни подростка.

Когда личность определяет себя в гендерных кодах и моделях, она приобретает возможность выбирать те мотивы, которые согласованы с ее представлениями о себе. В этом смысле мотивация личности подростка связана и во многом обусловлена гендерными характеристиками.

В итоге проблема влияния гендерных характеристик на мотивацию личности подростка является важной, а изучение ее актуальным, так как современный подросток имеет больше возможностей и свобод для социального выбора и самореализации, но вынужден соотносить свои маскулинные/фемининные черты с социально одобряемыми мотивами, в противном случае будет «распознан» сверстниками и обществом как ненормативный, иной, ненормальный.

Степень разработанности темы исследования

Изучение гендерных характеристик в современной зарубежной и отечественной психологии имеет долгую историю. Сначала в рамках психологии пола (в XIX–XX вв.), а затем в контексте гендерной психологии (в XX–XXI вв.) изучались различные аспекты формирования гендерной идентичности, ее связи и влияния на другие компоненты личности.

В современном обществе гендерная идентичность личности — это одна из наиболее изучаемых тем. Проблемы идентичности представлены в классических трудах Е. Гофмана, У. Джеймса, Дж. Тэрнера, Э. Фромма, З. Фрейда, Э. Эриксона, а также в работах отечественных учёных Л.С. Выготского, И.С. Кона, С.Л. Рубинштейна, Д.Б. Эльконина. Вопросы личностной и социальной идентичности, как результат внутренней самореализации и внешнего контекста, рассмотрены в трудах зарубежных (Э. Гидденса, Б. Шеффера, Б. Шледера, Э. Эриксона) и отечественных (В.С. Агеева, О.Н. Павловой, А.К. Толмасовой) исследователей. Методологическую основу анализа гендерных аспектов конструирования современных идентичностей составляют работы таких зарубежных классиков и современников, как Х. Абельс, З. Бауман, К. Гиллиган, Р. Коннелл, И. Сэдзвик, а так же отечественных учёных: Ю.В. Градсковой, Е.А. Здравомысловой, И.С. Клёциной, Е.Ю. Мещеркиной,

Л.Н. Ожиговой. Проблемный характер гендерной идентичности придаёт размывание гендерных стереотипов.

В исследованиях отечественных учёных Л.И. Божович, Л.С. Выготского, А.В. Запорожца, И.С. Кона, Д.Б. Эльконина, Д.И. Фельдштейна и других поднимается вопрос формирования и развития личности подростка. Отмечается воздействие на подрастающего ребёнка достаточно большого количества внешних и внутренних факторов, которые изменяют его внутренний мир. Классические и современные исследования подросткового возраста (Э. Эриксон, Ж. Пиаже, Л.С. Выготский, Л.И. Божович, Д.Б. Эльконин) показывают, что переходное состояние между ребёнком и взрослым, которое характеризует подростка, накладывает свой отпечаток не только на течение его мыслей и чувств, на его стремления и идеалы, но и на его образ действий.

Подростковый возраст характеризуется коренными изменениями в мотивационно-потребностной сфере. В подростковом возрасте возможно осознание своей деятельности, её мотивов, задач, способов и средств. Все, что происходит в социальном окружении подростка влияет на его адаптацию, систему ценностей (Петронюк, 2015). В настоящее время дети и подростки становятся более субъектны, имеют возможность к большей реализации. Выделяют несколько направлений в исследовании ведущих мотивов личности подростков.

Главным возрастным мотивом подростков является **мотив достижения**, который, как правило, связан со стремлением добиться успеха, избежать неудач, с тем, чтобы повысить или сохранить самоуважение, самооценку, уважение окружающих. Д. Маккелланд и Х. Хекхаузен рассматривали различные аспекты мотива достижения (Хекхаузен, 2003). Для ситуации достижения характерны наличие задачи, возможность успешного выполнения деятельности, наличие стандартов мастерства выполнения (внешние и внутренние критерии оценки результатов, переживание чувства ответственности за исход). Действенные мотивы достижения, мобилизующие внутренние силы подростка, не только обеспечивают его активное включение в процесс, но и становятся достоянием личности. Подростки с высоким уровнем мотивации стремятся к преодолению трудностей и добиваются больших результатов. Мотив достижения успеха в итоге оформляется как личностная черта. Актуальность изучения мотивации достижения, закономерностей её проявления и развития заключается в социальной ценности этого мотива.

Другая точка зрения по поводу ведущей мотивации принадлежит Д.И. Фельдштейну (Фельдштейн, 1972), который считает, что главное значение в психическом развитии подростков имеет общественно-полезная деятельность (учебно-познавательная, организационно-общественная, художественная, спортивная). У подростков создаётся ощущение реальной значимости этой деятельности. А.В. Шаболтас исследовала соотношения гендерных характеристик и мотивации у подростков, занимающихся спортивной деятельностью (Шаболтас, 1995). Общественная направленность или социальная **ответственность** еще один важнейший мотив личности подростка.

Подросток продолжает оставаться школьником; учебная деятельность сохраняет свою актуальность, но в психологическом отношении отступает на задний план. Психологическое общение в подростковом возрасте строится на основе противоречивого сплетения двух потребностей: обособления (эмансипации) и **аффилиации**, т.е. потребности в принадлежности, включённости в какую-то группу или общность. Основное противоречие подросткового периода — настойчивое стрем-

ление ребенка к признанию своей личности взрослыми при отсутствии реальной возможности утвердить себя среди них. Зарождающееся «чувство взрослости» становится главным вопросом (Кулагина, 1999).

И еще один ведущий мотив личности подростка связан с потребностью подростка в общении. **Коммуникативно-социальная компетентность** является инструментальным личностным свойством, необходимым для управления поведением в социальной среде. Данное свойство предполагает наличие у человека способности оценивать происходящие вокруг него события, понимания своего места в происходящем и способность понять, до какой степени и каким образом субъект может и должен повлиять на ситуацию.

По мнению Н.Н. Обозова (Обозов, 1990), коммуникативная компетентность в своей основе может быть определена в двух аспектах: как ориентированность личности в различных ситуациях общения, основанная на знаниях и чувственном опыте, и как способность эффективно взаимодействовать с окружающими благодаря пониманию себя и других при постоянном видоизменении психических состояний, межличностных отношений и условий социальной среды. Этот феномен нельзя считать константной личностной характеристикой и представлять его как замкнутый индивидуальный опыт. Коммуникативная компетентность возрастает по мере освоения личностью культурных, социально-нравственных эталонов и закономерностей социальной жизни в ее развитии и поливариативном изменении. Следовательно, актуально измерение изменений коммуникативной компетентности подростков.

Таким образом, в данной работе важно выделить следующие ведущие мотивы личности подростков: достижение (успех), аффилиация, ответственность, коммуникативно-социальная компетентность. Все эти мотивы имеют внутри себя сложную содержательную наполненность и, очевидно, по-разному проявляются в младшем и старшем подростковом возрасте.

В современной отечественной психологии усиливается интерес к изучению связи различных аспектов половой и гендерной идентичности с перечисленными выше аспектами мотивации и в целом личности подростка: исследуются характеристики составляющих половой идентификации подростков в разных социально-психологических ситуациях (Бобкова, 2014); анализируются гендерные аспекты социального доверия в контексте межличностных отношений (Глушко, 2014); сопоставляется содержание гендерных стереотипов с личностной тревожностью и самооценкой (Полянский, Сухарев, 2017); анализируются этнические аспекты гендерных стандартов (Урусова, 2014) и др.

В зарубежной психологии также продолжается исследование механизмов гендерной социализации личности подростка и юноши. В исследованиях Коннелл описываются социальные паттерны давления власти и политики на личность (Connell, 1987). Исследования Д. Маскаро, К. Рентшер и других показывают, что отцы относятся к мальчикам и девочкам по-разному. Гендерные различия в наблюдаемом реальном отцовском поведении связаны с реакцией отцовского мозга на детей мужского и женского пола. По сравнению с отцами сыновей, отцы дочерей были более внимательно связаны с дочерьми, пели больше для своих дочерей, были более коммуникабельны: использовали больший словарный запас, описывали эмоции, чувствительнее реагировали на счастливое выражение лица у дочери. Напротив, отцы сыновей занимались более грубой и беспорядочной игрой, использовал боль-

ше языка достижений со своими сыновьями. Все эти реакции у отцов находили соответствующий отклик в коре головного мозга. Эти результаты показывают, что реальное отцовское поведение и функции мозга отличаются в зависимости от пола ребенка (Jennifer S. Mascaro, Kelly E. Rentscher, 2017).

В ряде зарубежных исследований изучается семейный контекст, влияющий на формирование гендерной и социальной идентичности подростка. Так, интерес исследователей Д. Пэрент, Д. Клифтон и других направлен на изучение прямых и косвенных ассоциаций между внимательностью родителей, качеством отношений между матерью и ее партнером (сожителем) и практикой родительского воспитания подростка. Особый интерес исследователей вызывают семьи с низким уровнем доходов (Justin Parent, Jessica Clifton, 2014).

Н. Пэрри, Д. Доллар изучали особенности саморегуляции подростков 2 и 10 лет на протяжении 8-летнего промежутка времени между чрезмерным контролем родителей над малышом и его социальной, эмоциональной и академической адаптацией в предподростковый период. Результаты анализа пути ребенка показали, что чрезмерный контроль родителями ребенка в возрасте 2 лет был связан отрицательно с эмоциональными и школьными проблемами: учителя сообщали о слабых социальных навыках в 5 лет и меньшей академической производительности в возрасте 10 лет. Эти результаты подтверждают мнение о том, что воспитание детей в раннем возрасте связано с адаптацией ребенка в подростковом возрасте через его связь с ранними навыками саморегуляции (Nicole B. Perry, Jessica M. Dollar, 2018).

Серьезной проблемой является подростковая депрессия. Пытаясь изучить факторы, направленные на предотвращение депрессии у подростков, Г. Фоско, М. Ван Рыжин и другие провели комплексное обследование семей с депрессивными подростками, а именно семейные конфликты. Было выявлено, что семейные конфликты влияют на подростковую депрессию, но их влияние имеет среднюю причинно-следственную связь и является возможно промежуточным процессом в формировании депрессии у подростка (Gregory M. Fosco, Mark J. Van Ryzin, 2016).

Психологами и психотерапевтами предпринимаются попытки влияния на нормативно-правовую базу, защищающую права и психологическое состояние подростков. Так, имеется заявление о групповом уходе за детьми и подростками, сформулированное Американской ортопсихиатрической ассоциацией. В этом заявлении утверждается: детям и подросткам необходимо, чтобы в семье был хотя бы один преданный, психически стабильный и любящий взрослый человек. Групповой уход следует использовать только в том случае, если это наименее вредная альтернатива, когда необходимые терапевтические услуги по охране психического здоровья не могут быть предоставлены в менее строгих условиях (Mary Dozier, Joan Kaufman, Roger Kobak, 2014).

Исследуются различные аспекты восприятия сексуальности подростков и молодежи. Так, в одном из исследований изучалось восприятие сверстниками девушек и молодых взрослых сверстников, представивших на Facebook в своем профиле фотографии в сексуализированной или несексуализированной форме (Elizabeth A. Daniels, Eileen L. Zurbriggen, 2016).

В итоге при формировании гендерных характеристик и мотивации возникают проблемы, связанные с появлением особых переживаний взрослеющего подростка: принятие или отвержение себя, возникновение или отрицание ответственности, пик реализации себя в какой-либо социальной сфере и т.д.

Таблица 1. Показатели маскулинности и феминности среди подростков 11–12 и 14–15 лет
 Table 1. Indices of masculinity/femininity among 11–12 year-old and 14–15 year-old teens

Гендерные типы	Маскулинность	Фемининность	Индексы фемининности-маскулинности
М-1	10,42	8	–1,042
Д-1	10,3	7,42	1,240
М-2	13,02	8,37	–2,002
Д-2	14,21	16,81	1,119

Примечание. М 1 — мальчики 11–12 лет; М 2 — мальчики 14–15 лет; Д 1 — девочки 11–12 лет; Д 2 — девочки 14–15 лет.

Note. М 1–11–12 year-old boys; М 2–14–15 year-old boys; Д 1–11–12 year-old girls; Д 2–14–15 year-old girls.

Так возникает цель исследования, связанная с выявлением связи гендерной идентичности подростков с особенностями мотивации.

В данном исследовании рассмотрен один из аспектов гендерной идентичности: маскулинность/фемининность и то, как она связана с ведущими мотивами подростков.

Эмпирические методы

Поло-ролевой опросник Сандры Бэм; методика «Диагностика коммуникативной социальной компетентности (КСК)»; для анализа интерактивной направленности личности использовался опросник, разработанный Н.Е. Щурковым в модификации Н.П. Фетискина; методика, основанная на теории мотивации Д. Макклеланд, для определения ведущих потребностей-мотиваторов личности младших и старших подростков; методика, предложенная В.П. Прядеиным, предназначенная для определения различных компонентов ответственности.

Метод математической статистики: для выявления взаимосвязи выделенных показателей — коэффициент Пирсона.

Выборка составила 200 человек: 100 младших подростков 11–12 лет, (50 мальчиков и 50 девочек) и 100 старших подростков 14–15 лет (50 мальчиков и 50 девочек). Все подростки — жители Краснодара, учащиеся средней общеобразовательной школы.

Описание и анализ результатов

1. В ходе исследования были выявлены особенности маскулинности/фемининности подростков по каждой возрастной группе. Результаты приведены в табл. 1.

Как видно из приведенных данных, наиболее андрогинными являются девочки, хотя показатели маскулинности/фемининности увеличиваются у всех подростков к старшему возрасту по сравнению с младшим. Девочки-подростки младшего возраста имеют самый низкий из всех показателей фемининности, их проявление фемининных качеств более выражено, чем проявление маскулинных качеств у мальчиков соответствующего возраста. Индекс фемининности старших девочек близок по значению с индексом маскулинности старших мальчиков.

Таблица 2. Показатели мотиваторов социально-психической активности и коммуникативно-социальной компетентности личности среди мальчиков и девочек 11–12 лет

Table 2. Indices of motivation of social and psychical activity and communicative and social competence among 11–12 year-old boys and girls

Мотиваторы социально-психической активности и коммуникативно-социальной компетентности личности	М-1	Д-1	М-2	Д-2
Достижение успеха в целом	11,29	12,85	15,11	16,49
Стремление к власти	12,4	10	14,67	18,12
Тенденция к аффилиации	15	16,5	18,55	19,3
Открытость	17,35	17,4	12,61	15,54
Логическое мышление	9,86	9,31	14,04	13,02
Эмоциональная устойчивость	10	10,92	14,28	12,81
Жизнерадостность	13,11	15	12	15
Чувствительность	9,06	13,22	10,6	14,09
Независимость	12,46	11,6	15,2	14,37
Нормативность	9,52	13	12,31	11
Асоциальное поведение	8,19	8	7,55	9,12
Ложь	7,22	6,47	7,14	7,05

Примечание: М-1 — мальчики 11–12 лет; Д-1 — девочки 11–12 лет; М-2 — мальчики 14–15 лет; Д-2 — девочки 14–15 лет.

Note. М 1–11–12 year-old boys; М 2–14–15 year-old boys; Д 1–11–12 year-old girls; Д 2–14–15 year-old girls.

2. Далее нами были выявлены показатели мотивации (социально-психической активности) личности подростков и особенности коммуникативной компетентности (табл. 2).

В ходе анализа и обобщения результатов были сделаны следующие описания социально-психической активности и коммуникативной компетентности подростков.

У младших мальчиков-подростков среди высоких значений динамического, мотивационного, когнитивного и результативного компонентов преобладают деструктивные составляющие, а высокие показатели конструктивной составляющей прослеживаются в эмоциональном и регуляторном компонентах, у них преобладает личностно значимая мотивация, т.е. ориентация на личностно значимый результат.

Наиболее ярко выражен показатель открытости. Менее выражены нормативность поведения, чувствительность и логичность мышления. Показатели асоциальных поведенческих проявлений самые низкие.

Наиболее ярким проявлением мотиваторов социально-психологической активности личности является тенденция к аффилиации. Стремление к достижению успеха приближается к нижней границе среднего диапазона. Стремление к власти также находится на среднем уровне. В данном возрасте достижение власти не является значимым мотиватором поведения.

Наиболее высок показатель ориентации на личные интересы. Ориентация на взаимодействие и сотрудничество и маргинальная ориентация проявляются одинаково. Приоритетны личные интересы, направленные на достижение собственной выгоды.

У старших мальчиков-подростков превалируют конструктивные формы проявления ответственности относительно динамического, когнитивного, результативного, эмоционального, регуляторного компонентов, деструктивная прослеживается только в мотивационном компоненте. Различия достоверны относительно всех конструктивных компонентов ответственности. При переходе от младшего к старшему возрасту, при усложнении системы межличностных отношений возрастает активность в реализации ответственности, более глубокое и целостное представление сути ответственного поведения, важность общественно-значимого результата, более частое возникновение положительных эмоций, связанных с выполнением ответственных дел. Но личностно-значимая мотивация остаётся превалирующей над общественными интересами.

К наиболее выраженным чертам компетентности относятся независимость, логичность мышления и эмоциональная устойчивость. Показатели асоциальных поведенческих проявлений самые низкие. С переходом к старшему подростковому возрасту у мальчиков снижается открытость, повышается логичность мышления, эмоциональная устойчивость, независимость, нормативность. Выявлены достоверные отличия показателей склонности к логическому мышлению. Старшие подростки достоверно чаще склонны демонстрировать данную особенность.

Коммуникативно-социальная компетентность как составная часть сложного поведенческого комплекса проявляется более ярко и более оформлена. Значительно выражена тенденция к аффилиации. Стремление к власти и стремление к достижению успеха наименее выраженные мотиваторы. Детерминирующим фактором яркой выраженности стремления к успеху является именно содержание их деятельности.

Ориентация на личные интересы — самый высокий показатель направленности личности. Равномерно увеличились показатели ориентации на взаимодействие и маргинальной ориентации. Приоритетны личные интересы, направленные на достижение собственной выгоды.

У младших девочек-подростков наблюдаются высокие показатели деструктивной составляющей мотивационного, когнитивного и результативного компонентов и высокие показатели конструктивной составляющей эмоционального, регуляторного и динамического компонентов. Проявляется высокий уровень активности в реализации ответственности, преобладает личностно значимая мотивация.

Наиболее выражены такие качества социальной компетентности, как открытость и жизнерадостность. В наименьшей степени выражены логичность мышления и склонность к асоциальному поведению.

Наиболее выраженным мотиватором является стремление к признанию. Менее значимыми являются стремление к достижению успеха и власти.

Ведущим показателем направленности личности у младших девочек-подростков является ориентация на личные интересы, менее проявленное направление личности — склонность подчиняться обстоятельствам и склонность к импульсивному поведению. То есть девочки 11–12 лет руководствуются личными интересами и неохотно подчиняются обстоятельствам. Они не склонны к импульсивному поведению.

У старших девочек-подростков превалируют конструктивные формы проявления ответственности относительно динамического, когнитивного, эмоционального и регуляторного компонентов, высокие показатели деструктивной составляющей ответственности прослеживается только в мотивационном компоненте. Различия достоверны относительно всех конструктивных компонентов ответственности и деструктивных форм динамического и регуляторного компонентов.

Наиболее выраженные черты компетентности — открытость, жизнерадостность, чувствительность и независимость, меньшую выраженность имеет склонность к асоциальному поведению.

Снижаются такие показатели коммуникативной компетентности, как открытость и нормативность поведения, и повышаются логичность мышления, эмоциональная устойчивость, независимость. Старшие девочки-подростки характеризуются большей склонностью к логическому мышлению, т.е. большей рассудительностью, большим эмоциональным контролем, большей нормативностью и сниженной открытостью (по сравнению с младшими). Все это в той или иной степени проявления усиления способности анализировать ситуацию и соответствующим образом контролировать собственное поведение.

Стремление к признанию усиливается, показатели находятся в диапазоне высоких значений. Стремление к власти также становится более выраженным и различия являются статистически достоверными. Наименее выраженным мотиватором у старших девочек становится стремление к достижению успеха. Девочки связывают достижение успеха в большей степени с признанием и уважением.

Стремление к признанию и уважению приобретает значимый характер только на поздних этапах подросткового возраста. Показатели ориентации на взаимодействие и сотрудничество и маргинальной ориентации высокие. Показатели ориентации на личные интересы снижаются. Старшие девочки-подростки готовы к сотрудничеству, личные интересы для них не являются приоритетными.

3. Анализ всех взаимосвязей показателей маскулинности/фемининности ведущих мотивов личности подростков.

Для установления взаимосвязей показателей мы использовали коэффициент корреляции Пирсона (при $p < 0,05$).

В группе мальчиков 11–12 лет выявлено, что повышение показателя активности в реализации ответственности сопровождается повышением логичности мышления, а при снижении данной активности усиливается независимость. Мотивационная социоцентричность повышается при усилении тенденции к аффилиации и жизнерадостности, при усилении нормативности наблюдается более глубокое понимание сути ответственности. При упрощенном понимании ответственности возрастает стремление к власти. Стремление к личностно значимому результату усиливается при увеличении показателя жизнерадостности, при усилении ориентации на личные интересы снижается частота переживания положительных эмоций при выполнении ответственных дел. Общая способность брать на себя ответственность усиливается при увеличении показателя эмоциональной устойчивости и ориентации на взаимодействие. Увеличение показателя маскулинности сопровождается снижением тенденции к аффилиации, а стремление к успеху — повышением ориентации на личные интересы. Повышение маргинальной ориентации сопровождается снижением логичности мышления.

В группе мальчиков 14–15 лет активность в реализации ответственности усиливается при усилении стремления к власти. Повышение жизнерадостности сопро-

вождается снижением частоты переживания негативных эмоций при реализации ответственных дел. Понимание сути ответственности усиливается при усилении тенденций к аффилиации и при повышении показателя стремления к успеху, и снижается при усилении чувствительности. Эмоциональная устойчивость, повышение тенденции к аффилиации и открытость позволяют чаще переживать положительные эмоции при выполнении ответственных дел. Способность брать на себя ответственность усиливается при увеличении показателей открытости и нормативности. Тенденция к преодолению трудностей ослабляется с увеличением нормативности. Показатель маскулинности повышается при усилении стремления к успеху, стремление к власти снижается при выраженной маргинальной ориентации и усиливается при увеличении логичности мышления. Увеличение ориентации на личные интересы сопровождается усилением эмоциональной устойчивости и независимости и снижается при усилении нормативности.

Среди девочек 11–12 лет повышение показателя мотивационной социоцентричности сопровождается повышением логичности мышления и снижением ориентации на личные интересы. Глубокое понимание сути ответственного поведения сопровождается повышением открытости, а поверхностное понимание — снижением стремления к власти. Повышение чувствительности вызывает снижение стремления к общественно значимому результату. При усилении независимости, нормативности и жизнерадостности чаще происходит переживание положительных эмоций при выполнении ответственных дел. Интересно, что желание переложить ответственность на других сопровождается повышением эмоциональной устойчивости (возможно, так проявляется защитный механизм личности). Усиление маргинальной ориентации сопровождается снижением чувствительности и повышением стремления преодолеть трудности. Наряду с повышением ориентации на сотрудничество происходит усиление нормативности поведения. Увеличение показателя фемининности сопровождается усилением стремления к власти и аффилиации.

В группе девочек 14–15 лет активность в реализации ответственности сопровождается усилением стремления к успеху и власти. Преобладание общественно значимой мотивации усиливается наряду с усилением эмоциональной устойчивости и снижением ориентации на личные интересы. При высокой мотивационной эгоцентричности наблюдается сниженная эмоциональная устойчивость. Глубокое понимание сути ответственности сопровождается усилением стремления к власти и открытости. Поверхностное понимание ответственности снижает стремление к успеху. Повышение показателя эмоциональной устойчивости сопровождается повышением показателя стремления к общественно значимому результату. При повышении независимости и снижении ориентации на личные интересы чаще возникают положительные эмоции при выполнении ответственных дел. Стремление к успеху снижает частоту негативных эмоциональных проявлений при реализации ответственности. Способность брать на себя ответственность усиливается при увеличении логичности мышления, а желание перекладывать ответственность на других сопровождается снижением чувствительности. Нормативность поведения также снижает стремление к преодолению трудностей. Повышение ориентации на личные интересы сопровождается увеличением показателей жизнерадостности и независимости, ориентация на сотрудничество сопровождается увеличением нормативности. При усилении стремления к власти наблюдается снижение открытости.

Общие выводы

1. Осознание и конструирование себя как личности с определенными устойчивыми чертами и характеристиками — сложная задача подросткового возраста. Переживая половое созревание и испытывая давление гендерной социализации, подросток пытается интегрировать во внутреннем мире свои маскулинные или фемининные характеристики с рядом мотивов, регулирующих поведение. С одной стороны, современный подросток имеет больше возможностей и свобод для социальных выборов и самореализации, с другой — по-прежнему вынужден соотносить свои маскулинные/фемининные черты с социально одобряемыми мотивами, в противном случае будет «распознан» сверстниками и обществом как ненормативный, иной, ненормальный. Связь гендерных характеристик (маскулинности/фемининности) с ведущими мотивами формирует особый мир личности подростка.

2. В ходе исследования выявлено, что младшие подростки мальчики более мотивированы на жизнерадостность, равно направлены на общественные и личные интересы, способны брать на себя ответственность и ориентированы на логичность мышления. Старшие подростки мальчики мотивированы на ответственное поведение, стремление к власти, успеху и принятию, на эмоциональный компонент ответственности, способны брать на себя ответственность, логично мыслят, нормативны и ориентированы на личные интересы.

Младшие девочки-подростки ориентированы на такие мотивы, как нормативность, независимость, чувствительность, открытость, эмоциональная лабильность и мотивационная социоцентричность. Старшие девочки-подростки ориентированы на мотивационный, когнитивный и эмоциональный компоненты ответственности, стремление к успеху и власти, эмоциональную устойчивость, нормативность и независимость, ориентацию на личные интересы.

3. Выявленные связи маскулинности/фемининности с ведущими мотивами показали, что среди мальчиков 11–12 лет показатель маскулинности увеличивается при снижении ориентации на принятие других, при снижении тенденции к аффилиации. Среди мальчиков 14–15 лет показатель маскулинности увеличивается при усилении стремления к успеху. Среди девочек 11–12 лет высокие показатели фемининности усиливают стремление к признанию, уважению и к власти. Это может свидетельствовать о том, что девочки чувствуют себя девочками в большей степени в ситуациях личностного принятия, где они имеют хотя бы частичную возможность контролировать происходящее. Среди девочек 14–15 лет показатели гендерных характеристик не имеют значимых взаимосвязей с мотивацией. Следовательно, можно утверждать, что стремление к успеху у мальчиков является характеристикой, подкрепляющей стереотип маскулинности, в отличие от групп девочек. В подгруппах мальчиков не отмечено значимых взаимосвязей личностных показателей с показателями фемининности.

4. Можно констатировать, что хотя для мальчиков и девочек свойственны сходные механизмы регуляции поведения, девочки в большей степени, чем мальчики, стремятся соблюдать личные интересы, даже при реализации общественно значимых дел. При этом они чаще используют эмоциональные компоненты регуляции. Мальчики в большей степени, чем девочки, ориентированы на сохранение независимости и «общественного лица», приписанного гендерными стереотипами. Можно предложить, что поведение мальчиков является в большей степени общественно (социокультурно) обусловленным, чем поведение девочек. А это значит, что именно

мальчики-подростки по сравнению с девочками-подростками испытывают большее социальное давление на свою личность и мотивацию.

Библиографический список

- Бобкова, Т. С. (2014). Характеристика составляющих половой идентификации подростков в разных социально-педагогических ситуациях развития. *Сибирский педагогический журнал*, 4, 185–190.
- Глушко, И. В. (2014). Социальное доверие в контексте межличностных отношений. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 2 (24), 213–216.
- Кулагина, И. Ю. (1999). *Возрастная психология: развитие ребенка от рождения до 17 лет*. Ун-т Рос. акад. образования.
- Марченко, О. Ю. (2015). Особенности гендерной идентичности у школьников разного возраста. *Педагогика и психология*, 1, 37–41.
- Норкулова, Н. Т. (2014). Мотив аффилиации как основной фактор формирования сплочённости молодёжных групп. *Проблемы современного образования*, 5, 116–127.
- Обозов, Н. Н. (1990). *Психология межличностных отношений*. Киев: Лыбидь.
- Ожигова, Л. Н. (2006). *Психология гендерной идентичности личности*. Краснодар.
- Петронюк, И. С. (2015). Влияние социально-психологической адаптации подростков на становление их системы ценностей. *Философские науки*, 105–108.
- Полянский, А. И., Сухарева, Е. А. (2017) Взаимосвязь показателя «соответствие гендерному стереотипу» с личностной тревожностью и самооценкой. *Научные труды Московского гуманитарного университета*, 3, 68–74.
- Просвирина, Н. Н. (2015). Формирование ценностных ориентаций как условие психологической безопасности подростка. *Концепт*, 1, 24–29.
- Родштейн, М. Н. (2017). Конфликт идеальных гендерных я-образов и реальных я-представлений учащихся подросткового возраста. *Поволжский педагогический вестник*, 3 (16), 72–79.
- Урусова, Л. Х. (2014). Этнопедагогика: гендерные стандарты маскулинности. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 41 (60), 96–98.
- Урусова, Л. Х. (2015). Воспитание свободной личности: дифференцированный подход. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 1–2 (61), 128–130.
- Урусова, Л. Х. (2016). Когнитивная теория морального развития Колберга как условие успешной социализации современной личности. *Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления*, 4 (61), 167–171.
- Фельдштейн, Д. И. (1972). *Трудный подросток: некоторые психологические вопросы формирования личности детей подросткового возраста*. Душанбе: Ирфон.
- Хекхаузен Х. (2003). *Мотивация и деятельность*. Москва: Смысл.
- Шаболтас, А. В. (1995). Методика диагностики мотивов занятия спортом в юношеском возрасте. *Вестник СПбГУ*, 3. 129–132.
- Connell, R. (1987). *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. Cambridge: Polity Press.
- Daniels E., Zurbruggen, E. (2016). The Price of Sexy: Viewers' Perceptions of a Sexualized Versus Nonsexualized Facebook Profile Photograph. *Psychology of Popular Media Culture*, 5 (1), 2–14.

Статья поступила в редакцию 21.12.2018

Статья принята к публикации 25.01.2019

Для цитирования: Ожигова Л.Н., Богомолова Т.О. Маскулинность / фемининность и мотивация личности подростков. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 1. С. 137–151.

MASCULINITY / FEMININITY AND MOTIVATION OF THE PERSONALITY OF TEENAGERS

L.N. Ozhigova, T.O. Bogomolova

Liudmila N. Ozhigova, Kuban State University, Stavropol'skaia Str., 149, Krasnodar, 350040, Russia. E-mail: topvolna@mail.ru.
ORCID 0000-0002-4513-0234

Tat'iana O. Bogomolova, Krasnodar College of Administration, Informatization and Service, 19A, Bershanskaia Str., Krasnodar, 350991, Russia. E-mail: bogomolovatatyana0212@mail.ru.
ORCID 0000-0002-9567-247X

Abstract. Adolescence is a very complex stage biologically conditioned by puberty during which physiological changes are extensive and impossible to control. They demand an especial gender competence, i.e., the ability to become aware of the extent to which an individual is ready to accept gender stereotypes and is able to understand and adapt the patterns of masculine and feminine behavior. At this point, the teen personality is subjected to a critical period of transition from the world of childhood to the world of grown-ups. It means that the teens' ideas of themselves are changing, their social responsibility is rising and they begin to realize what it means to be a man / a woman. The whole system of a personality's motives undergoes a radical change under the pressure of gender norms and stereotypes. The research analyzes the connection between gender characteristics, on the one hand, and the motivation of younger and older teens, on the other hand namely, the connection between masculinity/femininity and the basic motives of adolescence: success, affiliation, responsibility and communicative and social competences. We have questioned 200 teens. 100 of them were 11–12 years old (50 boys and 50 girls) and 100 were 14–15 years old (50 boys and 50 girls). The data-processing on the basis of five standardized techniques has proved the hypothesis about the existence of interrelation between masculinity / femininity and the teens' motivation. The research has revealed that the masculinity index among 11–12 year-old boys grows if they are less other-directed; the masculinity index among 14–15 year-old boys, grows when they are aimed at success. High indices of femininity among 11–12 year-old girls accelerate their achievement motivation, i.e. their wish to be appreciated and respected, as well as their striving for power. For 14–15 year-old girls, the indices of gender characteristics are not explicitly interrelated with motivation. It has been proved that the boys' striving for success corroborates the masculinity stereotype, as opposed to the girls' to that of the girls.

Keywords: a teenager personality, gender characteristics, masculinity / femininity, motivation, affiliation, responsibility.

DOI: 10.31429/26190567-20-1-137-151

References

- Bobkova, T. S. (2014). Kharakteristika sostavliaiushchikh polovoi identifikatsii podrostkov v raznykh sotsial'no-pedagogicheskikh situatsiiakh razvitiia [Constituents of the Teens' Gender Identification in Various Situations of Educational Progress, and Their Characteristics]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], 4, 185–190.
- Connell R. (1987). *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. Cambridge: Polity Press.
- Daniels, E., Zurbriggen, E. (2016). The Price of Sexy: Viewers' Perceptions of a Sexualized Versus Nonsexualized Facebook Profile Photograph. *Psychology of Popular Media Culture*, 5 (1), 2–14.
- Fel'dshtein, D. I. (1972). *Trudnyi podrostok: nekotorye psikhologicheskie voprosy formirovaniia lichnosti detei podrostkovogo vozrasta* [A problem Teenager: Some Psychological Questions of the Formation of Teenager Personality]. Dushanbe: Irfon.
- Glushko, I. V. (2014). Sotsial'noe doverie v kontekste mezhluchnostnykh otnoshenii [Social Trust in the Context of Interpersonal Environment]. *Istoricheskaiia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'* [Social Trust Within the Frame of Interpersonal Relations], 2 (24), 213–216.

- Khekkhauzen, Kh. (2003). *Motivatsiia i deiatel'nost'* [Motivation and activity]. Moskva: Smysl.
- Kulagina, I. Iu. (1999). *Vozrastnaia psikhologii: razvitie rebenka ot rozhdeniia do 17 let* [Developmental Psychology: a Child's Development Since Birth to 17 Years of Age]. Moskva.
- Marchenko, O. Iu. (2014). Osobennosti gendernoi identichnosti u shkol'nikov raznogo vozrasta [The Specifics of Gender Identification in Schoolchildren of Different Age Groups]. *Pedagogika, psikhologiya i mediko-biologicheskie problemy fizicheskogo vospitaniya i sporta* [Pedagogics, Psychology, Medical-Biological Problems of Physical Training and Sports], 1, 37–41.
- Norkulova, N. T. (2014). Motiv afiliatsii kak osnovnoi faktor formirovaniia splochnosti molodezhnykh grupp [Motive of Affiliation as the Main Factor of Unity in Youth Groups]. *Problemy sovremennogo obrazovaniia* [Problems of Modern Education], 5, 116–127.
- Obozov, N. N. (1990). *Psikhologii mezhlichnostnykh otnoshenii* [The Psychology of Interpersonal Relations]. Kiev.
- Ozhigova, L. N. (2006). *Psikhologii gendernoi identichnosti lichnosti* [The Psychology of a Personality's Gender Identity]. Krasnodar.
- Petroniuk, I. S. (2015). Vliianie sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii podrostkov na stanovlenie ikh sistemy tsennosti [The Influence of the Teens' Social and Pedagogical Adaptation Upon the Formation of Their Value System]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Izvestiya Saint-Petersburg State Agrarian University], 105–108.
- Polianskii, A. I., Sukhareva, E. A. (2017) Vzaimosviyaz' pokazatelya "sootvetstvie gendernomu stereotipu" s lichnostnoi trevozhnost'iu i samoootsenkoi [Relationship of the Indicator "Accordance with the Gender Stereotype" to Personal Anxiety and Self-Esteem]. *Nauchnye trudy Moskovskogo humanitarnogo universiteta* [Scholarly Works of Moscow University for the Humanities], 3, 68–74.
- Prosvirina, N. N. (2015). Formirovanie tsennostnykh orientatsii kak uslovie psikhologicheskoi bezopasnosti podrostka [The Formation of Values as a Condition of Psychological Security Teenager]. *Kontsept* [Concept], 1, 24–29.
- Rodshstein, M. N. (2017). Konflikt ideal'nykh gendernykh ia-obrazov i real'nykh ia-predstavlenii uchashchikhsia podrostkovogo vozrasta [Conflict of Teenagers' Ideal Gender-Based I-Concepts and Real I-Images]. *Povolzhskii pedagogicheskii vestnik* [Pedagogical Gerald of Volga Region], 3 (16), 72–79.
- Shaboltas, A. V. (1995). Metodika diagnostiki motivov zaniatiia sportom v iunosheskom vozraste [Methods of Diagnosing Teenagers' Motivation for Sports Activities]. *Vestnik SPbGU* [Vestnik of Saint Petersburg University], 3, 129–132.
- Urusova, L. Kh. (2014). Etnopedagogika: gendernye standarty maskulinnosti [Ethnopedagogics: Gender Standards of Masculinity]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 41 (60), 96–98.
- Urusova, L. Kh. (2015). Vospitanie svobodnoi lichnosti: differentsirovannyi podkhod [Educating a Free Personality: a Differentiated Approach]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 1–2 (61), 128–130.
- Urusova, L. Kh. (2016). Kognitivnaia teoriia moral'nogo razvitiia Kolberga kak uslovie uspeshnoi sotsializatsii sovremennoi lichnosti [Colberg's Cognitive Theory of Moral Development as a Condition of the Successful Socialization of a Modern Personality]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i upravleniia* [Economics Bulletin of Eastern-Siberian State University of Technologies and Management], 4 (61), 167–171.

Received 21.12.2018

Accepted 25.01.2019

For citation: Ozhigova L.N., Bogomolova T.O. Masculinity / Femininity and Motivation of the Personality of Teenagers. — South-Russian Journal of Social Sciences. 2019. Vol. 20. No. 1. Pp. 137–151.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫЕ КАЧЕСТВА КУРСАНТОВ ТРЕТЬЕГО ГОДА ОБУЧЕНИЯ: СТРУКТУРА ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ

М. Г. Лукинова, Е. А. Щербакова

Лукинова Марина Геннадьевна. Эл. почта: m.lukinova@mail.ru.

Щербакова Елена Алексеевна. Эл. почта: leliyaom@yandex.ru.

Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков, ул. Дзержинского, 135, Краснодар, 350005, Россия.

Аннотация. Требования к профессионально важным качествам военного летчика возрастают в соответствии со стремительным развитием военной авиационной техники. Доказано, что успешность профессиональной летной деятельности определяется не только уровнем развития профессионально важных качеств специалиста. Важна их структурно-иерархическая организация. Теоретико-методологической основой исследования выступила концепция профессионального психологического отбора и психологического сопровождения подготовки военного летчика Д. В. Гандера, В. А. Пономаренко и др. В рамках данной концепции прогноз профессиональной надежности и адаптации к профессиональной деятельности осуществляется на основе оценки профессионально важных качеств военного летчика. В работе приведены результаты исследования личностной группы профессионально важных качеств военного летчика. Представленная работа является частью лонгитюдного исследования и посвящена анализу результатов исследования структуры профессионально важных качеств курсантов третьего года обучения с учетом результатов исследований структуры профессионально важных качеств курсантов первого и второго курсов под влиянием образовательной среды. Полученные результаты показали, что третьекурсники имеют наглядно-образный и интуитивный стили когнитивной деятельности. Характер отличается социальной активностью, энергичностью, стремлением к самоутверждению, лидерству, доминантности, проявлением склонности к соперничеству, ориентированностью на себя, настойчивостью и упорством. Для них не составляет труда обретение новых друзей; материально-обеспеченная жизнь имеет высокую значимость. Корреляционный анализ выявил семь системообразующих из исследуемых параметров. Ими явились особенности личности респондентов: экстраверсия, коммуникативность, эгоистичность, спонтанность, авторитарность, агрессивность, важная ценность «материально обеспеченная жизнь», соединенных между собой прямыми корреляционными связями. Доступная ценность «Наличие хороших и верных друзей» также имеет большое количество корреляционных связей, но с системой связана посредством прямой связи с важной ценностью «Материально обеспеченная жизнь». В совокупности личностных характеристик, респонденты, принявшие участие в исследовании, имеют наглядно-образный и интуитивный стили когнитивной деятельности. Полученные результаты могут быть использованы при проведении коррекционно-развивающих мероприятий, проводимых с курсантами в процессе психологического сопровождения обучения летного состава.

Ключевые слова: профессионально важные качества, структура профессионально важных качеств, психолого-педагогическое сопровождение, курсанты-летчики.

Стремительное развитие авиационной техники прямо сказывается на требовании к повышению качества профессиональной подготовки военного летчика, уровню развития его профессионально важных качеств и, соответственно, совершенствовании системы психолого-педагогического сопровождения обучения летного состава.

Согласно психологической классификации профессий (Бодров, 2001), деятельность военного летчика сочетает в себе различные классификационные признаки. Например:

1) по характеру рабочей нагрузки субъекта деятельности и его усилий по реализации трудовых задач труд военного летчика осуществляется за счет физической, интеллектуальной, личностной и других составляющих целостного организма человека;

2) по характеристикам цели труда, рабочей нагрузки, организации трудового процесса является операторским с элементами творческого; динамично-статического и однообразного;

3) в зависимости от условий деятельности выполняется в необычных, а иногда неблагоприятных и экстремальных условиях;

4) по форме организации деятельности — строго регламентированный, индивидуально-коллективный.

Согласно вышесказанному, требования к профессионально важным качествам (ПВК) военного летчика специфичны (Ворона А.А., Гандер Д.В., Пономаренко В.А, 2003). В связи с этим, продолжение изучения ПВК военного летчика в современных условиях приобретает еще большую актуальность.

Накопленный за годы многолетней практики сотрудниками научно-исследовательского отдела Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков (КВВАУЛ) материал, касающийся вопроса психологического сопровождения профессиональной подготовки военного летчика, опирающийся на современные исследования личности в целом (Фанталова, 2011, Щербакова, 2011, Кугренко, 2015, Григорьев, Макаревская, 2017, Щербакова, 2017), нуждается в некотором переосмыслении с учетом современных требований к личности военного летчика.

Теоретическое основание исследования

Согласно В.А. Бодрову (2001), профессиональный психологический отбор направлен на определение состояния, степени развития совокупности психологических качеств личности, которые определяются требованиями определенных профессий или специальностей и способствуют успешному их овладению с последующей эффективной рабочей деятельностью» (Лазуткин В.И., Жильцов В.А, Зараковский Г.М., Островский Н.П., 2005) при влиянии неблагоприятных факторов внешней среды, иногда скрытых под термином «человеческий фактор» (Wiegmann, D. A., & Shappell, S. A. (2003), Andrew T. Miranda, 2018). Вместе с тем, анализ научных исследований в области авиационной психологии показывает, что успешность профессиональной летной деятельности определяется не только уровнем развития ПВК. Важна их структурно-иерархическая организация (Лазуткин В.И., Жильцов В.А, Зараковский Г.М., Островский Н.П., 2005, Бодров, 2007, Надеждина, 2011, Королева, 2015, Щербакова, Ожигова, 2016, Фоменко, 2017).

Разработанная ранее психограмма военного летчика (Ворона А.А., Пономаренко В.А, 1992) постоянно уточняется современными разработками в области диагностики ПВК курсантов и летчиков на разных этапах профессионального становления (Мальчинский, 2010, Крачко, 2013, Щербакова, 2013, Кугренко, 2015, Лукинова, Мальчинский, Михайлова, Некрасов, Щербакова, 2016, Щербакова, Ожигова, 2016, Лукинова, 2017, Щербакова, Ожигова, 2017, Королева, Щербакова, 2018). Конкретизация разработанных групп ПВК военного летчика в целом позволяет осуществлять психологическое сопровождение обучения летного состава в КВВАУЛ (Ворона, Гандер, Пономаренко, 2003).

В ходе проведенных исследований выявлено, что структура исследуемых профессионально важных качеств личностной группы меняется у курсантов на протяжении обучения в вузе. Так, установлено, что системообразующими в структуре личностной группы ПВК военного летчика курсантов-первокурсников являются агрессивность, интроверсия, лабильность, спонтанность, ригидность, моральная нормативность (Лукинова, Щербакова, Михайлова, Колесниченко, 2017). Системообразующими в структуре личностной группы ПВК военного летчика курсантов-второкурсников стали экстраверсия, коммуникативность, спонтанность, лабильность, эгоистичность, авторитарность, личностный адаптационный потенциал и доступность ценности красоты природы и искусства (Лукинова, 2017). При этом значительное влияние на формирование структуры оказывает профессионально-образовательная среда вуза.

Отсюда возникла новая исследовательская цель — изучить структуру личностной группы ПВК курсантов-третьекурсников, т.е. фактически определить те динамические изменения, которые происходят в структуре личности курсанта от первого курса к третьему.

Выборка. Методики исследования

Выборка: 77 чел. — курсанты-третьекурсники, все респонденты мужского пола, в возрасте 18–25 лет. Изучение ПВК респондентов осуществлялось с использованием методик: индивидуально-типологический опросник (Собчик, 2003); многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ), адаптированный А.К. Маклаковым и С.В. Чермяниным (2005); методика диагностики межличностных отношений Т. Лири (2011); методика «Ценностные ориентации, в модификация Е.В. Фанталовой (2011); методика исследования личностной доминанты В. Гарбузова (1994); методика диагностики интуитивных способностей Айзенка (2004).

Все методики являются разрешенными для использования при диагностике личностного блока в структуре ПВК, методологически обоснованы концепцией профессионального психологического отбора и психологического сопровождения подготовки военного летчика (А.А. Ворона, Д.В. Гандер, В.А. Пономаренко) и современными исследованиями в области авиационной психологии.

Статистический анализ полученных результатов проводился путем вычисления средних значений и статистических отклонений ($m \pm s$), корреляционного анализа (по Спирмену, при уровне значимости $p \leq 0,05$), полученных с использованием вышеуказанных методик.

Эмпирические результаты и их интерпретация

Опишем количественные значения (средних значений и статистических отклонений ($M \pm m$)) личностных особенностей респондентов 3 года обучения, полученных с помощью вышеперечисленных методик:

1. «Индивидуально-типологический опросник»: выражены факторы «коммуникативность»; «экстраверсия»; «спонтанность».
2. «Ценностные ориентации» (модификация Е.В. Фанталовой): выражены «важная» ценность «Материально обеспеченная жизнь» и «доступная» ценность «Наличие хороших и верных друзей».
3. «Диагностика межличностных отношений» (Т. Лири): выражены показатели: «авторитарный»; «эгоистичный»; «агрессивный».

Под «экстраверсией» понимается обращенность в мир реально существующих объектов и ценностей, открытость, стремление к расширению круга контактов, общительность. «Коммуникативность» отражает склонность к широким контактам с людьми, разговорчивости, общительности. Под «спонтанностью» понимается — непродуманность в высказываниях и поступках.

Шкала «авторитарный» представляет собой тип отношения к окружающим, при котором личность выражает (не выражает) лидерские и организаторские качества, дает советы, проявляет уверенность к себе, упорство, настойчивость, доминантность, требует к себе уважения. Под шкалой «агрессивный» понимается такой тип отношения к окружающим, при котором личность может проявлять жесткость и враждебность по отношению к окружающим, требовательность, прямолинейность, строгость и резкость в оценке других людей, упрямство, упорство, настойчивость и энергичность. Шкала «эгоистичный» характеризуется таким типом отношения к окружающим, при котором личность проявляет эгоистические черты, независимость, самовлюбленность, расчетливость, ориентацию на себя, стремление быть над всеми, но одновременно в стороне от всех.

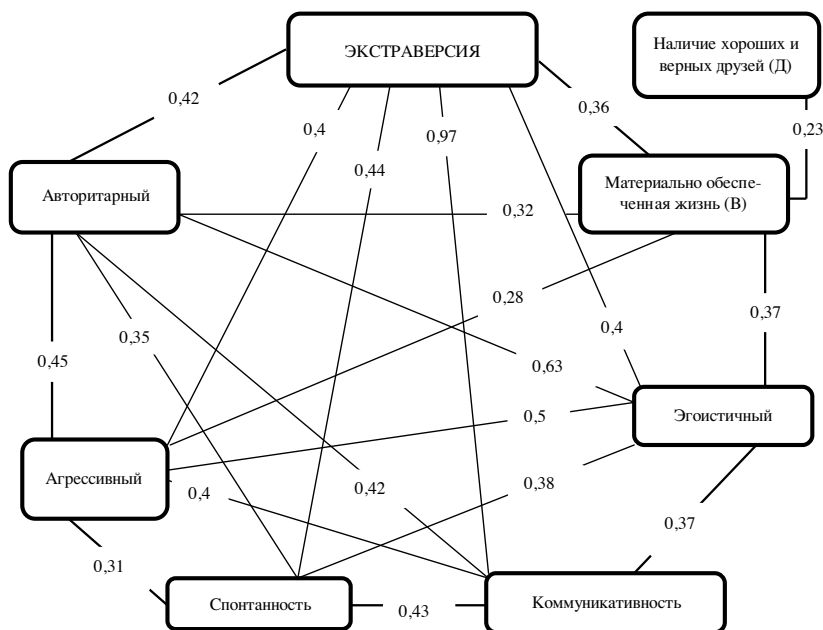
Под «важной» ценностью «Материально обеспеченная жизнь» понимается важность и значимость материально обеспеченной жизни (отсутствие материальных затруднений). «Доступная» ценность «Наличие хороших и верных друзей» означает доступность, более легкая достижимость обретения друзей в жизни респондента.

Проведенный анализ средних значений, установил, что по степени выраженности факторов основными личностными особенностями респондентов, обучающихся на 3-м курсе, являются: высокий показатель типа «авторитарный», выраженные умеренно «эгоистичный» и «агрессивный» типы; «спонтанность», «экстраверсия» (приближенная к границе избыточно выраженных), «коммуникативность» (ближе к умеренно выраженным); «важная» ценность «Материально обеспеченная жизнь», «доступная» ценность «Наличие хороших и верных друзей» (приближена к границам слабо выраженных).

Тем самым, о курсантах-третьекурсниках можно сказать, что это люди в основном «сильного» (гипертимного) типа поведения с наиболее четко выраженными типологическими свойствами, они социально активны, энергичны, стремятся к самоутверждению, лидерству, доминантности, проявляют склонность к соперничеству, ориентированы на себя, настойчивы и упорны, любят давать советы и требуют к себе уважения. Для них доступно обретение друзей и значима материально-обеспеченная жизнь. Для курсантов в большей степени характерны наглядно-образный и интуитивный стили когнитивной деятельности.

В результате корреляционного анализа было установлено, что из всего комплекса проводимых с данной группой методик (55 шкал), используемых при исследовании респондентов, наибольшее количество значимых корреляционных связей показали 8 шкал: «экстраверсия» (19 связей); по 16 связей имеют шкалы «коммуникативность», «эгоистичный», «спонтанность», «авторитарный», «агрессивный», важная ценность «Материально обеспеченная жизнь», доступная ценность «Наличие хороших и верных друзей». Семь из них стали системообразующими. Все связи прямые. Шкала «Наличие хороших и верных друзей» прямо связана только с одной из них — со шкалой «Материально обеспеченная жизнь» (структурно-графическая схема 1).

Опишем полученную структуру ПВК респондентов третьего года обучения. Приведем последовательно описание связей: «экстраверсия» связана с «важной»

Структурно-графическая схема 1 — Структура личностных особенностей курсантов, обучающихся на третьем курсе

ценностью «Материально обеспеченная жизнь» ($r = 0,37$), которая, в свою очередь, связана со шкалой «эгоистичный» ($r = 0,36$); шкала «эгоистичный» связана со шкалой «коммуникативность» ($r = 0,28$); шкала «коммуникативность», в свою очередь, связана со шкалой «спонтанность» ($r = 0,43$); шкала «спонтанность» связана со шкалой «агрессивный» ($r = 0,31$); шкала «агрессивный» связана со шкалой «авторитарный» ($r = 0,45$), которая связана со шкалой «экстраверсия» ($r = 0,42$).

Отметим, что в полученной структуре курсантов-третьекурсников имеются и внутренние связи (например, «экстраверсия» связана с «агрессивностью», «спонтанностью», «коммуникативностью» и т.д.).

Прямая корреляционная связь означает, что при повышении одного из взаимосвязанных качеств повышается другое, так, например, при повышении шкалы «экстраверсия» повысятся такие шкалы, как: «агрессивный» ($r = 0,4$), «спонтанность» ($r = 0,44$), «коммуникативность» ($r = 0,97$). При повышении «агрессивный», повышаются «экстраверсия», «эгоистичный» ($r = 0,5$), важность ценности «Материально обеспеченная жизнь» ($r = 0,28$), «коммуникативность» ($r = 0,4$). Повышение шкалы «авторитарный» будет способствовать повышению шкал «эгоистичный» ($r = 0,63$), «коммуникативность» ($r = 0,42$), «спонтанность» ($r = 0,35$), «агрессивный» и важность ценности «Материально обеспеченная жизнь» ($r = 0,32$). При повышении шкалы «эгоистичный» повысятся шкалы: «авторитарный», «агрессивный», «спонтанность» ($r = 0,38$), «коммуникативность» ($r = 0,37$). Повышение важности ценности «Материально обеспеченная жизнь» приведет к повышению «авторитарный» и «агрессивный». При повышении шкалы «коммуникативность» повысятся

шкалы: «агрессивный», «авторитарный», «экстраверсия», «эгоистичный». Повышение шкалы «спонтанность» повысит шкалы «авторитарный», «экстраверсия», «эгоистичный». Отметим, что в структуре исследуемых личностных особенностей установлена внешняя положительная единичная связь между «важной» ценностью «Материально обеспеченная жизнь» и «доступной» ценностью «Наличие хороших и верных друзей» ($r = 0,23$).

Итак, исходя из представленного выше, следует, что чем более курсанты будут прямолинейны, резки, требовательны к окружающим, тем они будут более властны, еще больше стремиться к самоутверждению посредством лидерства во всех видах групповой деятельности, полагаться только на свое мнение; навязчивость по отношению к окружающим и принятие на себя ответственности за других (как проявление «ложного» альтруизма) так же будут повышаться. Для них большую значимость приобретет материальная обеспеченность в жизни, что отразится на удовлетворении доступной ценности «хорошие и верные друзья».

Рассмотрим образовавшиеся в результате проведения корреляционного анализа структуры каждого из восьми основных компонентов личностных особенностей курсантов третьего года обучения с другими составными элементами структуры и приведем их.

Отметим, что наибольшее количество связей в структуре ПВК респондентов третьего курса набрала шкала «экстраверсия». Опишем эти связи. Положительные связи установлены со шкалами: «авторитарный» ($r = 0,4$), «эгоистичный» ($r = 0,4$), «агрессивный» ($r = 0,4$), «зависимый» ($r = 0,3$), «дружелюбный» ($r = 0,4$), «альтруистический» ($r = 0,4$); «агрессивность» ($r = 0,3$), «спонтанность» ($r = 0,4$), «лабильность» ($r = 0,4$), «коммуникативность» ($r = 0,97$); «личностный адаптационный потенциал» (ЛАП) ($r = 0,2$), «коммуникативные способности» (КП) ($r = 0,5$); важными ценностями «Любовь» ($r = 0,2$), «Наличие хороших и верных друзей» ($r = 0,3$).

Отрицательные связи установлены с такими шкалами как: «подчиняемый» ($r = -0,2$); «интроверсия» ($r = -0,5$); важными ценностями «Красота природы и искусства» ($r = -0,3$), «Познание» ($r = -0,2$), доступной ценностью «Интересная работа» ($r = -0,2$).

Опишем структурные связи шкалы «агрессивный» с другими ПВК курсантов-третьекурсников. Итак, прямые связи установлены с такими шкалами, как: «авторитарный» ($r = 0,4$), «эгоистичный» ($r = 0,5$), «подозрительный» ($r = 0,3$), «зависимый» ($r = 0,3$), «альтруистический» ($r = 0,4$); «экстраверсия» ($r = 0,4$), «агрессивность» ($r = 0,3$), «спонтанность» ($r = 0,3$), «лабильность» ($r = 0,4$), «коммуникативность» ($r = 0,4$); важной ценностью «Материально-обеспеченная жизнь» ($r = 0,3$) и доступной ценностью «Уверенность в себе» ($r = 0,3$). Обратные связи установлены со шкалами: «ЛАП» ($r = -0,3$), «НПУ» ($r = -0,3$), «соблюдение социальных норм и правил поведения» (МН) ($r = -0,4$); доступной ценностью «Интересная работа» ($r = -0,3$).

Далее приведем выявленные связи между шкалой «спонтанность» и другими компонентами структуры ПВК респондентов. Так, положительные связи установлены со шкалами: «интуиция» ($r = 0,3$); «авторитарный» ($r = 0,3$), «эгоистичный» ($r = 0,4$), «агрессивный» ($r = 0,3$); «экстраверсия» ($r = 0,4$), «агрессивность» ($r = 0,2$), «лабильность» ($r = 0,2$), «коммуникативность» ($r = 0,4$); «коммуникативный потенциал» ($r = 0,3$); важной ценностью «Наличие хороших и верных друзей» ($r = 0,2$), доступной ценностью «Уверенность в себе» ($r = 0,3$). Отрицательные связи установлены с такими шкалами как: «подчиняемый» ($r = -0,3$); «интроверсия» ($r = -0,3$);

«сенситивность» ($r = -0,3$), «моральная нормативность» ($r = -0,2$); доступной ценностью «Интересная работа» ($r = -0,3$).

Далее проанализируем выявленные в ходе корреляционного анализа связи шкалы «эгоистичный» с другими компонентами структуры личностных особенностей курсантов. Так, прямые связи установлены с такими шкалами как: «авторитарный» ($r = 0,6$), «зависимый» ($r = 0,4$), «дружелюбный» ($r = 0,5$), «альтруистический» ($r = 0,5$); «агрессивный» ($r = 0,4$); «экстраверсия» ($r = 0,4$), «спонтанность» ($r = 0,4$), «агрессивность» ($r = 0,4$), «лабильность» ($r = 0,4$), «коммуникативность» ($r = 0,4$), «ложь» ($r = 0,3$); важной ценностью «Материально-обеспеченная жизнь» ($r = 0,4$), доступной ценностью «Уверенность в себе» ($r = 0,3$). Обратные связи обнаружены со шкалами: «интроверсия» ($r = -0,2$); с важными ценностями «Интересная работа» ($r = -0,3$), «Творчество» ($r = -0,2$).

Шкала «авторитарный» связана с другими компонентами структуры ПВК респондентов 3 курса следующим образом: положительные связи определены со шкалами: «зависимый» ($r = 0,4$), «дружелюбный» ($r = 0,4$), «альтруистический» ($r = 0,3$); «агрессивный» ($r = 0,4$); «эгоистичный» ($r = 0,6$); «экстраверсия» ($r = 0,4$), «агрессивность» ($r = 0,3$), «лабильность» ($r = 0,4$), «спонтанность» ($r = 0,4$), «коммуникативность» ($r = 0,4$); важными ценностями: «Здоровье» ($r = 0,2$), «Наличие хороших и верных друзей» ($r = 0,2$), «Материально-обеспеченная жизнь» ($r = 0,3$). Отрицательные связи выявлены с такими шкалами как: «подозрительный» ($r = -0,2$); «интроверсия» ($r = -0,3$); важной ценностью «Интересная работа» ($r = -0,4$).

Корреляционные связи шкалы «коммуникативность» с другими шкалами выявленной структуры таковы: прямые связи установлены со шкалами: «авторитарный» ($r = 0,4$), «зависимый» ($r = 0,3$), «дружелюбный» ($r = 0,5$), «альтруистический» ($r = 0,4$); «агрессивный» ($r = 0,4$); «эгоистичный» ($r = 0,4$); «экстраверсия» ($r = 0,97$), «агрессивность» ($r = 0,2$), «лабильность» ($r = 0,4$), «спонтанность» ($r = 0,4$); «КП» ($r = 0,5$); важными ценностями: «Наличие хороших и верных друзей» ($r = 0,2$), «Любовь» ($r = 0,3$). Обратные связи установлены с: «интроверсия» ($r = -0,5$); важной ценностью «Красота природы и искусства» ($r = -0,3$), доступной ценностью «Интересная работа» ($r = -0,2$).

Далее проанализируем связи, которые были выявлены между важной ценностью «Материально-обеспеченная жизнь» и другими составляющими структуры. Положительные связи определены со шкалами: «авторитарный» ($r = 0,3$), «зависимый» ($r = 0,3$), «альтруистический» ($r = 0,3$); «агрессивный» ($r = 0,3$); «эгоистичный» ($r = 0,4$); «аггравация» ($r = 0,4$); «альтруистический» (II) ($r = 0,3$); важными ценностями: «Наличие хороших и верных друзей» ($r = 0,2$), «Любовь» ($r = 0,2$). Отрицательные связи обнаружены: «интуиция» ($r = -0,2$); «сенситивность» ($r = -0,2$); «доминантный» ($r = -0,2$); важными ценностями: «Красота природы и искусства» ($r = -0,2$), «Познание» ($r = -0,4$), «Творчество» ($r = -0,4$).

Как упоминалось ранее, в результате корреляционного анализа доступная ценность «Наличие хороших и верных друзей» имеет 16 связей. Прямые связи были установлены со следующими шкалами: «дигнилофильный» ($r = 0,2$); «аггравация» ($r = 0,2$); важными ценностями: «Наличие хороших и верных друзей» ($r = 0,3$), «Материально обеспеченная жизнь» ($r = 0,2$), «Уверенность в себе» ($r = 0,2$), доступными ценностями: «Здоровье» ($r = 0,4$), «Счастливая семейная жизнь» ($r = 0,2$), «Уверенность в себе» ($r = 0,3$). Обратные связи установлены: с такими важными ценностями, как: «Активная и деятельностьная жизнь» ($r = -0,2$), «Интересная работа» ($r = -0,3$), «Кра-

сота природы искусства» ($r = -0,3$) и доступными ценностями: «Красота природы искусства» ($r = -0,5$), «Материально обеспеченная жизнь» ($r = -0,3$), «Свобода как независимость в поступках и действиях» ($r = -0,4$), «Творчество» ($r = -0,4$).

Заключение

Таким образом, было определено, что структура изучаемых ПВК курсантов 3-го курса включает в себя 7 системообразующих элементов: экстраверсия, агрессивность, спонтанность, эгоистичность, авторитарность, коммуникативность, материально-обеспеченная жизнь, каждый из которых имеет значимые связи с большим количеством других особенностей личности. Доступная ценность «Наличие хороших и верных друзей» также имеет большое количество корреляционных связей, но с системой связана посредством прямой связи с важной ценностью «Материально обеспеченная жизнь». В совокупности исследуемых личностных параметров респонденты имеют наглядно-образный и интуитивный стили когнитивной деятельности.

В целом респонденты имеют средний уровень выраженности изучаемых ПВК личностной группы и некоторые характеристики нуждаются в коррекционном воздействии — это такие качества личности как: авторитарность, экстраверсия, эгоистичность и спонтанность. Учитывая то, что курсанты рассматривают профессиональную деятельность как возможность удовлетворения потребности в материально-обеспеченной жизни, иногда снижая ценность самой деятельности, ее социальную значимость и романтику, снижение авторитарности, может привести к качественно новому отношению к деятельности — повышению интереса и рассмотрению ее не только как источника возможности материальной обеспеченности, а как возможность самовыражения и самореализации. Качественное положительное изменение личности будет выражено в том, что курсанты станут более сдержанны, организованны и избирательны в выборе друзей.

Библиографический список

- Айзенк, С. (2004). *Проверьте свой экстрасенсорный IQ*. М.: ЭКСМО.
- Бодров, В. А. (ред.) (2004). *Практикум по дифференциальной психодиагностике профессиональной пригодности*. М.: ПЕР СЭ. 2003.
- Бодров, В. А. (сост.) (2007). *Психологические основы профессиональной деятельности*. М.: ПЕР СЭ; Логос.
- Бодров, В. А. (2001). *Психология профессиональной пригодности*. М.: ПЕР СЭ.
- Ворона, А. А., Гандер, Д. В., Пономаренко, В. А. (2003). *Теория и практика психологического обеспечения летного труда*. М.: Военное издательство.
- Ворона, А. А., Пономаренко, В. А. (ред.) (1992). *Формирование и развитие профессионально важных качеств у курсантов в процессе обучения в ВВАУЛ*. М.: Военное издательство.
- Гарбузов, В. И. (1994). *Практическая психотерапия или как вернуть ребенку и подростку уверенность в себе, истинное достоинство и здоровье*. СПб.: АО «Сфера».
- Григорьев, М. В., Макаревская, Ю. Э. (2017). Личностные особенности подчиненных и предпочитаемый ими стиль управления (на примере военнослужащих). *Человек. Сообщество. Управление*, 18 (4), 150–161.
- Королева, Т. П. (2015). *Психологические профессионально важные качества: системный подход*. Краснодар: ИП Дедкова С. А.

- Королева, Т. П., Щербакова Е.А. (2018). Психологические особенности курсантов в связи с различиями по критериям «минимальные мозговые дисфункции» и «минимальные повреждения мозга». *Общество: социология, психология, педагогика. Научный журнал*, 1.
- Крачко, Э. А. (2013). *Психофизиологические критерии распределения курсантов военного авиационного образовательного учреждения по родам авиации* (Канд. диссертация). Санкт-Петербург.
- Лазуткин, В. И., Жильцов В. А, Зараковский Г.М., Островский Н.П. (ред.) (2005). *Методики военного профессионального психологического отбора*. М.: Военное издательство.
- Лукинова, М. Г. (2017). Особенности соотношения ценностей курсантов разных лет набора. В О.В. Киреева, Е.В. Улько, Л.Н. Ожигова, Н.Н. Лупенко (ред.) *Материалы XVII Всероссийской науч.-практ. конф. Человек. Сообщество. Управление: взгляд молодого исследователя. Психология* (86–91). Краснодар: Кубанский гос. Ун-т.
- Лукинова, М. Г., Мальчинский Ф.В., Михайлова А.А., Некрасов С.Д., Щербакова Е. А. (2016). Разработка методики дифференциации курсантов по родам авиации: первый этап. В *Личность курсанта: психологические особенности бытия*. Материалы VII Всерос. науч. практ. конф. (с иностранным участием). Краснодар: Куб. гос. ун-т; КВВАУЛ; Краснодарский ун-т МВД России.
- Лукинова, М. Г., Щербакова, Е. А., Михайлова, А. А., Колесниченко, В. И. (2017). Анализ исследования структуры личностной группы ПВК курсантов первого года обучения. В *Личность курсанта: психологические особенности бытия*. Материалы VIII Всерос. науч. практ. конф. (с иностранным участием). Краснодар: Куб. гос. ун-т; КВВАУЛ; Краснодарский ун-т МВД России.
- Мальчинский, Ф. В. (2010). *Личностно-значимые ориентиры внутренней позиции личности курсанта* (Канд. диссертация). Краснодар.
- Надеждина, В. (ред.) (2011). *Практическая психодиагностика. Тесты и методики*. Минск: Харвест.
- Фанталова, Е. Б. (2011). Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах: психометрическое исследование показателей. *Методика. Мир психологии*, 2 (66), 228–243.
- Фоменко, Г. Ю. (2017). Самоопределение личности: субъектно-бытийная интерпретация. *Человек. Сообщество. Управление*, 18 (2), 101–119.
- Щербакова, Е. А. (2011). *Связь образа родителей с адаптивностью личности* (Канд. диссертация). Краснодар.
- Щербакова, Е. А. (2013). Сравнительный анализ летчиков различных родов авиации. В С.Д. Некрасов (ред.) *Личность курсанта: психологические особенности бытия*. Материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. (с иностранным участием). Краснодар: ВУНЦ ВВС «ВВА», Кубанский гос. Ун-т; Просвещение-Юг.
- Щербакова, Е. А. (2017). Теоретические предпосылки исследования АКМЕ военного летчика в рамках деятельности научной школы В Г.А. Вайзер, Н.В. Кисельникова, Т.А. Попова (ред.) *Профессионально-личностное развитие курсантов авиационного вуза. Психологические проблемы смысла жизни и АКМЕ: Электронный сборник материалов XXII симпозиум*. М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО».
- Щербакова, Е. А., Ожигова, Л. Н. (2017). Военный летчик: от профессиональной пригодности к пониманию экзистенциальности бытия личности профессионала. В А.А. Таганова, С.А. Павлова, И.С. Нестеренко, Н.А. Деева, А.С. Бондаренко, А.С. Осипова (ред.) *Формирование профессионально значимых качеств сотрудников полиции: материалы Междунар. науч.-практ. конф.*, 20 апр. 2017 г. Краснодар: Краснодарский университет МВД России.
- Щербакова, Е. А., Ожигова, Л. Н. (2016). Военный летчик: системный подход к исследованию личности, занятой в экстремальной профессиональной деятельности. В И.Б. Шуванова, В.В. Знакова, З.И. Рябикина, Г.Ю. Фоменко, В.Ф. Енгальчева, Ю.Э. Макаревская (ред.) *Психология безопасности и психологическая безопасность: проблемы взаимодействия теоретиков и практиков*. Сборник материалов VII Всероссийского научного семинара,

- г. Сочи, 9–10 сентября 2016 г. Министерство образования РФ; Соч. гос. унт; Соц.-пед. ф-т СГУ; Сочи: СГУ.
- Kyrpenko, V. N. (2015). Dynamic of Professionally Important Qualities' Changes in Cadets of Higher Flight Establishments. *Pedagogics, Psychology, Medical-Biological Problems of Physical Training and Sports*, 19 (6), 10–13.
- Miranda, A. (2018). Understanding Human Error in Naval Aviation Mishaps. *Human Factors: The Journal of the Human Factors and Ergonomics Society*, 60 (6), 763–777. DOI: 10.1177/0018720818771904
- Wiegmann, D. A., & Shappell, S. A. (2003). *A Human Error Approach to Aviation Accident Analysis: The Human Factors Analysis and Classification System*. Burlington, VT: Ashgate Publishing, Ltd.

Статья поступила в редакцию 14.12.2018

Статья принята к публикации 25.01.2019

Для цитирования: Лукинова М.Г., Щербакова Е.А. Профессионально важные качества курсантов третьего года обучения: структура личностных качеств. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 1. С. 152–164.

PROFESSIONALLY IMPORTANT QUALITIES OF CADETS OF THE THIRD YEAR TRAINING: STRUCTURE OF PERSONAL QUALITIES

M. G. Lukinova, E. A. Shcherbakova

Marina G. Lukinova. E-mail: m.lukinova@mail.ru

Elena A. Shcherbakova. E-mail: leliyaom@yandex.ru

Krasnodar Higher Military Air Command and Staff College, Dzerzhinskogo Str., 135, Krasnodar, 350005, Russia.

Abstract. The requirements to the professionally important qualities of a military pilot are becoming stricter due to the onward rush of military aircraft engineering. It has been proved that the success of a pilot's professionalism is defined by both the level of development of his professional activity and by the structure and the hierarchy of his qualities as a specialist. The theoretical and methodological basis of the research is made up by the concept of a psychological selection and psychological maintenance during the military pilot's training period, worked out by D. V. Gander, V. A. Ponomarenko, and some others. Within the framework of this concept, the prognosis of professional reliability and adaptation to professional activity is exercised on the basis of assessment of the professionally important qualities of a military pilot. The article contains the results of the personalized research of a military pilot's professionally important qualities. The article is a part of a longitudinal study and it analyzes the research results of the structure of professional qualities indispensable for the 3rd year cadets, and is based on the research results for the 1st and 2nd year cadets under the influence of educational environment. The results show that the 3rd year cadets possess a visual and imaginative, as well as intuitive type of cognitive activity. They are socially active, energetic, aimed at self-affirmation, leadership, dominance, prone to rivalry, persistence and tenacity, and are self-oriented. They make friends easily, and wealthy life is very important for them. The correlation analysis has revealed seven systemic parameters out of all those under study. Here belong the following specifics of the respondents' personality: extraversion, communicability, egoism, spontaneity, authoritarianism, aggressiveness and "wealthy life" as a most important value; all of these are directly correlated. Another value — "Having true friends" — is also richly correlated but it is directly connected with the value "Wealthy life". In the aggregate of personalized characteristics, the respondents possess a visual and imaginative, as well as intuitive type of cognitive activity. The data obtained in the research can be used to carry out correctional and developmental activities in which the cadets are involved in the course of psychological maintenance during the military pilots' training period.

Keywords: professionally important qualities, structure professionally important qualities, psychological and educational maintenance, cadet pilots.

DOI: 10.31429/26190567-20-1-152-164

References

- Aizenk, S. (2004). *Prover'te svoi ekstrasensorni IQ* [Check Your Extrasensory IQ]. M.: EKSMO.
- Bodrov, V. A. (2001). *Psikhologiya professional'noi prigodnosti* [Psychology of professional aptitude]. M.: PER SE.
- Bodrov, V. A. (Comp.) (2007). *Psikhologicheskie osnovy professional'noi deiatel'nosti* [Psychological Foundations of Professional Activity]. M.: PER SE; Logos.
- Bodrov, V. A. (Ed.) (2003). *Praktikum po differentsial'noi psikhodiagnostike professional'noi prigodnosti* [Tutorial on Differential Psychodiagnostics of Aptitude Test]. M.: PER SE.
- Fantalova, E. B. (2011). Uroven' sootnosheniia "tsennosti" i "dostupnosti" v razlichnykh zhiznennykh sferakh: psikhometricheskoe issledovanie pokazatelei. Metodika [The Level of Correlation Between "Value" and 'Accessibility' in Different Life Spheres: a Psychometric Research of the Indexes. Methodology]. *Mir psikhologii* [The World of Psychology], 2 (66), 228–243.
- Fomenko, G. Iu. (2017). Samoopredelenie lichnosti: sub'ektno-bytiinaia interpretatsiia [Self-Determination of a Personality: Subjective-Existential Interpretation]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 18 (2), 101–119.
- Garbuzov, V. I. (1994). *Prakticheskaiia psikhoterapiia ili kak vernut' rebenku i podrostku uverenost' v sebe, istinnoe dostoinstvo i zdorov'e* [Practical Psychotherapy or, How to Revive Self-Assurance, True Dignity and Health in Children and Teenagers]. SPb.: AO "Sfera".
- Grigor'ev, M. V., Makarevskaiia, Iu. E. (2017). Lichnostnye osobennosti podchinennykh i predpochitaemyi imi stil' upravleniia (na primere voennosluzhashchikh) [Personal Characteristics of Subordinates and Their Preferred Management Style (on the Example of the Military Personnel)]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 18 (4), 150–161.
- Koroleva, T. P. (2015). *Psikhologicheskie professional'no vazhnye kachestva: sistemnyi podkhod* [Psychological Professionally Indispensable Qualities: a Systemic Approach]. Krasnodar: IP Dedkova S.A.
- Koroleva, T. P., Shcherbakova, E. A. (2018). Psikhologicheskie osobennosti kursantov v sviazi s razlichiiami po kriteriiam "minimal'nye mozgovye disfunktsii" i "minimal'nye povrezhdeniia mozga" [Psychological Specificity of the Cadets Differing Along the 'Minimal Brain Dysfunctions' and 'Minimal Brain Damages' Criteria]. *Obshchestvo: sotsiologiia, psikhologiia, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics], 1.
- Krachko, E. A. (2013). *Psikhofiziologicheskie kriterii raspredeleniia kursantov voennogo aviatsionnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniia po rodam aviatsii* [Psychophysiological Criteria of Distribution for the Cadets of a Military Aviation School According to Branches of Aviation]. (Cand. Dissertation). Sankt-Peterburg.
- Kyrpenko, V. N. (2015). Dynamic of Professionally Important Qualities' Changes in Cadets of Higher Flight Establishments. *Pedagogics, Psychology, Medical-Biological Problems of Physical Training and Sports*, 19 (6), 10–13.
- Lazutkin, V. I., Zhil'tsov, V. A., Zarakovskii, G. M., Ostrovskii, N. P. (Eds.) (2005). *Metodiki voennogo professional'nogo psikhologicheskogo otbora* [Professional Military Psychological Selection Techniques]. Moskva, Voennoe izdatel'stvo.
- Lukina, M. G. (2017). Osobennosti sootnosheniia tsennostei kursantov raznykh let nabora [The Specificity of the Relation of Values for the Cadets of the Different Years of Admission]. In O. V. Kireeva, E. V. Ul'ko, L. N. Ozhigova, N. N. Lupenko (Eds.) *Aprel'skie tezisy: Materily XVII Vserossiiskoi nauch.-prakt. konf. Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie: vzgliad mladogo issledovatelya. Psikhologiia* [The April Theses: Readings of the XVIIth All-Russian Scientific and Practical Conference 'Man. Community. Government': a Young Researcher's View. Psychology] (86–91). Krasnodar: Kubanskii gos. Un-t.
- Lukina, M. G., Mal'chinskii, F. V., Mikhailova, A. A., Nekrasov, S. D., Shcherbakova, E. A. (2016). Razrabotka metodiki differentsiatsii kursantov po rodam aviatsii: pervyi etap [Developing the Techniques for Differentiating Cadets According to Types of Aviation: the First Stage]. In *Lichnost' kursanta: psikhologicheskie osobennosti bytiia. Materialy VII Vseros. nauch. prakt. konf. (s inostran-*

- nym uchastiem) [The Personality of a Cadet: Psychological Specificity of Being. Materials of the VIIth All-Russian Scientific and Practical Conference (with Foreign Speakers Participation)]. Krasnodar: Kub. gos. un-t; KVVAUL; Krasnodarskii un-t MVD Rossii.
- Lukinova, M. G., Shcherbakova, E. A., Mikhailova, A. A., Kolesnichenko, V. I. (2017). Analiz issledovaniia struktury lichnostnoi gruppy PVK kursantov pervogo goda obucheniia [The Analysis of the Research of the Personality Group of the First-Year Cadets]. In *Lichnost' kursanta: psikhologicheskie osobennosti bytiia. Materialy VIII Vseros. nauch. prakt. konf. (s inostrannym uchastiem)* [The Personality of a Cadet: Psychological Specificity of Existence. Materials of the VIIIth All-Russian Scientific and Practical Conference (with Foreign Speakers Participation)]. Krasnodar: Kub. gos. un-t; KVVAUL; Krasnodarskii un-t MVD Rossii.
- Mal'chinskii, F. V. (2010). *Lichnostno-znachimye orientiry vntrennei pozitsii lichnosti kursanta* [Personally Indispensable Cues for Inner Structure of a Cadet's Personality]. (Cand. Dissertation). Krasnodar.
- Miranda, A. (2018). Understanding Human Error in Naval Aviation Mishaps. *Human Factors: The Journal of the Human Factors and Ergonomics Society*, 60 (6), 763–777. DOI: 10.1177/0018720818771904
- Nadezhdina, V. (Ed.) (2011). *Prakticheskaiia psikhodiagnostika. Testy i metodiki* [Practical Psychodiagnostics. Tests and Techniques]. Minsk: Kharvest.
- Shcherbakova, E. A. (2011). *Sviaz' obraza roditelei s adaptivnost'iu lichnosti* [The Connection Between the Parents' Image and a Person's Adaptability]. (Cand. Dissertation). Krasnodar.
- Shcherbakova, E. A. (2013). Sravnitel'nyi analiz letchikov razlichnykh rodov aviatsii [A Comparative Analysis of the Pilots from Different Branches of Aviation]. In S. D. Nekrasov (Ed.) *Lichnost' kursanta: psikhologicheskie osobennosti bytiia. Materialy IV Vseros. nauch.-prakt. konf. (s inostrannym uchastiem)* [The Personality of a Cadet: Psychological Specificity of Existence. Materials of the IVth All-Russian Scientific and Practical Conference (with Foreign Speakers Participation)]. Krasnodar: VUNTs VVS "VVA", Kubanskii gos. Un-t; Prosveshchenie-Iug.
- Shcherbakova, E. A. (2017). Teoreticheskie predposylki issledovaniia AKME voennogo letchika v ramkakh deiatel'nosti nauchnoi shkoly "Professional'no-lichnostnoe razvitie kursantov aviatsionnogo vuza" [Theoretical Premises for the Research of a Military Pilot's Peak Within the Scope of Scientific Activity of the School "Professional and Personal Development of Aviation Institution Cadets"]. In G. A. Vaizer, N. V. Kisel'nikovoi, T. A. Popovoi (Eds.) *Psikhologicheskie problemy smysla zhizni i AKME: Elektronnyi sbornik materialov XXII simpoziuma* [The Psychological Problems of Life Sense and AKME: Electronic Collection of Materials of the XXII Symposium] M.: FGBNU "Psikhologicheskii institut RAO".
- Shcherbakova, E. A., Ozhigova, L. N. (2016). Voennii letchik: sistemnyi podkhod k issledovaniiu lichnosti, zaniatoi v ekstremal'noi professional'noi deiatel'nosti [Military Pilot: a Systemic Approach to the Research of a Person in Some Extreme Professional Activity]. In I. B. Shuvanova, V. V. Znakova, Z. I. Riabikina, G. Iu. Fomenko, V. F. Engalycheva, Iu. E. Makarevskaiia *Psikhologiiia bezopasnosti i psikhologicheskaiia bezopasnost': problemy vzaimodeistviia teoretikov i praktikov. Sbornik materialov VII Vserossiiskogo nauchnogo seminar* [Psychology of Safety and Psychological Safety: Problems of Interaction of Theoreticians and Practitioners. Collection of materials of the VIIth All-Russian Scientific Seminar]. Ministerstvo obrazovaniia RF; Soch. gos. unt; Sots.-ped. f-t SGU; Sochi: SGU.
- Shcherbakova, E. A., Ozhigova, L. N. (2017). Voennii letchik: ot profess sional'noi prigodnosti k ponimaniuu ekzistentsial'nosti bytiia lichnosti professional [Military Pilot: from Professional Aptitude to Understanding the Existence of Being of a Professional]. In A. A. Taganova, S. A. Pavlova, I. S. Nesterenko, N. A. Deeva, A. S. Bondarenko, A. S. Osipova (Eds.) *Formirovanie professional'no znachimykh kachestv sotrudnikov politsii. Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf* [Formation of the Professionally Indispensable Qualities in Law Enforcement Officers. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Krasnodar: Krasnodarskii universitet MVD Rossii.

- Vorona, A. A., Gander, D. V., Ponomarenko V.A. (2003). *Teoriia i praktika psikhologicheskogo obeshpecheniia letnogo truda* [Theory and Practice of Psychological Maintenance in Flying Work]. M.: Voennoe izdatel'stvo
- Vorona, A. A., Ponomarenko, V. A. (Eds.) *Formirovanie i razvitie professional'no vazhnykh kachestv u kursantov v protsesse obucheniia v VVAUL* [Formation and Development of Cadets' Professionally Indispensable Qualities in the Process of Learning at VVAUL]. M.: Voennoe izdatel'stvo.
- Wiegmann, D. A., & Shappell, S. A. (2003). *A Human Error Approach to Aviation Accident Analysis: The Human Factors Analysis and Classification System*. Burlington, VT: Ashgate Publishing, Ltd.

Received 14.12.2018

Accepted 25.01.2019

For citation: Lukinova M.G., Shcherbakova E.A. Professionally important qualities of cadets of the third year training: structure of personal qualities. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 1. Pp. 152-164.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 42 тыс. знаков с пробелами (до 1,0 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows. Статьи принимаются через систему электронной редакции на сайте журнала journalsr.kubsu.ru. Просим направляемые статьи дублировать на электронную почту chsu1999@yandex.ru.

Автор предоставляет Редколлегии (издателю) журнала право на использование статьи в научном журнале, а также на включение полнотекстовых вариантов статьи в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) и иные международные базы данных. Право использования журнала в целом в соответствии с п. 7 ст. 1260 ГК РФ принадлежит Издателю журнала и действует бессрочно на территории Российской Федерации и за ее пределами. Авторские права регулируются на основе лицензии Creative Commons 4.0 BY. В качестве согласия автора на публикацию рассматривается загрузка статьи в систему электронной редакции на сайте журнала или отправка статьи на официальный адрес редакции с сопроводительным письмом.

Редакция размещает фамилию, имя, отчество, аффилиацию автора, электронный адрес автора, название, аннотацию, ключевые слова статьи в журнале и на сайте издания. Гонорар за публикации не выплачивается. Полученные статьи не возвращаются.

Авторская справка должна включать сведения об авторе(-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы (полное название организации и ее почтовый адрес), занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес автора, ORCID автора. Сведения предоставляются на русском и английском языках.

Резюме. Рукопись должна включать информативное резюме статьи объемом 200-250 слов, содержащее описание сути научного сообщения (цель, методология, основные выводы исследования, интерпретация его результатов, значение исследования для решения затрагиваемых научных проблем) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). Не допускается наличие в аннотации ссылок, прямых цитат из текста статьи. К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный и переведенный на английский язык библиографический список, а также переведенные на английский язык названия статей и рисунков.

Оформление ссылок. Автору следует оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем – на иностранных.

При оформлении рукописей следует руководствоваться Правилами оформления библиографических ссылок.

Редакция оставляет за собой право вернуть автору рукопись для приведения библиографических ссылок в соответствии с настоящим стандартом.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

В тексте

Используйте метод цитирования «дата — автор» (фамилия автора, год публикации). Примеры:

- В недавнем исследовании времени реакции (Уолкер, 2000) ...
- Уолкер (2000) сравнивал время реакции...
- Некоторые исследования (Балда, 1980; Камил, 1988; Пепперберг, Функ, 1990) показывают, что...
- In a recent study of reaction times (Walker, 2000) ...
- Walker (2000) compared reaction times...
- Several studies (Balda, 1980; Kamil, 1988; Pepperberg & Funk, 1990) show that...

Цитируя источники 3-5 авторов, указывайте все фамилии авторов в 1-й раз, в последующие цитирования того же источника — только фамилию 1-го автора:

- (Бабаева, Березанская, Васильев, 2008) ... — первое цит., затем: (Бабаева и др., 2008) ...
- (Harder, Cutler & Rockart, 1992) ... — первое цит., затем: (Harder et al., 1992) ...

Источники личного происхождения (письма, записки, интервью, телефонные беседы, электронная переписка и записи коллективных обсуждений группы) цитируйте только в тексте:

- (Р.А. Смит, электронная переписка, 10 мая 2009) ...
- (R.A. Smith, personal communication, May 10, 2009) ...

Библиографический список

Ссылки должны включать: автора, редактора (если он есть), год издания, название и информацию о публикации; и при наличии, DOI (идентификатор цифрового объекта) при цитировании печатных и электронных источников.

Если источник без автора, переместите название на позицию автора; расположите в алфавитном порядке по первым буквам названия.

Для редактируемых книг, не имеющих единого автора поместите редактора на позицию автора, дописав (ред.) или в англ.: (Ed.). — для книг с одним редактором и (Eds.). — для книг с несколькими редакторами.

С заглавной буквы следует писать только 1-е слово названия статьи, названия главы или подзаголовок, также имена собственные.

Курсивом следует выделить название журнала, информационного бюллетеня или название книги.

Если источник имеет нестандартный формат, укажите это в квадратных скобках после названия, для идентификации первоисточника [Брошюра, Файл с данными, Кинофильм, Аудиофайл, Лекции, CD, Видео интернет-трансляция].

Информация о публикации должна включать: город, издательство (для книг); номер тома и/или выпуска, номера страниц (для журналов, информационных бюллетеней).

Выделите курсивом номер тома научного журнала, популярного журнала или информационного бюллетеня; и если каждый выпуск начинается со страницы 1, то укажите номер выпуска (не курсивом) в круглых скобках () после номера тома.

Для статьи в журнале укажите диапазон номеров страниц; **для статьи информационного бюллетеня, материалов конференции, книжной главы или газетной статьи** перед диапазоном страниц поместите символ «с.» (страница) или «сс.» (страницы) или в англ.: «р.» (страница) или «pp.» (страницы).

Ссылки списка располагаются в алфавитном порядке по фамилии, и затем по инициалам первого автора.

Если автором выступает организация (агентство, ассоциация, учреждение), включите ссылку в список в алфавитном порядке (по первому слову названия организации).

При формировании англоязычного библиографического списка следует транслитерировать фамилии, инициалы авторов, название материала и название периодического издания. Рядом с транслитерированными названиями в квадратных скобках следует указать смысловой перевод названий на английский язык (не курсивом).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, с DOI (печатная копия)

- Бабаева, Ю. Д., Попова, Е. Н., Сабашов, П. А. (2008). Творческие способности и ценностная структура личности. *Психология и школа*, 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Babaeva, J. D., Popova, E. N., & Sabadosh, P. A. (2008). Tvorcheskiye sposobnosti i tsennostnaya struktura lichnosti [Creative values and a person's value system]. *Psikhologiya i Shkola* [Psychology and School], 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Conner, S., Bloomfield, J., LeBoutillier, J. C., Thompson, R. F., Petit, T. L., & Weeks, A. C. (2009). Eyeblink conditioning leads to fewer synapses in the rabbit cerebellar cortex. *Behavioral Neuroscience*, 123, 856-862. doi:10.1037/a0016370

Статья в популярном журнале, без DOI, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Васюкова, Е. Е. (2012, Май). Развитие шахматного мастерства: Проблемы, принципы, методы. *Спортивный психолог*, 2 (4), 9-15.
- Vasyukova, E. E. (2012, May). Razvitie shahmatnogo masterstva: Problemy, principy, metody [The development of chess skills: Problems, principles, and methods]. *Sportivnyj psiholog* [Sport psychologist], 2 (4), 9-15.
- Gartner, J. (2009, September/October). Dark minds: When does incredulity become paranoia? *Psychology Today*, 42 (5), 37-38.

Статья информационного бюллетеня, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Быков, Б. Н. (ред.). (2014, Июнь 2). Анонсы событий на предстоящую неделю. *Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга*, 20 (871), сс. 1-2.
- Bykov, B. N. (Ed.). (2014, June 2). Anonsy sobytiy na predstoyashchuyu nedelyu [Announcements of events the forthcoming week]. *Newsletter of Administration*

of St. Petersburg [Informatsionnyy byulleten' Administratsii Sankt-Peterburga], 20 (871), ss. 1-2.

- Murphy, J. J. (2008, Winter). Seven habits of highly effective school psychologists. *Newsletter of the Washington State Association of School Psychologists*, 30 (2), pp. 1, 8-11.

Статья ежедневной газеты (печатная копия)

- Bakalar, N. (2009, August 11). Five — second touch can convey specific emotion, study finds. *The New York Times* (Late edition). p. 3.
- Putin, V. (2012, February 20). Byt silnymi: Garantii natsionalnoj bezopasnosti Rossii [Being strong: Assurances of national security for Russia]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper] pp. 1-2.
- Путин, В. (2012, Февраль 20). Быть сильным: Гарантии национальной безопасности России. *Российская газета*. ss. 1-2.

КНИГИ

От одного до семи авторов (печатная копия)

- Murphy, J. J. & Duncan, B. L. (2007). *Brief intervention for school problems: Outcome-informed strategies*. (2nd ed.). New York: Guilford Press.
- Babaeva, J. D., & Voiskounsky, A. E. (2003). *Odarennyi rebenok za komputerom* [The gifted child at a computer]. Moscow: Skanrus.
- Бабаева, Ю. Д., & Войскунский, А. Е. (2003). *Одаренный ребенок за компьютером*. Москва: Сканрус.

Книга, имеющая редактора(ов) (печатная копия)

- Люсин, Д. В., Ушаков, Д. В. (ред.). (2009). *Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям*. Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Haugtvedt, C. P., Herr, P. M., & Kardes, F. R. (Eds.). (2008). *Handbook of consumer psychology*. New York, NY: Lawrence Erlbaum Associates.
- Lyusin, D. V., & Ushakov, D. V. (Eds.). (2009). *Sotsialniy i emocionalniy intellekt: Ot processov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measures]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.

Статья или глава в книге, имеющей редактора или справочнике с двумя и более редакторами (печатная копия)

- Buchanan, T. (2007). Personality testing on the Internet: What we know, and what we do not. In A.N. Joinson, K. McKenna, T. Postmes, & U.D. Reips (Eds.), *The Oxford handbook of Internet psychology* (pp. 445-458). New York: Oxford University Press.
- Vinogradov, Ju. E. (1975). Emocional'naya aktivaciya v strukture myslitel'noy deyatel'nosti cheloveka [Emotional activation in the thinking activity of a human]. In O.K. Tikhomirov (Ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoy dejatel'nosti* [Psychological research of creative activity] (pp. 50-87). Moscow: Nauka.
- Виноградов, Ю. Е. (1975). Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека. В О.К. Тихомиров (ред.) *Психологические исследования творческой деятельности* (с. 50-87). Москва: Наука.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Для главы статьи или книги, к которой получают доступ онлайн без назначенного DOI, используйте URL домашней страницы журнала или книгоиздателя.

Не указывайте название онлайн-базы данных, в которой доступен архивный документ, указывайте URL домашней страницы (или титульной страницы) онлайн-архива.

Не указывайте дату обращения к онлайн-источнику, если содержание не изменяется в течение долгого времени (wikis, блоги).

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, без DOI (доступ онлайн)

- Расторгуев, С. В. (2013). Опыт бизнеса в политике: миф или реальность? *Человек. Сообщество. Управление*, (3): 100-108. Режим доступа <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Rastorguyev, S. V. (2013). Opyt biznesa v politike: mif ili real'nost'? [A business experience in politics: myth or reality?]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3): 100-108. Retrieved from <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Mazalin, D. & Klein, B. (2008). Social anxiety and the Internet: Positive and negative effects. *EJournal of Applied Psychology*, 4 (2): 43-50. Retrieved from <http://ojs.lib.swin.edu.au/index.php/ejap/article/view/8/157>

Статья в популярном журнале, без DOI (доступ онлайн)

- Чернышов, С. (2014, Июнь). Быстро или долго. *Эксперт Сибирь*, 25 (422). Режим доступа <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Chernyshov, S. (2014, June). Bystro ili dolgo [Quickly or long]. *Ekspert Sibir'* [Expert Siberia], Retrieved from <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Winerman, L. (2009, September). Playtime in peril. *Monitor on Psychology*, 40 (8). Retrieved from <http://www.apa.org/monitor/>

Статья в газете (доступ онлайн)

- Ravn, K. Habits can be broken, but not forgotten. (2009, April 6). *Los Angeles Times*, Retrieved from <http://www.latimes.com>
- Корягин, В. Нет насилию. (2014, Июнь 16). *Газета.ру*, Режим доступа http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml
- Koryagin, V. Net nasiliyu ["No" to violence]. (2014, June, 16). *Gazeta.ru* [Newspaper], Retrieved from http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

Книга, имеющая редактора, с DOI, (доступ онлайн)

- Здравомыслова, Е., Темкина, А. (ред.). (2007). Российский гендерный порядок: социологический подход. doi:10.1002/9781444345123
- Zdravomyslova, E., & Tyomkina, A. (Eds.). (2007). Rossyiskyi gendernyi poryadok. Sotsiologitcheskiy podkhod [Russian gender order. A sociological approach]. doi: 10.1002/9781444345123
- Dunn, D. S., Halonen, J. S., & Smith, R. A. (Eds.). (2008). Teaching critical thinking in psychology: A handbook of best practices. doi:10.1002/9781444305173

Статья энциклопедии, имеющая главного редактора (многочисленную редакционную коллегию), без DOI (доступ онлайн)

- Apter, M. J. (2009). Psychological benefits of play. In R.P. Carlisle et al. (Eds.), Encyclopedia of play in today's society. Retrieved from http://sage-ereference.com/play/Article_n327.html

Сообщение в блоге

- Grohol, J. M. (2009, March 30). Why do we swear? [Web log post]. Retrieved from <http://psychcentral.com/blog/archives/2009/03/30/why-do-we-swear/>

Правительственный отчет, коллектив авторов (доступ онлайн)

- U.S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Institute of Neurological Disorders and Stroke, Office of Communications and Public Liaison. (2009). Autism Fact Sheet (NIH Publication No. 09-1877). Retrieved from http://www.ninds.nih.gov/disorders/autism/detail_autism.htm

Документ (книга) из образовательной базы данных (доступ онлайн)

- Springate, I., Atkinson, M., Straw, S., Lamont, E., & Grayson, H. (2008). Narrowing the gap in outcomes: Early years (0-5 years). [Monograph]. Retrieved from <http://eric.ed.gov>

Диссертация (доступ онлайн из базы данных)

- Helsel, S. D. (2008). *The influence of technology on adolescent development: An eco-cultural analysis of cybersocial activity*. (Doctoral dissertation). Available from ProQuest Dissertations and Theses database. (UMI No. 3322174)

Редакция журнала располагается по адресу: 350040, Россия, Краснодар, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 406-н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

INFORMATION FOR CONTRIBUTORS

Dear Authors, the Journal welcomes your manuscripts (scientific articles, reviews of publications and critical reviews up to 42,000 symbols, i.e. up to 1,0 of the printer's shift). Manuscripts should be submitted in MS Word for Windows format. Manuscripts are accepted via Open Journal at the Journal's site (journalsr.kubsu.ru). Because of the transition period, please send the copy of your materials for 2018 issues of the Journal to chsu1999@yandex.ru.

The Author grants the Editorial Board (the Publisher) the right to publish their article in the Journal and to use the article's full texts in the "Russian Science Citation Index" (РИНЦ), and other international databases. The right to use the materials of the Journal as a whole, in accordance with paragraph 7 of article 1260 of the Civic Code of the Russian Federation, belongs to the Publisher. The copyright is regulated by Creative Commons 4.0 BY license.

The author's consent to publish their article is considered realized as soon as the article is downloaded in the Open Journal System on the Journal's website. The Open Journal System registers the author's initials and surname, as well as their affiliation, the electronic address, the title of the article, the annotation, and key words, both in the Journal and on its site. No royalties are paid. The submitted articles are not returned.

The manuscript should enclose the title of the article in English, the author's transliterated surname, and the References transliterated and translated into English. The author's information should include the following about the author / authors: their initials and surname (in full), their academic rank, the name of the organization where they work and its postal address, their position, telephone numbers, electronic and postal addresses (including postcode), and the information about the financial support of the research and the grants' titles. The information is provided in Russian and in English.

The manuscript should enclose an informative summary of the article (the volume of the summary is between 200-250 words), containing the description of the essence of the research (its aims/goals, methodology, basic conclusions of the research, interpretation of its results, its importance in solving the problems raised in the research), as well as the key words (not more than ten). Footnotes and/or direct citations from the article are not permissible. The resume and the key words are provided in Russian and in English.

The author / authors should refer to the sources from which they borrow citations, statistical data and other information. At the end of the article there is Bibliography (References) in which the cited (or otherwise mentioned) sources are arranged in the alphabetical order and are given a numerical number. It is necessary to mention the place of publication, the publishing house (with the exception of periodicals), and the year of publication. First come Russian sources, then foreign sources.

In preparing the manuscript for publication the author (s) should follow Rules for Preparing a Manuscript for Publication.

The Editorial Board reserves the right to return the manuscript to its author to bring it into line with the existing standard.

Editor's board address: Kuban State University, room 406N, 149, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Distribution. The journal is distributed by subscription. It is possible to read some issues of the journal at the library of the Dept. for Management and Psychology of KubSU (3th floor of the university new building, room 406N, open Mon – Fri, 10 am – 5 pm).

ПОРЯДОК ПРИЁМА И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы. Проводится анализ представленной статьи в режиме «двойного слепого» рецензирования. В течение 30 рабочих дней с даты принятия статьи автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати. Редакция не знакомит авторов с текстом рецензий, при необходимости сообщая о замечаниях и рекомендациях по доработке статьи.

PROCEDURE FOR RECEIVING AND REVIEWING MANUSCRIPTS

The Journal accepts articles not published earlier either in English or in Russian. The manuscripts are reviewed by the members of the editorial board and editorial council, or by the invited reviewers who are acknowledged specialists in the field of science researched in the article. In case of serious contradictions between the reviewer(s) and well-based doubts of the editorial board on the publication, the manuscript can be submitted for further review.

The reviewers provide recommendations on whether to publish the paper or not. During 30 days the applicant is sent the answer with a reasoned decision of the following options: (1) the article is recommended to be published, (2) the article is recommended to be published after revision, (3) the article is not recommended to be published.